

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ:

**ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ОНТОЛОГИИ
И ГНОСЕОЛОГИИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА
(К 300-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ И. КАНТА)**

Нижний Новгород
2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
Министерство образования, науки и молодежной политики Нижегородской области

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
В ФИЛОСОФИИ:
ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ОНТОЛОГИИ И ГНОСЕОЛОГИИ
КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА
(К 300-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ И. КАНТА)

Сборник статей
по материалам XIX Международной научной конференции
20 января 2024 г.

Нижний Новгород
ННГАСУ
2024

УДК 140.8
ББК 151.1 + 87.3
М64

Материалы публикуются в авторской редакции

Мировоззренческая парадигма в философии: взаимоотношение онтологии и гносеологии как философская проблема (к 300-летию юбилею И. Канта) : сборник статей по материалам XIX Международной научной конференции (Н. Новгород, ННГАСУ, 20 января 2024 г.) / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет ; редколлегия : М.М. Прохоров (отв. ред.), А.Ф. Кудряшев (зам. отв. ред.), А.Н. Фатенков (зам. отв. ред.), В.С. Лапшина. – Электронные данные (2 МБ). – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2024. – 229 с. – 1 CD ROM. – Заглавие с экрана. – ISBN 978-5-528-00569-0 Текст : электронный.

В системе современных философских представлений проблемный характер сохраняет взаимоотношение онтологии и гносеологии. Кантианский переворот в философии был обусловлен пересмотром соотношения онтологии и гносеологии в философском познании. На смену онтологическому, созерцательному обоснованию теории познания И. Кант в XVIII веке стал рассматривать познание с позиций протекающей по своим собственным законам активной человеческой деятельности, в качестве главного фактора, конструирующего предмет знания и обуславливающего способ познания, предвзято идею отнесенности, относительности познания к деятельности субъекта, пересмотренную в «Тезисах о Л. Фейербахе» К. Марксом с позиций материализма.

Целью конференции является исследование философских оснований концепций взаимоотношения онтологии и гносеологии в поисках нового мировоззрения, их укорененности в системах мировоззренческих представлений, которые гарантируют актуальность конференции и её ориентацию на научный и философско-мировоззренческий подход.

Рецензент – д. филос. наук, профессор М.М. Прохоров

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Мелих Юлия Биляловна</i> ОНТОЛОГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ИЛИ «ОБРАЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ СУЩЕГО В ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ»	7
<i>Прохоров Михаил Михайлович</i> ФИЛОСОФСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ЯЗЫКА И ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕГЕЛЕМ И МАРКСИЗМОМ	13
<i>Фатенков Алексей Николаевич</i> ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ КАНТА И АБСОЛЮТНЫЙ СУБЪЕКТ ГЕГЕЛЯ	31
<i>Кудряшев Александр Федорович</i> О ПРИНЦИПЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МОНИЗМА В.И. СВИДЕРСКОГО	36

Раздел II

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Азарян Самир Генрихович</i> ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА ОБ ИСТОКАХ ПРОТИВОБОРСТВА РОССИИ И ЕВРОПЫ	46
<i>Арутюнян Каринэ Сергеевна</i> ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ОБЫДЕННОГО И МОРАЛЬНОГО В СОЗНАНИИ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА	50
<i>Балаклеец Наталья Александровна</i> ПРОЕКТ ВЕЧНОГО МИРА И. КАНТА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОГО	54
<i>Берендеев Вадим Анатольевич</i> СПЕЦИФИКА РАССМОТРЕНИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ВОЙНЫ В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ КАРЛА ШМИТТА	60
<i>Бугаевская Наталья Валентиновна</i> АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ИДЕИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	65
<i>Гордин Алексей Александрович</i> КОНЦЕПЦИЯ «АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ ИСТОРИИ» В ИСТОРИОГРАФИИ	69

ПОЛИТИКИ «БОЛЬШОГО СКАЧКА» В СССР

<i>Гребенюк Алексей Викторович</i> ФИЛЬМ «МАТРИЦА» КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ	78
<i>Дуплинская Юлия Михайловна</i> К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ ГНОСЕОЛОГИИ В XX-XXI ВВ.: ОТ ГНОСЕОЛОГИИ К ОНТОЛОГИЧЕСКИМ АРХЕТИПАМ	81
<i>Егорова Татьяна Игоревна</i> ПРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ И. КАНТА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ	86
<i>Елхова Оксана Игоревна</i> ПОПРОБУЙ ДОКАЗАТЬ, ЧТО ТЫ НЕ В МАТРИЦЕ	90
<i>Ефимова Светлана Геннадьевна</i> И. КАНТ И ПРОЦЕСС ЭСТЕТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	94
<i>Зубкевич Лада Альбертовна</i> НООНОМИКА КАК ЯВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ (СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)	99
<i>Киселев Владимир Владиславович</i> НАУЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ТРАНСГУМАНИЗМ	105
<i>Лапина Валентина Семёновна</i> СМЫСЛ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРЕКРАСНОЕ» В ЭКСПЛИЦИТНОЙ ЭСТЕТИКЕ И. КАНТА И А. Г. БАУМГАРТЕНА	110
<i>Лойко Александр Иванович</i> ФИЛОСОФИЯ И. КАНТА И РОМАНТИЗМ	117
<i>Лойко Лариса Егоровна</i> ФИЛОСОФИЯ ИММАНИУИЛА КАНТА И АННАЛЫ	121
<i>Лямина Татьяна Евгеньевна</i> «ФИЛОСОФСКИЙ НИГИЛИЗМ» В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	125
<i>Нагорнов Евгений Александрович</i> НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВСТВЕННОГО СУБЪЕКТА	129
<i>Назарова Марина Григорьевна</i> К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ И. КАНТА	133
<i>Петев Николай Иванович</i> УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ, ВСЕОБЩНОСТЬ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА И. КАНТА	135

<i>Рознова Мария Александровна, Яксяргин Леонид Михайлович</i> РОМАН С. ЛЕМА «СОЛЯРИС» И ГНОСЕОЛОГИЯ И. КАНТА: НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЛОСОФИИ	142
<i>Савинов Александр Борисович</i> ДИАЛЕКТИКА РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАРАДИГМ БИОЛОГИИ)	148
<i>Сарасов Евгений Александрович</i> К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЧЕЛОВЕК» И «ГРАЖДАНИН» В УЧЕНИИ И. КАНТА	153
<i>Семенов Иван Александрович</i> ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАРИТАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ ЦИЦЕРОНА К КАНТУ	160
<i>Тимощук Алексей Станиславович</i> И. КАНТ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПОЗНАНИЕ	164
<i>Тимощук Елена Андреевна</i> КАНТ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ	168
<i>Шамин Игорь Валерьевич</i> КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ «ПРОЕКТА РАЗВИТИЯ» РОССИИ В 2020-Е – В НАЧАЛЕ 2030-Х ГГ.	171
<i>Шутова Екатерина Александровна</i> «КРИТИКА СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ» ИММАНУИЛА КАНТА: ТЕЗИСЫ О СЛОВЕСНЫХ ИСКУССТВАХ	176
<i>Хозерова Татьяна Петровна</i> ЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИММАНУИЛА КАНТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ	181

Раздел III. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ: ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

<i>Астапкович Александра Эдуардовна</i> ВЫРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННОЙ ТЕОРИИ И. КАНТА В СОДЕРЖАНИИ ПРОЦЕССА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ	186
<i>Жихарева Анастасия Андреевна</i> ВЗГЛЯД И. КАНТА НА АРХИТЕКТУРУ	190

<i>Кривов Виктор Олегович</i> СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ЭВАКУАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)	196
<i>Кучерин Роман Владимирович, Семенов Иван Александрович</i> ЛУДОМАНИЯ: АВТОНОМИЯ ЛИЧНОСТИ (ПО И. КАНТУ) ИЛИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ЭСКАПИЗМ	202
<i>Ломанова Татьяна Дмитриевна</i> ПОНЯТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО В АНТИУТОПИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	206
<i>Павлов Антон Николаевич</i> СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РАЗВИТИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)	212
<i>Рэдмэйн Светлана Николаевна</i> ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО МЕТОДА И. КАНТА	218
АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	224

Раздел I
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

МЕЛИХ ЮЛИЯ БИЛЯЛОВНА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(МГУ), г. Москва, Российская Федерация

**ОНТОЛОГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ИЛИ «ОБРАЩЕНИЕ
ПРОБЛЕМ СУЩЕГО В ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ»**

Хотя конференции тематизирует взаимоотношение между онтологией и гносеологией, ее фокус направлен на гносеологию, поскольку мировоззренческая парадигма – это прежде всего методологическая парадигма, которая призвана решить онтологические проблемы, возникшие в системе И. Канта. Тема доклада раскрывается в четырех направлениях:

1. Резигнация разума или выявление новых проблем кантовской философии
2. Трансцендентальная теория ценностей В. Виндельбанда
3. Науки о природе и науки о духе, понятие мировоззрения Г. Риккерта
4. Онтологическое и эстетическое преодоление философии И. Канта в России.

1. Резигнация разума или выявление новых проблем кантовской философии

Проблемы кантовской системы формулирует неокантианец Р. Кронер в своем докладе «Критицизм и теоретико-познавательная резигнация» на VIII Международном конгрессе в 1908 г. в Гейдельберге. Он говорит о том, что анализ *традиционной* трактовки Канта якобы показал, что «проблемы догматической метафизики неразрешимы... Как только мышление пытается охватить мир как данное целое, оно попадает в необходимые для разума противоречия» [1, с. 823], что и приводит к резигнации разума. Кронер спрашивает: «попадает ли это видение критицизма в самом деле в его глубочайший смысл?» [1, с. 823], и указывает на то, что «Кант не только утверждал необходимость антиномий разума (Vernunftnotwendigkeit der Antinomien), но и сформулировал понятия, высшее понимание которых как раз и предназначено для того, чтобы решать эти противоречия, примирить разум с самим собой и убрать проблему антиномий из мира» [1, с. 826]. Разум оказывается стесненным понятиями опытных наук. Критицизм должен осознать, что проблема заключается в *самом разуме*, в «виде познания», и, как следствие, раскрыть «новую область познания», которая находится над запутавшимся в противоречиях видом познания. Решение предлагает трансцендентальная философия ценностей, посредством которой возможным становится «обращение проблем сущего в проблемы ценностей» [1, с. 827], т. е. отказ от онтологии и метафизики в пользу бесконечного увеличения мыслительных способностей, выражающегося в поиске новых категорий, видов и форм мышления. Кронер заключает: «Тогда не действительность

сама по себе и для себя является воплощением логически ценного, а тогда царство абсолютных логических ценностей охватывает под собой и *формы* (курсив мой – Ю. М.) действительности» [1, с. 827].

М. Хайдеггер подтверждает мысль Кронера и связывает появление неокантианства с тем, что «на Канта стали смотреть как на теоретика физико-математической эпистемологии» [7, с. 130]. Он характеризует общую черту неокантианства, называет имена его представителей Когена, Виндельбанда, Риккерта, Эрдмана, Рия и отправляет для его понимания к его истокам, которыми «является то затруднение философии, когда она столкнулась с вопросом, что же осталось у нее из всей совокупности познания. Казалось, что осталось только это *познание* (курсив здесь и далее мой – Ю. М.) науки, а не того, *что существует*. Эта перспектива определила все движение “назад к Канту”» [7, с. 130]. Тем не менее, как считает Хайдеггер, Кант никогда не намеревался предложить теорию естествознания. В 1929 г. в Давосе в дискуссии с неокантианцем Э. Кассирером он предлагает свой подход, который «отчасти» следует «гегелевской трактовке применения рассудочных категорий к безусловным предметам разума (т. е. для познания Бога, свободы и бессмертия души), как важнейшей и наиболее интересной части “Критики чистого разума”» [6, с. 308]. Литвинский здесь передает изложение подхода Хайдеггера Р. Сафранским [2, с. 221–223]. По мнению Хайдеггера, намерением Канта «было *показать проблему метафизики как онтологии* (курсив мой – Ю. М.)» [7, с. 130]. Свою задачу Хайдеггер видит «в том, чтобы конструктивно интегрировать это положительное ядро его “Критики чистого разума” с такой онтологией» [7, с. 130]. Хайдеггер указывает на самодостаточность разума и все же его связь с *существованием* у Канта. Задача, соответственно, состоит в уяснении этой внутренней связи закона с существованием: «какова *внутренняя структура самого существования* (курсив мой – Ю. М.), является ли оно конечным или бесконечным? Вот вопрос, который вводит в суть проблемы. Именно в том, что выбрать для конституирования бесконечного, раскрывается характер конечного» [7, с. 132–133]. Хайдеггер уверен, что «Благодаря моей *онтологической интерпретации* (курсив мой – Ю. М.) кантовской “Диалектики” я, думаю, могу показать, что проблема “бытия” является в действительности позитивной проблемой “Трансцендентальной логики”, хотя кажется, что она присутствует там только в негативной форме» [7, с. 132–133]. «Хайдеггер с первых слов, – как это излагает Литвинский по указанной работе Сафранского, – утверждает, что именно в этом пункте “Трансцендентальной логики” и заключается действительный интерес и проблема критической философии Канта, – не в “негативной форме” ограниченной формальной логики, не в логике необходимой субъективной видимости, но в Логике Истины, или, как выражается Хайдеггер, в *онтологическом преобразовании кантовской “Диалектики”*» [6, с. 308]. Неокантианство отказывается от онтологии и расширяет сферу трансцендентального теорией трансцендентальных ценностей.

2. Трансцендентальная теория ценностей В. Виндельбанда

Разработка трансцендентальной теории ценностей В. Виндельбанда начинается с докантовской философии, которая «должна была объяснить первоначально представлений и доказать законы, по которым эти представления преобразуются в научные воззрения, в общие понятия и их связующие суждения» [4, с. 22], т. е. обеспечивают общее и необходимое знание. Кант, по мнению Виндельбанда, показал, насколько *безличными* к оценке представления является естественный механизм процесса его осознания, т. е. превращения в знание. Он выделяет следующий момент: «из всей массы представлений и сочетаний представлений» выделяются «не только те, которые принято называть научными, но и» те, которым *«полагается ценность истины»* (курсив мой – Ю. М.). Почему только определенным сочетаниям представлений «полагается ценность истины» таковым образом, что они не только общепризнаны, а заслуживают этого признания» [4, с. 22-23]. Почему некоторые представления действуют (gelten) как долженствование, другими словами, почему они имеют значение? Виндельбанд утверждает: «Все равно как, по какому побуждению и по каким законам в индивидууме или в роде такие суждения приводятся в сознание, ... Философия исследует, какая ценность с учетом критической точки зрения истины им полагается» [4, с. 24-25]. С критической точки зрения это означает осознание ценности, общезначимости и необходимости различных способностей человека, т. е. с точки зрения *разума* как истинности, с точки зрения деятельности *воли* как добра, а также общезначимости и необходимости с точки зрения *чувства*, как прекрасное в искусстве. Все познавательные суждения являются одновременно и оценочными суждениями, это комбинация: все оценочные суждения претендуют на истинность, а все познавательные суждения имеют значение, т. е. ценность. Ценности *истины, добра и прекрасного* «действуют абсолютно, даже, если они себя вовсе или в общем не проявляют фактически» [4, с. 36], они представляют собой «нормальное сознание», сферу должного. Виндельбанд объясняет вынужденное введение понятия «нормальное сознание» теоретической загруженностью понятия разума у И. Канта. Представляется, что также и введение понятия значить (gelten), близкого по содержанию понятию долженствования (Sollen), подчеркивает отличие кантовского подхода от ценностного. Остается открытым вопрос оценки, ее механизма. Она, по определению Виндельбанда, является необходимым результатом единства, «с одной стороны, состояния потребности, а с другой – содержания представления», которые в свою очередь являются «необходимыми продуктами всего движения жизни» [4, с. 36]. Объяснением представлений занимается *психология*, а формированием потребностей *культура*, которая представляется застывшими ценностями. Итак, философия устранилась от анализа содержания представлений как продуктов жизни, теперь это сфера психологии. Что остается философии?

По существу, происходит отказ от онтологии, что констатирует и Н. Бердяев, критикуя книгу В. Виндельбанда «Прелюдии» за модернизацию Канта, очистив его от «проблематических и хлопотливых “вещей в себе”, от тайны трансцендентного бытия» и оставил только «нормы, ценности», только «сам разум» [5, с. 292]. Суть переворота, произведенного Кантом, и перенятого Виндельбандом, по мнению Бердяева, состоит в том, что «всякое знание, и философское знание, не есть учение о бытии, о сущем, об объективной действительности, о реальном, а лишь учение о самом разуме, о нормальном сознании», то есть в «разрыве с реалистическим пониманием познания, с допущением трансцендентного бытия, как предмета познания, со всякой онтологией» [5, с. 292]. Таким образом, констатирует Бердяев, «разуму противостояло великое ничто». Виндельбанд решает исходную гносеологическую проблему отношения бытия и познания упразднением бытия «и ищет противоядие против субъективизма и солипсизма в нормативности мышления, разума» [5, с. 293]. Такое решение «умерщвляет бытие, ведет к иллюзионизму и нигилизму, несет с собой дух небытия» [5, с. 294]. Очевидно, что в неокантианстве не решаются проблемы бытия, онтологии, а только гносеологические проблемы о мышлении в культуре.

3. Науки о природе и науки о духе, понятие мировоззрения Г. Риккерта

Наибольшую категориально-методологическую разработку ценностной теории культуры осуществляет Г. Риккерт, который выводит из нее обновленный предмет философии как науки о мировоззрении. Кратко об этом излагается в его статье «О понятии философии». Риккерт различает отношение субъекта и мира объектов и определяет главную задачу знания: «дать причинное объяснение явлений», такой тип знания представлен наукой. Но, отмечает Риккерт, *причинность* является *формой* познающего субъекта и только для него она и существует как *оформление* мира явлений. Такое познание мира является поверхностным, не открывает глубины и тайны мира. Глубинное познание мира возможно только через самопознание, через прохождение «чистилища нашего я», т. е. субъективно. Что еще должно включать мировоззрение, кроме причинного объяснения мира? Оно должно помогать нам понять «“смысл” нашей жизни, значение нашего “я” в мире. ...руководящие нити, последние цели для нашего отношения к миру, для нашего хотения и деятельности» [8, с. 25], считает Риккерт. Понятие смысла связывается с вопросом о том, «имеет ли жизнь наша ценность, и что мы должны делать, чтобы она приобрела таковую» [8, с. 29]. Из этого следует необходимость подвести под субъекта положительный *фундамент*, выводящий за пределы субъекта и объекта, такой фундамент и представляет самостоятельное «царство ценностей», противопоставляемое «царству действительности». Это противостояние содержит в себе *мировую проблему*, которая шире, чем проблема субъекта и объекта. Цельность «я» может решаться только в таком противостоянии, включенности в цельность мира в мировоззрении.

Задача философии – не исследовать действительность, а выявлять и *формулировать* ценности мировоззрения культуры в различных сферах человеческой деятельности. Это означает, что основная задача философии гносеологическая, или формально-логическая – исследование форм мышления. Именно в этом проявляется связь теории трансцендентальных ценностей с трансцендентальной философией И. Канта. Теория трансцендентальных ценностей снимает *нейтральность* мышления, антропологизирует, культивирует действительность (прагматисты говорят о мелиорации реальности). Действительность – это результат человеческого свободного, ответственного творчества, ориентированного на созданные им ценности. Тем самым происходит релятивизация реальности, мир «прогибается» под человека, следуя неокантианцу Ф. А. Степуну. В начале говорилось о намерении М. Хайдеггера преобразовать онтологию И. Канта в экзистенциальной философии, которая начинается с анализа бытия, а не мышления. С этой целью он также, как и неокантианцы, усиливает антропологизм, при этом он снимает относительность сущего, вводя экзистенциалы, безличное местоимение «ман» (man).

4. Онтологическое и эстетическое преодоление философии И. Канта в России

Другой ход к преобразованию И. Канта через онтологию, опирающуюся на метафизику, совершает Вл. Соловьев. Темы свободы и логики истины также являются центральными в философии Соловьева, он осуществляет преобразование онтологии через ее *персонализацию* посредством идеи *всеединства* и *софиологии*. Соловьев разрабатывает метафизику одухотворенного софийного космоса и через нее возвращает трансцендентное, Абсолют в философию, за горизонт которой, по словам Ф. А. Степуна, ее выводит И. Кант. Найденный Соловьевым *образ* Софии представляет попытку преодолеть разобщенность форм деятельности через определенное триединство постижения реальности – религиозное, философское и поэтическое.

Соловьев предлагает и другое направление преодоления Канта – это эстетическое преодоление посредством обоснования *пересоздания* реальности в творчестве, свободной теургии, – по этому пути пойдут русские неокантианцы, в первую очередь, Ф. А. Степун, которого будет упрекать за релятивизм Иосиф Бернхард. Отрицание бытия и его пересоздание в творчестве будет обосновывать и Н. А. Бердяев, которого В. В. Зеньковский, в свою очередь, будет упрекать за солипсизм.

Подводя итоги, можно согласиться с Виндельбандом в том, что Кант своим критицизмом дает нам средства для преодоления своей философии: «Чем глубже охватывают антагонизм, существующий между различными мотивами его мышления, тем больше находят в нем *средств для обработки проблем* (курсив мой – Ю. М.), которые он создал своими решениями проблем» [3, с. VI]. Философия И. Канта позволяет расширять его систему – царством абсолютных ценностей, или же преобразовывать онтологию в

софиологии и экзистенциализме. Она остается всегда вызовом и призывом к ее преодолению.

Список использованной литературы:

1. Kroner R. Kritizismus und erkenntnistheoretische Resignation // Bericht über den III. Internationalen Kongress für Philosophie zu Heidelberg. 1. bis 5. September 1908. Hrsg. von Th. Elsenhans. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1909. S. 823-830.
2. Safranski R. Ein Meister aus Deutschland. Heidegger und seine Zeit. München: Hanser, 1994. 520 S.
3. Windelband W. Vorwort // Windelband W. Präludien. Aufsätze und Reden zur Einleitung in die Philosophie. Freiburg i. Br.-Tübingen: Akademische Verlagsbuchhandlung von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1884. S. V-VI.
4. Windelband W. Was ist Philosophie? (Über Begriff und Geschichte der Philosophie) // Windelband W. Präludien. Aufsätze und Reden zur Einleitung in die Philosophie. Freiburg i. Br.-Tübingen: Akademische Verlagsbuchhandlung von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1884. S. 1-53.
5. Бердяев Н. А. Кризис рационализма в современной философии (Виндельбанд. Прелюдии) // Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 г.). СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1907. С. 290-304.
6. Литвинский В. М. Комментарии к семинару «Мартин Хайдеггер – Эрнст Кассирер» // Фауст и Заратустра: сб. статей: пер. с нем. СПб.: Азбука, 2001. С. 307-310.
7. Мартин Хайдеггер – Эрнст Кассирер. Семинар // Фауст и Заратустра: сб. статей: пер. с нем. СПб.: Азбука, 2001. С. 130-141.
8. Риккерт Г. О понятии философии // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. 1910. Книга 1. – репр. изд. – М.: Территория будущего, 2005. С. 19-61. – (Серия: Университетская библиотека Александра Погорельского).

ПРОХОРОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ФИЛОСОФСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ЯЗЫКА И ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕГЕЛЕМ И МАРКСИЗМОМ

Язык есть система знаков, служащая средством человеческого мышления и общения, социальное средство хранения и передачи информации. Формирование и развитие его категориальной структуры отражает формирование и развитие категориальной структуры мировоззренческого сознания. Он есть форма, выражающая содержание сознания, в языке выражается, объективируется мировоззренческое сознание. Языки сопоставимы с разными видами мировоззрения, благодаря которым смысл мировоззрения становится понимаемым и создаваемым человеком.

При определении философии мы объединяем научное и мировоззренческое «начала». Она есть наука о наиболее общих законах природы, общества и мышления, в отличие от конкретных наук, изучающих фрагменты действительности, результаты которых добываются на эмпирическом и теоретическом уровнях. Философия не имеет эмпирического уровня познания, его заменяют результаты всех видов и продуктов человеческой деятельности. Философия относится также к семейству мировоззрения. (наряду с мифологией, религией, искусством, обыденным сознанием, здравым смыслом), в котором она выступает теоретической формой мировоззрения, выходя за границы его этимологической интерпретации как воззрения о мире, его картины, образа, модели и т.п. Философия вырабатывает не только наиболее общую 1) картину мира, но 2) человека и 3) отношения человека с миром. Синтез обоих «начал» ведет к понятию номологического (nomos — греч. закон) мировоззрения. Слово nomos (закон) возникло в контексте регуляции общественных отношений, в дальнейшем оно было перенесено на понимание природы; генезис закона изначально осуществлялся во всеобъемлющем космологическом контексте, а человеческие установления выступали в гармонии с мировой необходимостью. «Наука исторически сложилась в системе типов мироосвоения как НОМОЛОГИЧЕСКОЕ образование. Ее цель и специфика – открытие ЗАКОНОВ универсума (абиотических, биотических и социальных систем)»¹.

Определения философии как науки в советский период указывали, что она открывает всеобщие законы природы, общества и человеческого мышления, в отличие от иных форм мировоззрения, которые таких задач не ставят и не способны их выполнить. Это предполагает идею союза философии и науки. При исследовании взаимосвязи методологической и

¹ Зеленов Л.А., Владимиров А.А., Щуров В.А. История и философия науки. Издательство ФГОУ ВПО ВГАВТ. Нижний Новгород, 2004. С. 161.

мировоззренческой роли в философии в советское время относили их к числу основных функций. Только в абстракции и в воображении не отвечающих действительности, наука и научное мировоззрение могут довести сами по себе, говорить о замене философии наукой или обратно, можно только в научной абстракции, писал В.И. Вернадский.

В современную эпоху приходится выделять симулятивный язык выражения мировоззренческого сознания альтернативный языку науки и номологического мировоззрения. Наука есть особый вид познавательной деятельности, направленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Она ставит своей целью выявить законы, в соответствии с которыми объекты могут преобразовываться в человеческой деятельности. В своем развитии наука прошла путь классической (XVII-начало XX в.), неклассической (первая половина XX в.) и постнеклассической (конец XX–XXI вв.) рациональности. Согласно классической науке «субъект дистанцирован от объекта, он как бы со стороны познает окружающий мир, и условием объективно истинного знания считается элиминация из объяснения и описания всего, что относится к субъекту и средствам деятельности. Для неклассической рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности; экспликация этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте», а образцом реализации этого подхода является «квантово-релятивистская физика»². Исторически и логически неклассическая рациональность возникла после классической науки. И только на этом признании классической науки, раскрывающей истину об объекте «в чистом виде», базируется убеждение в принципе относительности, отнесенности предмета исследования к средствам наблюдения субъекта. Как показал В.И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» это *соотношение* классической и неклассической рациональности в науке соответствует сути философско-материалистического фундамента научного познания. Поэтому В.И. Ленин подверг критике попытку его пересмотра Э. Махом и Р. Авенариусом, представителями эмпириокритицизма. Возражая им, он писал, что основоположением не только марксистского, но и всякого материализма является восходящее к Л. Фейербаху признание абсолютной *предданности* природы, ее существования до всякого опыта вообще. Естествознание «с необходимостью приводит нас к такому пункту, когда еще не было условий для человеческого существования, когда природа, то есть земля, не была еще предметом человеческого глаза и сознания человека, когда природа была, следовательно, *абсолютно нечеловеческим существом* (absolut unmenschliches Wesen)»³. И только на этом признании абсолютной

² Степин В.С. Наука // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 458.

³ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 18. М.: Политиздат, 1973. С. 82.

нечеловечности природы базируется убеждение в объективности законов развития природы и истории. На это указывал и М. Хайдеггер, характеризуя философию родоначальников науки Нового времени. До Декарта, «и даже еще внутри самой его метафизики *все сущее*, поскольку оно сущее, понималось как *sub-iectum*. *Sub-iectum* есть латинский перевод – и истолкование – греческого *υπο-κειμενον*, оно означает под-лежащее», «то, что в каком-то исключительном смысле заранее уже пред-лежит, лежит в основе чего-то и таким образом служит ему основанием. Из чистого понятия «субъекта» следует, собственно говоря, исключить понятие «человек», а тем самым и понятие «Я», «самость». Субъект – т.е. само по себе пред-лежащее – это камни, растения, звери ничуть не в меньшей мере, чем люди»⁴. Именно в таком контексте в античности возникла концепция познания как созерцания человеком окружающего мира⁵.

Новое время внесло радикальное изменение в понимание мироотношения, отношение мира и человека, оно привнесло идею господства субъекта над миром, ставшую основным фактором этого времени. В отличие от своих природных предшественников. Человек становится субъектом в сверхприродной реальности. Действительно: «нормальное существование животных дано в тех одновременных с ними условиях, в которых они живут и к которым приспосабливаются; условия же существования человека, – писал Ф. Энгельс, – лишь только он обособился от животного в узком смысле слова, еще никогда не имелись налицо в готовом виде; они должны быть выработаны только последующим *историческим* развитием. Человек – единственное животное, которое способно выбраться благодаря труду из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и должно быть создано им самим»⁶. Очеловеченный мир онтологически иной, чем маргинальная природа: в нем явления природы преобразованы, а человек есть субъект преобразующей деятельности. Он есть под-лежащее и лежащее-в-основе, уже заранее пред-лежащее. Этот мир, как и маргинальная природа, не тождествен всей действительности. Очеловеченная природа стала двигаться с ускорением, быстрее прежней природы, ибо в лице человека появился фактор этого ускоренного развития, что позволило ей вырваться из-под влияния чисто природных процессов и законов, благодаря творческой активности, перешедшей к человеку. Периодизация собственно

⁴ Хайдеггер М. Европейский нигилизм. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю. Попова. М., 1988. С. 266.

⁵ Прохоров М.М. Типы мироотношений. Обобщенная модель взаимоотношения человека и мира // Прохоров М.М. Философия для студентов вузов: тематический словарь. Нижний Новгород, 2019. С. 302-323.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, второе изд. Т. 20, с. 510.

исторического процесса выражает, писал Б.В. Поршневу, ритм «акселерации-ускорения»⁷.

Новоевропейский культурно-исторический контекст оказался тем мировоззренческим лоном, в котором развился подход И. Канта. Погруженность исследований И. Канта в существенно иной мир, чем мир природы первоначального субъекта, где человеку доступно лишь его «внешнее» созерцание, о котором толковал созерцательный материализм, выразилась у И. Канта в переходе от тезиса «всякие наши знания должны сообразоваться с предметами» к тезису «предметы должны сообразоваться с нашим познанием»⁸. Чтобы понять суть этого «переворота» И. Канта, нужно вдуматься в то, что стоит за этими тезисами, представляющими созерцание и преобразование, раскрыть их взаимоотношение. За вторым тезисом стоит мир преобразующей деятельности человека. Первый тезис «знания должны сообразоваться с предметами» предполагает, во-первых, объективное существование предмета по отношению к знаниям и соответствующее ему понятие объективной истины. Он предполагает изоляцию предмета от преобразующей деятельности. В созерцательном материализме оба значения «склеиваются» в утверждении о существовании предмета «до, вне и независимо» от субъекта: этот «материализм признание существования объекта независимо от сознания субъекта доводил до изоляции объекта от деятельности субъекта»⁹. И наоборот, изолированное от преобразующей деятельности субъекта существование объекта он интерпретировал как его объективное существование, отвергая тезис «предметы должны сообразовываться с нашими представлениями». При этом возникает разрыв связи между обоими тезисами, выражающими созерцание и преобразование. И. Кант *перепрыгивает* из мира созерцания в мир преобразования, в «эфире» которого он ведет разработку собственной гносеологии, в которой находит место для категории созерцания, радикально меняя ее содержание. Перенесение созерцания как гносеологической категории в процесс (область) преобразования мира человеком привело его к ошибочному тезису, будто мы познаем лишь то, что сами создаем, а вещи, как они существуют сами по себе, символизирующие объективную реальность, непознаваемы. В результате создается видимость обоснованности отбрасывания тезиса о необходимости «сообразовывать» наши знания с предметами; у И. Канта познание отгораживает человека от объективной реальности. «До сих пор считали, что всякие наши знания должны сообразоваться с предметами. При этом, однако, – пишет И. Кант, – кончались неудачей все попытки через понятия что-то установить априорно относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из

⁷ Поршневу Б.Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 27-28.

⁸ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3, с. 87.

⁹ Копнин П.В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1964. С. 65.

предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием, – а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны... Подобную же попытку можно предпринять, когда речь идет о *созерцании* предметов. Если бы созерцания должны были согласоваться со свойствами предметов, то мне непонятно, каким образом можно было бы знать что-либо а priori об этих свойствах; наоборот, если предметы (как объекты чувств) согласуются с нашей способностью к созерцанию, то я вполне представляю себе возможность априорного знания. Но я не могу остановиться на этих созерцаниях, а для того, чтобы они сделались знанием, я должен их как представления отнести к чему-либо как предмету, который я должен определить посредством этих созерцаний. Отсюда следует, что я могу допустить одно из двух: либо *понятия*, посредством которых я осуществляю это определение, также сообразуются с предметом, и тогда я вновь впадаю в прежнее затруднение относительно того, каким образом я могу узнать а priori о предмете; либо же допустить, что предметы, или что то же самое, *опыт*, единственно в котором (как данные предметы) и можно познать, сообразуются с этими понятиями»¹⁰.

Как видно, И. Кант строит теорию такого познания, которое отличается от познания внешних предметов, отвергая соответствующую ему идею «внешнего созерцания»: «субъект «творит» истину, преобразуя объект, себя и свое знание о мире и объекте»¹¹. Он отрицает определение истины в контексте «внешнего созерцания» как «адекватного отражения объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания»¹²; подразумевается переход к учету творчества, поиска, риска, свободы ответственно мыслящего субъекта. Нельзя строить понятие истины, отвлекаясь от этого факта, выражающего сущностные параметры познания в контексте практики преобразования мира. Истина есть «соответствие предмета своему понятию», ибо «предметы считаются с нашим познанием»¹³. Это возвращает к утраченной было традиции, к субъективистскому тезису софиста Протагора «человек есть мера всем вещам...», ибо «господство субъективного правит всем новоевропейским человечеством и его миропониманием». Именно человек (а не вещь-в-себе, как прежде) входит в роль подлинного и единственного субъекта, он становится собственно «лежащим-в-основании», он «задает сущему меру», «сам от себя и для себя определяя,

¹⁰ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3, с. 87-88.

¹¹ Микешина Л.А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 66-67.

¹² Спиркин А.Г. Истина // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.226.

¹³ Микешина Л.А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 67.

что вправе считаться сущим»¹⁴. Оправдывается такой подход введением тезиса о доверии человеку как субъекту познания, хотя он, как показала философия софистов, опасен релятивизмом¹⁵.

Мир человека, его познавательной деятельности якобы не имеет выхода к вещи-в-себе: «все созерцаемое... все предметы возможного опыта... явления, т.е. только представления, которые в том виде, как они представляется нам, а именно как протяжение сущности или ряды изменений, не имеют существования сами по себе, вне нашей мысли... Это учение я называю *трансцендентальным идеализмом*... Трансцендентальный реалист превращает эти модификации нашей чувственности в вещи, существующие сами по себе, и потому считает *представления* вещами в себе»¹⁶. Не случайно исследователи философии Канта называли ее «практически-догматической метафизикой», отмечая, что содержание кантовского критицизма «реализуется в первую очередь в практическом разуме, который по своему значению предшествует теоретическому»¹⁷. Здесь И. Кант встает на путь воспроизведения идеи «копии копии» Платона, но уже в контексте субъективного идеализма, где критика практического разума исследует его внутреннюю логику. Так, Л. Бэк подчеркивает, что практический разум рассматривает субъекта самого по себе, а «через

¹⁴ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 264-265.

¹⁵ В книге «История и философия науки» ее авторы верно указывают на столкновение «двух противостоящих друг другу взглядов на физику, четко сформулированных М. Планком» при ответе на вопрос: чем является физическая картина мира. «Есть ли эта картина только целесообразное, но в сущности произвольное создание нашего ума или же мы вынуждены, напротив признать, что она выражает реальные, совершенно не зависящие от нас явления природы? Планк считал, что внешний мир представлял собой нечто не зависящее от нас, абсолютное, чему противостоял мы. Этот постоянный элемент (подразумеваются мировые постоянные и связанные с ними законы) не зависят ни от какой вообще мыслящей индивидуальности и составляют то, что мы считаем реальностью. Коперник, Кеплер, Ньютон, Гюйгенс, Фарадей – опорой их деятельности была незыблемая уверенность в реальности их картины мира. Этот ответ находился в известном противоречии с тем направлением в философии природы, которым руководствовался Э. Мах и которое пользовалось большими симпатиями в среде естествоиспытателей. Согласно этому учению, в природе не существовало другой реальности, кроме наших собственных ощущений, и всякое изучение природы является, в конечном счете, только экономным приспособлением наших мыслей к нашим ощущениям. Разница между физическим и психическим бытием чисто практическая и условная; единственные существенные элементы мира – ощущения». Объект познания либо зависит, либо не зависит от того как он познается «относительно как своего существования, так и своих свойств». Столкновение этих двух позиций стало главной темой философских споров, Перед Э. Махом «встала старая проблема «психики» и «физики», для решения которой Кант вводил априорные формы чувственности, а Лейбниц – принцип предустановленной гармонии» (Зеленов Л.А., Владимиров А.А., Щуров В.А. История и философия науки. Издат-во ФГОУ ВПО ВГАВТ, Н. Новгород, 2005, с. 78-79).

¹⁶ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3, с. 450-451, 734-736.

¹⁷ Философия Канта и современный идеализм. М., Наука, 1987. С. 188.

утверждение свободы и автономии человек выступает уже как творец собственного мира»¹⁸, мира преобразующей деятельности.

Как известно, знание есть субъективный образ объективного мира, которое предполагает отношение субъекта и произведенного им образа к объекту. Образ может соответствовать объекту, быть адекватным ему, позволяя говорить об истине, либо не быть адекватным, что ведет к ложным знаниям и заблуждениям. Все же ложью и заблуждением *отношение* образа к объекту не отрицается (не говоря уже об истине). Это позволяет характеризовать не только истинные образы, но даже ложные представления и заблуждения (все еще) как формы знания, субъективные образы объективной реальности. Конечно, тот, кто лжет, говорит неадекватное бытию, но – субъективно – он не отрицает бытия и отношения к нему; напротив, он уверяет своего адресата, что высказываемое им адекватно бытию, объекту; так же и тот, кто заблуждается, уверен в истине утверждаемого им, не сомневаясь в существовании отношения образа к объекту, следовательно, к бытию. Имитация (симулирование) же мышления заключается не в утверждении истины и даже не в утверждении лжи и заблуждения, а в отрицании бытия и его отражения, самой репрезентации и, следовательно, восходящей к Аристотелю концепции репрезентативной истины. Если «копия» предполагает *отношение* к действительности, объекту, бытию, *копией* которых она является, то «симулякр» как «копия копии» *утрачивает* это отношение к реальности; он существует самостоятельно, *сам по себе*, будучи «копией копии копии...». Ведь «копия копии» имеет отношение *не* к действительности, бытию, объекту, *а* к копии, которая, в свою очередь, имеет отношение к копии, и так далее до бесконечности. На уровне мышления «копия» или «образ» есть *понятие*. Можно и его вывести «за» пределы бытия и отношения к нему, за пределы не только истины, но лжи и заблуждения; в этом состоит *трансгрессивный* опыт постмодернистов. По словам Клоссовски, «мы *вынуждены*» «раскрыть понятия по ту сторону их самих», «последнее еще могло бы стать точкой опоры, поскольку может быть изобличено как ложное». Симулякр же предполагает «сообщничество, мотивы которого не только не поддаются определению, но и не пытаются самоопределиться». Симулякр «пробуждает в том, кто испытывает его, особое движение, которое того и гляди исчезнет», а человек, когда он выговаривает симулякр, «избавляется от себя как от субъекта»¹⁹. Не удивительно, что постмодернисты приходят, во-первых, к отрицанию категории бытия и отношения к бытию, во-вторых, отрицают истину, предполагающую соответствие, адекватность копии бытию, в-третьих, отвергают даже ложь и заблуждение, которые все еще предполагают, – *как и* категория истины, – *отношение к реальности*. Вместо бытия объективной реальности бытие предстает как продукт чистого мышления –

¹⁸ Там же. С. 189.

¹⁹ Можейко М.А. Симулякр // Постмодернизм: Энциклопедия. Мн., 2001. С. 727–729.

трансцендентного, предчеловеческого либо трансцендентального, постчеловеческого. Исследователи констатируют, что симулякр имеет не гносеологическое, познавательное, а *оперативное, техническое* значение; он имеет отношение не к *episteme*, а к *téchne* (искусству-технэ), принадлежит сфере Техники и Технологии, претендующих на вытеснение и замену ими мира созерцаемой объективной реальности.

Отвергая идею «внешнего созерцания», И. Кант возражал против обвинений его в идеализме, упрекая своих оппонентов «чуть ли не в преднамеренном извращении, будто мое (Канта – М.П.) учение превращает вещи чувственно воспринимаемого мира в простую видимость». Он выражал уверенность, что его «учение об идеальности пространства и времени не только не превращает весь чувственно воспринимаемый мир в чистую видимость, но, напротив, есть единственное средство, гарантирующее применение одного из познаний, а именно познание априорной математики, к действительным объектам и не допускающее, что такое познание есть одна лишь видимость». Он утверждал, что если попытка «превращать вещи (а не явления) просто в представления есть действительно неприемлемый идеализм», то «я, – пишет И. Кант, – оставляю вещам ... их действительность и только ограничиваю наше чувственное созерцание... мой идеализм касался не существования вещей – сомневаться в этом мне и в голову не приходило»²⁰. И. Кант противопоставляет объективному идеализму и созерцательному материализму, которые сливает в единый фронт оппонентов, свою концепцию, объединяя материализм с агностицизмом. В реестре первичных свойств И. Кант оставляет то единственное свойство, с признанием которого связан материализм, т.е. он признает существование объектов самих по себе, переводя систему атрибутов объекта в категорию вторичных свойств. Все тела «вместе с пространством (временем, законами и т.п. – М.П.), в котором они находятся, должны считаться только представлениями в нас самих и существуют они только в наших мыслях»²¹. Познание у И. Канта оказывается поглощенным, «втянутым» в мир преобразующей деятельности человека. Отстаивая трансцендентальный идеализм, он отстаивает право быть «дуалистом», который «может допустить существование материи, не выходя за пределы самосознания и признавая только достоверность представлений во мне, т.е. *cogito, ergo sum*, и ничего больше», который «считает эту материю и даже ее внутреннюю возможность лишь явлением, которое в отрыве от нашей чувственности есть ничто». Поэтому для него «она есть только вид представлений [созерцание – М.П.], называемых внешними не в том смысле, будто они относятся к предметам, внешним самим по себе, а потому, что они относят восприятия к пространству, в котором все находится вне друг друга, тогда как само пространство находится в нас»²². На этом основании И. Кант утверждает, что непротиворечивое включение онтологии, т.е. учения о бытии и его внешнего созерцания в

²⁰ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4 (1), с. 109.

²¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4 (1), с. 106.

²² Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 3, с. 735-736.

структуру научно-философского знания принципиально невозможно, ибо бытие явлений зависит от сознания, познания, преобразования. Если вещь в себе не зависит от познания (преобразования), то она не созерцаема, ибо созерцаемое, т.е. явление есть продукт образующей его деятельности самого субъекта, человека. И. Кант стремится установить пределы для «внешнего созерцания», о котором говорили старые материалисты, чтобы выйти к идее «внутреннего созерцания» в рамках очеловеченного мира, то есть в границах мира преобразующей деятельности человека. Вот почему у него впервые не характер и структура познаваемой субстанции, но специфика познающего субъекта, его преобразующая деятельность, признается главным фактором, определяющим познание²³, правда, только явлений, но не вещей в себе, объявляемых непознаваемыми.

Таким образом, И. Кант одновременно и открыл, и мистифицировал диалектику познания, представив ее независимой от реальности сферой, рассматривая познание, в ходе преодоления онтологического обоснования теории познания, как деятельность, протекающую по своим собственным законам. Абсолютизация этой отнесенности, относительности объекта к средствам и операциям деятельности, как устойчивому организованному опыту и соответствующему устойчивому комплексу ощущений, была реализована в философии эмпириокритиков, явно представляющей субъективный идеализм берклианского и/или юмистского типа, где объективность подменяется субъективной *общезначимостью* и где порождается релятивизм²⁴. По словам В.И. Ленина именно Л. Фейербах был тем материалистом, который преодолел «смещение кантовской и материалистической вещи в себе». Именно через него Маркс и Энгельс «пришли от идеализма Гегеля к своей материалистической философии»²⁵.

Исходный пункт познания «вещь в себе», – по Канту, – объективно существующая, но неведомая, непознаваемая основа всех чувственно воспринимаемых и мысленных предметов, всего нашего чувственного и интеллектуального опыта. «Вещь в себе» – это, в целом, вещи с их имманентными законами. Но каковы вещи «сами по себе» нам неизвестно. Мы знаем вещи такими, какими они нам являются в нашем опыте. Мы знаем не «вещь в себе», а то, что втянуто в орбиту познания и является продуктом деятельности субъекта. Отказавшись от познания объективной сущности вещей, ограничив область познания сферой явлений, И. Кант встал на путь агностицизма – сомнения в познаваемости объективного мира, осуществляя конструирование «предмета познания» в духе субъективного идеализма. Таким оказался коперниканский переворот в философии по преодолению И.

²³ Фролов И.Т. и др. Авторский коллектив: Кант: от субстанции к субъекту, от бытия к деятельности // Введение в философию. Ч. 1. М.: 1989, С. 169.

²⁴ Савин А.Э. Истоки интерпретации и критики философских основ ленинизма в западном марксизме // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 81.

²⁵ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 18. М.: Политиздат, 1973. С. 81-82.

Кантом созерцательности, который привел в современную эпоху к различению понятий объекта и предмета познания. В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс, оценивая подобный подход, пишет о том, что, хотя предмет, действительность, чувственность уже не берется в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, тем не менее «*деятельная сторона*» познания разрабатывается *идеалистически*²⁶. В результате гносеологию И. Кант возводит в ранг основного, первого элемента теоретической философии, ставит ее на место онтологии, осуществляя *переход от метафизики субстанции к теории конструирования «предмета познания» деятельностью Я, Субъекта*. В этом смысле И. Кант называет свою философию *трансцендентальной*, а метод – *критическим*. Предметом теоретической философии должно быть не изучение самих по себе вещей – природы, мира, человека – но, установление законов человеческого разума и границ познавательной деятельности. Такой подход ведет в сторону симулятивного языка.

Г.В.Ф. Гегель подверг пересмотру понятие трансцендентального субъекта И. Канта, разработав в представляющей собой его теоретическую диалектику «Науке логики» концепцию субстанции-субъекта в духе объективного идеализма, «объективного духа», где он переходит от анализа «Явления» к анализу «Действительности», которая разворачивается им как «Взаимодействие», в рамках которого излагает закон противоречия, единства и борьбы противоположностей, переосмысливая антиномический подход И. Канта и обращаясь к языку, многие положения которого уже выражали основной закон диалектики²⁷. Согласно Ф. Энгельсу Гегель называет взаимодействием *органическое тело*, которое образует переход к сознанию, т.е. от необходимости к свободе, к понятию²⁸. В «Диалектике природы» Ф. Энгельс отмечает, что у Гегеля противоположность между «действующей причиной» и «конечной причиной» снята в категории «взаимодействия»²⁹. А В.И. Ленин, указывая на связь природной необходимости и человеческой свободы пишет: «Когда читаешь Гегеля о каузальности, то кажется на первый взгляд странным, почему он так сравнительно мало остановился на этой излюбленной кантианцами теме. Почему? Да потому, что для него каузальность есть лишь *одно* из определений универсальной связи, которую он гораздо глубже и всесторонне охватил уже раньше» при изложении «диалектического метода»³⁰. Только исходя из универсального взаимодействия, подметил Ф. Энгельс, «мы приходим к действительному каузальному отношению. Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, *а в таком*

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Ф. Сочинения, Т. 3. С. 1.

²⁷ Гегель. В 3 т. Т.2. М., «Мысль», 1971. С. 113-222.

²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 624.

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 558.

³⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 29. С. 146.

случае сменяющиеся движения выступают перед нами – одно как причина, другое как действие»³¹. «Гегель, – писал В.И. Ленин, – подводит **вполне** историю под каузальность и в 1000 раз глубже и богаче понимает каузальность, чем тьма «ученых» ныне»³².

Теория диалектики, – констатировал К. Маркс, – разрабатывалась Гегелем в контексте «деятельной стороны», которая развивалась им как идеалистом «абстрактно», так как идеализм не знает действительной, чувственной деятельности как таковой. По словам К. Маркса, Гегель процесс мышления превратил, под именем идеи, в самостоятельный субъект, который есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. К. Маркс указывает на противоположность своего материалистического метода методу Гегеля, когда пишет, что для него как материалиста «идеальное» есть «не что иное как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»³³. А при анализе созерцательной концепции Л. Фейербаха К. Маркс и Ф. Энгельс требуют выявить и учесть в истории различные периоды с характерными для них особенностями познавательной и преобразовательной деятельности людей в отношениях человека к миру, вместо того, чтобы говорить о «мире вообще», «человеке вообще» и «мироотношении вообще». Ведь «производство служит настолько глубокой основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы оно прекратилось хотя бы лишь на один год, то Фейербах увидел бы огромные изменения не только в мире природы. Очень скоро не стало бы и всего человеческого мира, его, Фейербаха, собственной способности созерцания и даже его собственного существования; конечно, при этом сохраняется приоритет внешней природы, и все это, конечно, неприменимо к первичным, возникшим путем *generatio aequivoca* (самопроизвольного зарождения – *М.П.*) людям»³⁴, когда произошло изменение типа мироотношения, отношения человека к миру.

Поскольку в деятельности могут преобразовываться любые объекты – фрагменты природы, социальные подсистемы, состояния человеческого сознания и т.п., постольку все они могут становиться предметами научного исследования. Наука изучает их как объекты, функционирующие и развивающиеся по своим естественным законам³⁵. Различие кантовского и диалектического подходов привело к возникновению понятий об объекте и

³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 546-547.

³² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 29. С. 144.

³³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. М.: Госполитиздат, 1968. С. 21.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Раздел 1. Фейербах. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, Изд. второе, Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 43-44.

³⁵ Степин В.С. Наука // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. // Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 458.

предмете. Как отмечается в современной литературе, если объект во всей его конкретности неисчерпаем, то предмет исследования неизбежно ограничен. «Предметный срез» объекта определяется потребностями и возможностями практики на основе которой развивается и накапливается человеческое знание о мире и самом человеке. Ответы на вопросы, чего мы хотим и что мы можем, во многом определяют взгляд человека на мир и его отношение к миру». Как отмечает В.Г. Иванов, мир как объективная реальность не дан нам в непосредственном ощущении в виде полной и связной картины. Он не задан нам и в виде некоторой идеальной универсальной схемы. Более того, люди нередко оказываются в положении слепых, с разных сторон, ощупывающих слона, – у них порой даже не возникает мысль о том, что все они имеют дело с одним и тем же объектом. Объект исследования в конечном счете всегда содержит в себе нечто такое, чего исследователь еще не знает и предварительно знать не может»³⁶.

Согласно диалектическому материализму, нерасторжимости единства материализма и диалектики, знание, указывал В.И. Ленин, наращивается в двух формах: из незнания является знание, а неполное, неточное знание становится все более полным и точным. Отсюда вытекает принципиальная важность вопроса о том является ли эмпириокритицизм продолжателем кантианства или он переходит на позиции подхода К. Маркса в «Тезисах о Фейербахе». Допускает ли он все еще «смещение» кантовской и материалистической «вещи в себе» или нет.

Появление каждого нового типа рациональности в науке не устраняет предыдущего. Оно лишь, писал В.С. Степин, «ограничивает» поле его действия. Но это «ограничение» нуждается в адекватной интерпретации. Оно и сегодня сохраняет свой проблемный характер, что сказывается и на истолковании марксистской философии. Например, Дж. Реале и Д. Антисери полагают, что «так называемый диамат (диалектический материализм)» «обязан своим рождением именно Энгельсу». Для Маркса диалектика была «методом понимания истории и общества», а Энгельс применил ее к природе. Она «дает естествознанию понимание законов природы и ее общих свойств», она есть «наука об общих законах движения и развития природы, общества и мышления». Правда, Маркс поддерживал эту интерпретацию Энгельса, хотя основное внимание уделял проблемам материалистического истолкования человеческой истории, среди которых «возобладала именно классовая теория с обоснованием примата экономических отношений»³⁷.

Представляется, что интерпретация «ограничения» обязана раскрывать историю и логику эволюции перехода философии от науки к мировоззрению, ограниченному этимологическим пониманием и разрабатывающим ее как

³⁶ Материалистическая диалектика в пяти томах. Т. 2. Субъективная диалектика. Под общей редакцией Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова. Отв. ред. тома В.Г. Иванов. М.: Мысль, 1982. С. 248.

³⁷ Реале Дж. и Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. От романтизма до наших дней – ТОО ТК «Петрополис», Санкт-Петербург, 1997. С. 130-131.

наиболее общую 1) картину мира, так 2) человека и 3) отношения человека с миром³⁸. Исходя из принципа историзма и расчленения истории человечества на три больших эпохи, связанные с производством³⁹, важно раскрытие соответствующих им основных типов «мироотношения», как и выработку обобщенной модели мироотношения, учитывающей союз философии и науки⁴⁰. Оказывается, что в поле действия постнеклассической рациональности сам субъект включается в познаваемую систему, становясь ее центром, онтологически придающим ей характер целеполагающей деятельности. Причем цель может быть определена не только с научных позиций. Например, верующий субъект действует так, как если бы бог существовал. И это не зависит от того существует бог или нет «на самом деле»: достаточно того, что субъекту присуща *вера* в него. Это ведет к возможности симулятивного языка описания и мировоззренческого сознания, создающего симулякры.

Симулирование или имитация есть подделка, фальсификация и т.п. явления, встречающиеся уже в обыденной жизни, где субъекта симулирования называют симулянтom. Сегодня симулируется все и вся: изготавливают фальсифицированное лекарство, подделывают шедевры знаменитых мастеров, создают финансовые пирамиды, предлагают «доступное жилье», «переписывают» историю, занимаются «черным пиаром» на выборах, имитируют демократические институты, поют «под фанеру», защищают некачественные или написанные другими диссертации, до уровня «звезд» «раскручивают» посредственных артистов, реальную жизнь подменяют шоу и т.д. Мы охватываем, обозначаем и обобщаем все подобные факты как факты симулирования. В них участвует мышление, которое тоже симулируется, когда в нем начинают доминировать разного рода уловки, интеллектуальное мошенничество, софизмы и т.п.

Обыкновенно считается, что для мышления достаточно иметь голову. Но этого недостаточно. Всякий процесс развития человека и общества, в котором возникает и существует объективное и предметное, научное мышление и номологическое мировоззрение, происходит в виде единства прогресса и регресса при ведущей роли восходящей, прогрессивной

³⁸ Прохоров М.М. Философская метафора экологической эпохи. Нижний Новгород: Издат-во ННГУ, 1995. 241 с. Прохоров М.М. Основные типы мировоззрения // Педагогическое обозрение. Вып. 3/9. Научно-педагогический и информационный журнал. Нижний Новгород: нижегородский гуманитарный центр, 1994. С. 18-28.

³⁹ Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология // Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

⁴⁰ Прохоров М.М. Диалектика созерцания и преобразования в человеческой деятельности. Анализ философских оснований. Красноярск: Издательство КГУ, 1990 г. 194 с. Прохоров М.М. Типы мироотношений. Обобщенная модель взаимоотношения человека и мира // Прохоров М.М. Философия для студентов вузов: тематический словарь: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2019. С. 302-323.

тенденции, что обеспечивается стихийным механизмом эволюции или сознательно организованной деятельностью человека. Симулирование же связано с процессами деградации, вырождения, регресса, нисхождения. Симулякры выступают на стороне регресса, ибо они возникают в контексте деградации, *порождаются* процессами вырождения и, в свою очередь, являются *внутренними* детерминантами процессов нисхождения, обеспечивают пролонгацию регресса, вырождения. Причем бывают периоды в истории, когда деградация, вырождение, нисхождение начинают доминировать над восхождением, когда «негативная» диалектика доминирует над классической или «позитивной». В 2005 году на Философском конгрессе России в Москве А.А. Зиновьев, логик и социолог, отнес 80% всех видов деятельности в СССР к процессам развития, а 20% – к разновидностям деградационных процессов, тогда как в постсоветской России, утверждал он, 80% оказались выражающими негативную диалектику и лишь 20% – позитивную. Это свидетельствует о значимости анализа симулякров и симулирования.

Термин симулякр введен Ж. Батаем для выражения отказа от концепции референции, от бытия и его отражения. У Платона этот термин указывает на копию копии, оригинал которой никогда не существовал. Альтернатива симулякрам – в истинном мышлении, ориентированном на истину и непрерывном наращивании знания объективного и предметного. Причем Платон, отвергая первичность материального мира, утверждая первичность существования потусторонних идей, не освободился от сомнения в их существовании. Ведь если признать их *потусторонность*, то они *не* могут, мучился Платон, *влиять* на материальный мир, а это равнозначно их *несуществованию*. Он стремился остаться в границах научной методологии, он был настолько умен, что понимал невозможность полного отделения небесного царства чистых идей от самых обыкновенных вещей. Поэтому теорию идей он выработал путем осознания «чтойности» – того, что есть, и познание «чего» возможно, и это привело Платона к открытию понятия «идеального».

Терзавшие Платона сомнения отбросит религиозное мировоззрение Средневековья. Х. Ортега-и-Гассет указывал на «радикальное изменение» «того, что считается... реальностью» в период перехода от философии античности к доминированию религии в Средние века: «В период античности для грека, которого впоследствии станут именовать язычником, реальность означала совокупность психотелесных элементов либо космос... Теперь же реальность означала нечто иное, не телесное, и даже не психическое... реальность возникает из отношения человека к Богу, которое (отношение – М.П.) можно определить как чисто моральное, а еще лучше – как сверхморальное». Реальность «состоит в чем-то настолько нематериальном, нетелесном, что называть это «что-то» «духовным, как у нас принято – значит уже привносить в него неадекватную материализацию». Человек «осознает свою абсолютную зависимость от Другого – Верховного

Сущего – или, что то же самое, рассматривает себя исключительно как творение», исключает возможность «существовать независимо, исходя из себя, на свой страх и риск, – но в страхе Божиим и в постоянном отношении с Ним». Ведь «для него нет иной реальности в собственном смысле, кроме Deus exuperantissimus (Господа Вседержителя – М.П.) и отношения с Ним Его творения» «Категории греческой философии... здесь ничего не стоят... бытие христианского Бога настолько трансцендентно, что к Нему нет прямого пути для человека. Чтобы познать, нужно чтобы Бог возжелал открыть себя человеку, чтобы он явил себя. Deus ut revelans (Бог как откровение – М.П.) ». «Обратите внимание на такой парадокс. В откровении не субъект – человек – в результате своей деятельности познает объект – Бога – но, наоборот, объект — Бог – (открывает себя человеку и это – М.П.) позволяет, чтобы субъект познал Его; это – вера, божественная вера... для него не существует понятия «человеческий разум... Сам по себе человек неспособен измыслить даже такую простую истину, как $2 \times 2 = 4$. Видение полноты истины, то, что мы называем... разумением, есть действие Божие в нас»⁴¹. Как видно, не случайно, Ж. Бодрийяр интерпретирует симулякр как «гиперреальное», расшифровывая его как «порождение, при помощи моделей, реального без истока и реальности», а М. Хайдеггер критикует учение Платона за то, что у него мышление не берется в присущей ему объективности бытия, как у досократиков, например, как «логос» у Гераклита, а отчуждается от него и наделяется технологическим измерением, поскольку мышление переносится им в контекст *технократического* мироотношения и характеризуется М. Хайдеггером как «забвение бытия»⁴². Если Платон как философ не вышел за пределы методологии *научного анализа и синтеза*, то в религии анализ вытесняется разрушающим *отчуждением* – следствием признания потусторонности Высшего Разума. Платон *приписал* идеям *изначальную отчужденность* от чувственного мира, что привело его к объективному идеализму.

До появления философии постмодернизма можно было полагать, что материализм есть «в принципе» истинная система мировоззренческих представлений человека, а идеализм – ложная, что они спорят об истине и лжи, за утверждение истины против лжи и заблуждения. Однако осмысление процессов симулирования и распространение симулякров в современную эпоху радикально меняет эти представления, обнаруживает, что нужно говорить о противостоянии *производства* истинностного знания и *симулирования* такого процесса идеализмом, *в его принципе*. Другое дело, что учение Платона не сводится к одному только симулированию мысли, как того требует *принцип* идеализма. Оно содержит в себе непоследовательность, невыдержанность верности принципу идеализма в учениях идеалистов. Подобную непоследовательность учения Платона отмечал М. Хайдеггер, а Ф.

⁴¹ Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 1997. С. 358-361.

⁴² Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2007. С. 171–172.

Энгельс писал, что без такой противоречивости идеализм вообще невозможен, ибо «философов толкала вперед не одна только сила *чистого мышления*», что, например, в истории философии от Р. Декарта до Л. Фейербаха их «толкало вперед» все более быстрое и бурное развитие естествознания и промышленности и «идеалистические системы» все более наполнялись «материалистическим содержанием», они «пытались пантеистически примирить противоположность духа и материи»⁴³.

Это подтверждается Н. Гартманом, согласно которому идеализм, «обнаживший свой предел в великий период от Канта до Гегеля» «никогда не ставил» вопрос «о сущем как таковом»: «последовательному идеализму вовсе не нужно ставить» вопрос о бытии. Как это понимать, «если видно, что соответствующие теории заняты доказыванием по всей форме «идеальности бытия»? Можно ли в этом случае говорить, что подобное предприятие не сопрягается с вопросом о бытии и теорией бытия, онтологией не является? Кант признал «эмпирическую реальность» вещей, но объявил ее голым явлением, «трансцендентально идеальным». Фихте захотел, чтобы ее производило Я, но так как Я в жизни считает ее реальной, то о производстве оно знать не может. Шеллинг прямо назвал это «неосознаваемым производством». Хотя реальность объявляется здесь видимостью, но именно это объяснение есть, однако, «объяснение того, что кроется за феноменом реальности и его данностью»⁴⁴. Далее Гартман указывает на внутреннюю противоречивость непоследовательности, двойственность в системах идеалистов. Эти философы, согласно Гартману, не лишены «онтологического уклона», поскольку они движимы также реальными проблемами жизни и познания. Оказывается, его «не могут избежать и те теории, от которых можно было бы ожидать, прежде всего, что они его действительно вполне могут избежать. Даже самый внешний субъективизм не может не объяснять каким-либо образом хотя бы «видимость» бытия. Причем в этом случае он убеждается, что объяснить видимость, ничуть не легче, чем само бытие. Поэтому системы такого рода оказываются такими надуманными. Они как будто надрываются под тяжестью вопроса о бытии и вынуждены платить за эту претензию внутренней надломленностью. Даже скепсис не избегает вопроса о реальности – и как раз доказывая ее сомнительность. Ведь именно способа бытия предметов касается *ἐποχή* (приостановка суждения, задержка – *М.П.*), при которой этот способ довольствуется относительно себя воздержанием. И в скепсисе отчетливей всего осознаешь, почему так есть и должно быть. Теоретическое мышление, не являющееся в своей основе онтологическим, ни в какой форме не существует и невозможно. По-видимому, считает Гартман, в том состоит сущность мышления, что оно может мыслить лишь «нечто», а не «ничто». Так говорил еще Парменид. Однако «нечто» выступает с бытийственной претензией и порождает вопрос

⁴³ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1973. С. 19.

⁴⁴ Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб., 2003. С. 82–83.

о бытии»⁴⁵. Но бытие ими фальсифицируется, «заключается в скобки», не участвует «в дальнейшей жизни мысли», заменяется продуктами чистого сознания, отказывающегося от «естественной установки» на признание мира объективной реальности, в котором мы живем, в чем и состоит определенное и окончательное решение основного вопроса философии⁴⁶.

Таким образом, симулирование мышления и бытия появляется не для того, чтобы отстоять права истины против лжи. Человеку кажется, что он не может выйти за пределы противоположности истины и заблуждения. Но фальсифицируя бытие, отношение к нему и познающее мышление, человек отвергает не только истину, но даже ложь и заблуждение как формы знания, как субъективный образ объективной реальности. Он выходит в пределы альтернативы мышления, познающего бытие, симулируя его, будучи погружен в процессы вырождения, деградации, регресса, нисходящей ветви эволюции. Для науки и номологического мировоззрения если есть бытие, то оно познаваемо, если мир познаваем, то познаваема суть и формы бытия. И без этой «взаимной зависимости» философия не существует, ибо познание не может быть направлено лишь на самое себя, быть только «самопознанием».

Обсуждая *стандарт* онтогносеологического субъекта познания, скептик Д. Юм абсолютизировал тот факт, что многие восприятия «не вызываются в действительности ничем внешним, как это бывает, например, в сновидениях, при сумасшествии и иных болезнях», а «Ум никогда не имеет перед собой никаких вещей, кроме восприятий, и он никоим образом не в состоянии произвести какой бы то ни было опыт относительно соотношения между восприятиями и объектами. Поэтому предположение о таком соотношении лишено всякого *логического* смысла»⁴⁷. Иначе считал Дж. Локк: «наши способности приноровлены не ко всей области бытия и не к совершенному, ясному, обширному познанию вещей, свободному от всякого сомнения и колебания, а (только – *М.П.*) к сохранению нас... И дальше этого нам нет дела ни до познания, ни до бытия»⁴⁸. Правда, даже этого достаточно, чтобы не уподоблять познание сну, сумасшествию и т.д., значит, не исходить из *наивного* доверия к субъекту, когда человек оказывается не в состоянии вырабатывать *адекватные представления о мире*, следовательно, когда отпадает сама возможность анализировать онтогносеологическое *соотношение* между познанием и бытием, рассматривая знания как исключительный продукт голого Я, субъекта, не соотносимого с объектом.

Заклучая отмечу, что современная эпоха характеризуется альтернативными концепциями мировоззренческого сознания в философии и выражающего его языка. Симулятивный язык альтернативен языку научного, номологического мировоззрения, раскрывающего систему законов, в которую включаются как всеобщие, философские законы, так и законы,

⁴⁵ Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб., 2003. С. 83–84.

⁴⁶ Кутырев В.А. Крик против небытия // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 61.

⁴⁷ Юм. Д. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1965. С. 156.

⁴⁸ Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1965. С. 113-114.

постигаемые в сфере конкретнонаучного познания. Симулятивный язык характеризуется уходом от стандартов онтогносеологического языка, характерного для союза философии и науки, которые появляются и эволюционируют в контексте процессов развития, реализуя себя в «пространстве» основного вопроса философии. Симулятивный язык вписан в процессы негативной диалектики – деградации, вырождения, выступая их внутренним детерминантом. Своими корнями он восходит к античному понятию симулякра как «копии копии» Платона, обнаруживая себя в постмодернизме, позитивизме и т.д. Такой язык выходит за пределы противоположности истины, лжи и заблуждения как субъективных форм знания в область противоположности познающего мир мышления и его имитации или симулирования.

В учении И. Канта эта поляризация выступает в виде противопоставления явления и вещи в себе, что ведет к субъективистски толкуемой противоречивости онтологии и теории познания. Преодоление кантовской антиномичности было предложено Гегелем, который придал ей понимание, ведущее к восприятию действительности как универсального взаимодействия и к обоснованию основополагающего в диалектике закона единства и борьбы противоположностей. Этот путь был продолжен философией марксизма, преодолевшей гегелевский идеализм и воссоединившей диалектику с материализмом при толковании действительности, ее познания и преобразования человеком. В пределах *познания* «истина и заблуждение подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение», но «как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной области познания, – писал Ф. Энгельс, – так эта противоположность сделается относительной и, следовательно, негодной для точного способа выражения»⁴⁹.

⁴⁹ Энгельс Ф. Мораль и право. Вечные истины // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 92.

ФАТЕНКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ КАНТА И АБСОЛЮТНЫЙ СУБЪЕКТ ГЕГЕЛЯ

Две стратегические линии в немецкой классической философии, кантианство и гегельянство, суть две версии субъектного дискурса, атрибутивно присущего современной интеллектуальной традиции. На роль приоритетного субъекта в это время всё настойчивее выдвигается человек, хотя философская мысль не забывает пока ни о Боге, ни, естественно, о внеличных инстанциях. В планах Г.В.Ф. Гегеля, к примеру, значилось «понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» [2, с. 9]. Сходясь в широком поле субъектности, кантианство и гегельянство расходятся вместе с тем по многим онтогносеологическим установкам. Дивергенция фиксируется в целом ряде оппозиций: трансцендентальный субъект – абсолютный субъект, дуализм – монизм, агностицизм – гносеологический оптимизм, антитетика – диалектика, интерсубъективный идеализм – абсолютный идеализм.

Авторская гипотеза состоит в том, что первая из упомянутых оппозиций, трансцендентальный субъект – абсолютный субъект, максимально репрезентативна в ракурсе размежевания кантианства и гегельянства, позволяя надёжно дедуцировать из себя все остальные их различия. Сверх того, концептуальная конкуренция немецких классиков предоставляет богатый материал для осмысления понятия «абсолютный субъект» и в неидеалистическом контексте.

Начну с предпринятого И. Кантом терминологического разъяснения, которое, однако, нельзя признать удовлетворительным. В «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» философ пишет: «...Множественно указанное мною слово *трансцендентальное*... означает не то, что выходит за пределы всякого опыта, а то, что опыту (*a priori*) хотя и предшествует, но предназначено лишь для того, чтобы сделать возможным опытное познание. Когда эти понятия выходят за пределы опыта, тогда их применение называется трансцендентным и отличается от имманентного применения, т.е. ограничивающегося опытом» [6, с. 199]. Итак, трансцендентное у Канта – то, что вышло за пределы опыта; трансцендентальное – то, что предшествует опыту, делая его возможным. Гегель назвал кантовскую лексику (да и всю теорию предшественника) «варварской», путаной [1]. И, думается, имел на то право – при всех скидках на подвижность смысловых границ философских категорий [8]. Дело в том, во-первых, что у Канта чистое познающее мышление, выходя к основаниям познания, не выходит за свои собственные пределы, иными словами, остаётся в имманентной себе данности, никак не становясь

трансцендентальным и оказываясь трансцендентным по отношению к внеинтеллигибельной реальности, каковой и та в свою очередь выступает по отношению к чистому разуму. Бреша в этой трансцендентности появляются лишь тогда, когда познающее мышление оказывается вплетённым в межчеловеческие отношения, т.е. во взаимодействия телесных существ. Но и здесь для кантовского индивида доступ приоткрывается только к другим социально-культурным индивидам, но не к природному миру как таковому и даже не к отдельным вещам-самим-по-себе. Иначе говоря, понятие трансцендентальности в «критическом идеализме» корректно может быть привязано исключительно к феноменам просвещённого общества. Во-вторых, категориально-концептуальная неувязка Канта обнаруживается ещё и в том, что при используемой им демаркации трансцендентального и трансцендентного безмысленным остаётся то, что предшествует опыту и вдобавок индифферентно к нему. По онтологическим меркам оно-то (при его наличии, разумеется) и будет собственно трансцендентным, а трансцендентальным – то, что вышло за свои границы, пусть и примыкая к ним снаружи, но никак не изнутри. Подмена понятий Кантом, именно подмена, вызвана характерной для него сомнительной онтологизацией гносеологии. Трансцендентальность он привязывает прежде всего не к вещам и телам, а к познавательным способностям – преимущественно, по справедливому замечанию Ж. Делёза [4], к способности необходимым образом сопрягать опытное знание с априорным. Но существование способностей вне телесной структуры и есть не что иное, как результат идеалистической онтологизации чувственно-интеллектуальных практик.

Игнорирование или умаление того, что, наличествуя, безразлично к человеческому опыту, влечёт за собой далеко идущие последствия. Ориентируясь на «критический идеализм» Канта, легко скатиться к неопозитивистскому утверждению о некорректности вопроса касательно существования внешнего по отношению к человеческому сознанию мира. И вот вам в готовом виде наукообразный спиритуализм. Впрочем, надо признать, что и постулирование внеопытного сущего создаёт проблемы. Ориентируясь, к примеру, на объективный материализм Ленина, движемся, помимо воли противника кантианства, к дуалистической онтологической конфигурации: познающий субъект находит себя вне, поодаль превозносимой им объективной реальности. И общественная практика не спасает тут от социально-природной разъединённости, как та же практика – зеркально – не в силах помочь намерению Гегеля надёжно отличать сто наличных талеров от ста воображаемых. Заработанные тобой талеры могут быть присвоены работодателем, секвестированы дефолтом, обесценены инфляцией. Социальная практика... она такая.

Вернёмся, однако, к Канту и вспомним его пафосное высказывание о благоговении перед звёздным небом «надо мной» и моральным законом «во мне» [5, с. 499]. В прозрачном, казалось бы, высказывании обнаруживается немало примесей. Моральный закон. Он ведь не столько в индивиде, сколько

в социальных отношениях, в которые включён индивид, – нет отношений с другими индивидами, нет и морального закона. Звёздное небо. Вряд ли оно символизирует возможное множество миров – иначе место ему не «над», а в самом кантовском индивиде, вернее, в расширенном поле его отношений. Возможно, звёздное небо символизирует здесь природу, но... спящую в ночи и безразличную к людям – и люди отвечают ей взаимностью: сугубо эстетическим к ней отношением. Только эстетическое («незаинтересованное») созерцание просачивается в трансцендентность, оказываясь, таким образом, сильнее познавательной ангажированности, – и тогда эта ангажированность становится не очень понятной. Не исключено, звёздное небо символизирует впечатляющий результат божественного творения. Но при подобном – теистическом – развороте затруднения для Канта лишь множатся.

Кёнигсбергского философа не интересует трансцендентная ипостась Бога, его занимает только ипостась трансцендентальная: Бог, вышедший навстречу людям и могущий служить для них образцом поведения. Неудивительно, что ветхозаветную традицию «критический идеалист» не жалуется: иудаизм для Канта, читаем в монографии А.В. Гулыги [3], феномен скорее не религиозный, а политический.

Впрочем, и фигурирующее в собственно христианской традиции онтологическое доказательство бытия Бога автором трёх «Критик» отмечается. Он заверяет: из мыслимого предмета вывести наличествующий предмет невозможно – потому что в том и другом предмете, дескать, одно количество существования. Приведённый довод характерен для ситуации, когда принцип тождества бытия и мышления, на котором держится онтологическое доказательство, явно или неявно заменяется принципом самотождественности мышления, либо, что ближе к кантовскому случаю, принципом корреляции, который распространяется и на мышление со всеми его элементами, и на отношения между интеллектом и внеинтеллектуальной реальностью.

И по логике Гегеля строгий переход от мыслимого предмета к наличествующему невозможен (на постоянной основе), но уже по иной причине: в наличествующем предмете существования больше, чем в мыслимом. Другими словами, проблематично достижение тождества бытия и мышления. Ведь бытие не только пребывает, но и действует. А значит: и остаётся, и не остаётся равным себе. Мышлению крайне сложно встать вровень с таким бытием. Вопрос, относится ли указанный тип бытийности к Богу монотеистических религий, для философской онтологии вторичен. Как вторично и рациональное доказательство существования Бога по отношению к обоснованию существования абсолюта, коим для философии может быть и не сверхъестественное сущее.

Абсолют ускользает от обстоятельного познания потому, что мы боимся его мыслить. И чем боязливее мысль, тем скорее понятие абсолюта наполняется теистическим содержанием. Религиозно мыслимый абсолют

есть сгусток человеческих страхов. Отчуждённая в него человечность не остаётся неповреждённой и по возвращению в земную жизнь оказывается насквозь пропитанной страхами, лишь усугубляя тем самым положение человека в мире.

Религиозность Гегеля вызывает большие сомнения (согласно А. Кожеву, он вообще атеист [7]). Если нет никакой непознаваемой вещи-самой-по-себе, то и места для Бога в гегелевской философской системе не остаётся. А вот абсолют автора «Феноменологии духа» несомненно интересует, причём под вполне определённым углом зрения: имеющаяся потребность «представить абсолютное как субъект...» должна реализовываться содержательно, путём насыщения представляемого конкретными предикатами [2]. В свою очередь и субъект должен мыслиться абсолютистски: как «бытие или та непосредственность, у которой нет опосредствования вне её, но которая сама есть это опосредствование» [2, с. 17].

Сформулирую заключительные суждения по рассмотрению особенностей субъектного дискурса классиков немецкого идеализма.

У Канта в приоритете трансцендентальный субъект, противопоставляемый эмпирическому субъекту, этакому закупоренному в самом себе природному эгоисту. Трансцендентальным субъектом становится тот, кто, преодолевая эгоизм, вышел за свои природные границы и кому нет нужды возвращаться в дотрансцендентальное состояние. Актуальный трансцендентальный субъект – Бог, ипостасно сошедший к людям ради их спасения. Потенциальный трансцендентальный субъект – человеческое сообщество, образованное вышедшими навстречу друг другу людьми; социум с моральной опорой на категорический императив.

У Гегеля доминирует абсолютный субъект, которому мало выйти из себя, крайне важно к себе вернуться – к себе, обогащённому внешним, трансцендентальным опытом. Актуальный абсолютный субъект – абсолютная идея, достигшая (по возвращению к себе из своего природного инобытия) уровня самосознания. Потенциальный абсолютный субъект – та же идея, движущаяся к горизонту самосознания. Тот, кто угадал замысел абсолютной идеи и помог ему воплотиться в жизненной эмпирии, есть исторически актуальный субъект, противоречиво сопрягающий в себе абсолютное и относительное. Здесь сразу несколько претендентов вписывается в логику гегельянства и неогегельянства. Герой-одиночка: и анархизирующий штирнеровский Единственный, и императорствующий Наполеон, и сам автор «Феноменологии духа», справившийся с уникальной теоретической задачей. Героический класс: марксов пролетариат или его авангард. Героический народ: историческая общность, отстаивающая свой суверенитет в параллель с приращением свободы. В списке нет гражданского/буржуазного общества, в котором, словно насмехаясь над кантовским императивом, каждый рассматривает всякого другого лишь как средство для достижения собственных корыстных целей.

Список использованной литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга третья / пер. с нем. Б.Г. Столпнера. СПб.: Наука, 1994. 583, [1] с.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета. СПб.: Наука, 2002. XLVII+443 с.
3. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М.: Рольф, 2001. 416 с.
4. Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. Я.И. Свирского; науч. ред. В.И. Аршинов. М.: ПЕР СЭ, 2001. 480 с.
5. Кант И. Критика практического разума / пер. с нем. М. Иткина // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1963–1966. Т. 4, ч. 1. С. 312–501.
6. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука / пер. с нем. М. Иткина // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1963–1966. Т. 4, ч. 1. С. 67–210.
7. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по *Феноменологии духа* / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. 791, [1] с.
8. Фатенков А.Н. Языки философии, литературы и науки в аспекте смысла // Философские науки. 2003. № 9. С. 50–69.

КУДРЯШЕВ АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация
О ПРИНЦИПЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МОНИЗМА
В.И. СВИДЕРСКОГО

А все-таки метафизика
и есть подлинная, истинная философия!
И. Кант [4, с. 340]

Целью представленного здесь сообщения является внимательный разбор концепции движения и основанного на ней принципа диалектического монизма, принадлежащих выдающемуся советскому философу Владимиру Иосифовичу Свидерскому (1910-1994). Творческое наследие Владимира Иосифовича гораздо шире, о чем можно судить и по публикациям его самого, и по ряду работ других авторов, в которых это творческое наследие послужило предметом исследования. Вместе с тем ключевой проблемой для философских изысканий В.И. Свидерского, несомненно, следует признать проблему движения и ее категориального статуса. Наверное, в настоящее время не будет лишним напоминание, что речь идет о той философии, которой, в целом, неукоснительно придерживался Владимир Иосифович, и которая называется диалектическим материализмом, будучи разделом марксистской философии.

Коротко о профессоре В.И. Свидерском. Он – философ, имевший физическое образование, окончивший физический факультет Ленинградского государственного университета, затем в 1941 году – философскую аспирантуру. Участник Великой отечественной войны в качестве политработника, причем во время службы в воинской части держал при себе «Науку логики» Гегеля. Видимо, Гегель помогал не только размышлять, но и держать боевой дух на должном уровне. Гегель с его философской методологией, явившейся одним из источников марксистской философии, стал во многом идейным вдохновителем В.И. Свидерского. В 1945-м году был отозван с фронта для завершения и защиты кандидатской диссертации по философским проблемам пространства и времени. По моим сведениям, защита состоялась в Москве в том же году.

Философский факультет Ленинградского университета известен многими своими преподавателями, бывшими одновременно большими учеными. Ряд из них создал свои научные школы. Известность в стране получила Ленинградская онтологическая школа (ЛОШ), относительно состава которой высказываются разные мнения. Представляется, что есть два основных смысла того, что при этом имеют в виду: широкий и узкий (строгий) [см.: 8]. В первом случае ее ведут от профессора В.П. Тугаринова, бывшего деканом факультета с 1951 года по 1959 год и много сделавшего для творческого развития философской мысли на факультете. Во втором случае более строгое понимание ЛОШ ограничивается ее главой профессором В.И. Свидерским и его учениками. Практически сразу после В.П. Тугаринова

деканом факультета стал профессор В.П. Рожин (с 1960 года по 1969 год). На эти неполные 20 лет и приходится расцвет ленинградской онтологической школы, сложившейся в рамках так называемой ленинградской философии. Особенности Ленинградской онтологической школы стало введение новых категорий (об этом частично будет сказано ниже) и творческое развитие основных идей диалектического материализма на философско-онтологическом уровне В.И. Свидерским, не мешавшим своим ученикам и последователям разрабатывать такие аспекты философских представлений, которые можно называть физической и биологической картинами мира. Сам он старался удержаться на философском (всеобщем) уровне размышлений, справедливо считая философские проблемы естественных наук менее общими и потому более конкретными.

Профессор В.И. Свидерский был еще в течение продолжительного времени председателем Проблемного совета Минвуза РФ по материалистической диалектике. С ним считались как с ведущим специалистом страны по философской онтологии. Показателен известный эпизод, когда в Ленинград приехал академик Б.М. Кедров специально для того, чтобы уговорить В.И. Свидерского перебраться в Москву для работы в Институте философии АН СССР. Их длительные переговоры в гостинице «Европейская» завершились ничем: В.И. Свидерский на уговоры не поддавался, остался в той же должности и на том же факультете, где он работал.

Однако в настоящее время о Ленинградской онтологической школе и профессоре В.И. Свидерском стали незаслуженно забывать, следовательно, должной оценки ЛОШ до сих пор не имеет. Иногда, правда, все же вспоминают определенный результат деятельности представителей этой школы. Речь идет о совместно разработанной ставшими впоследствии профессорами В.П. Бранским, В.В. Ильиным, А.С. Карминым так называемой атрибутивной модели материи. Но эта модель стоит несколько особняком, и если забежать немного вперед, то нужно признать: прямым следствием концепции материи В.И. Свидерского ее считать никак нельзя. Не случайно об атрибутивной модели материи теперь пишут вне всякого упоминания о В.И. Свидерском и ЛОШ, в целом, хотя на авторов атрибутивной модели чаще всего все же ссылаются. Отмечу, что я как автор тоже отдал дань атрибутивной модели, предложив свой вариант с определенными целями методологического характера. Ссылка на ленинградских философов, разумеется, сделана была [см.: 7].

Несколько характерных примеров на сей счет, иллюстрирующих забывчивость современных российских авторов. В статье 2011 года, непосредственно посвященной атрибутивной модели понятия «материя», казалось бы, должно быть хотя бы упоминание о предшественниках, но оно отсутствует [см.: 10]. Можно пытаться объяснить такую забывчивость (или незнание?) авторов тем, что они не философы, а педагоги. Но вот примеры публикаций специалистов из философского сообщества.

Профессор А.В. Ерахтин в работе 2014 года, цель которой – анализ проблемы материи в западной и отечественной философии советского периода, рассматривает атрибутивную модель материи, концепции В.П. Тугаринова, В.В. Орлова, но почему-то пропускает исследование материи С.Т. Мелюхиным и не упоминает В.И. Свидерского [см.: 3]. В монографии Ю.В. Лоскутова большой объем (примерно одна треть) отводится на рассмотрение категорий материи и субстанции. Здесь В.И. Свидерский упоминается даже трижды: первый раз в основном тексте перед цитатой как ее автор, второй раз в сноске к этой цитате и третий раз – в списке литературы (один источник). Из этих упоминаний невозможно заключить, была ли у В.И. Свидерского своя концепция материи, тем более – в чем она заключается [см.: 8]. Нет упоминаний о В.И. Свидерском в тексте В.Ф. Гершанского, предложившего свою ассоциативную модель материи как «...переход от субстратно-субстанциально-атрибутивной модели материи к ассоциативной. Материя как субстанция есть диалектическое единство (синтез) ее атрибутов, субстратов, акциденций, модусов и монад (в рациональном смысле)» [см.: 2].

Наконец, исследователь диалектики вещи и процесса профессор В.В. Крюков в статье 2011 года в ряде своих формулировок буквально повторяет положения из концепции движения материи В.И. Свидерского без каких-либо ссылок и упоминаний [см.: 5]. Он пишет: «В предыдущей нашей статье было показано, что устойчивость и изменчивость – это диалектическая пара категорий, смыслом и содержанием которой является стихия времени» [5, с. 34]. Стихия времени – не что иное как движение, которое, согласно В.И. Свидерскому, является единством устойчивости и изменчивости. Предыдущей статьей В.В. Крюков называет свою работу «Диахронический анализ реальности», в которой В.И. Свидерский также не упоминается [см.: 6]. В другом месте тоже заметно копирование положений концепции В.И. Свидерского: «В применении к реальности в целом ее фундаментальная двойственность может быть задана асимптотическими категориями “материя” и “бытие”. Материя в этом случае может быть определена как категория, выражающая момент устойчивости, определенности, дискретности, телесности любого фрагмента реальности, и в этом аспекте мир предстает как совокупность вещей. Бытие же, аналогично, должно быть определено как категория, выражающая момент изменчивости, неопределенности, непрерывности, бестелесности, процессуальности любого фрагмента реальности, и в этом аспекте мир предстает как совокупность процессов» [5, с. 38]. В концепции В.И. Свидерского то, что здесь именуется бытием, называется движением, хотя сами концепции материи (и движения) у В.И. Свидерского и В.В. Крюкова, надо думать, разные.

Для справки: В.В. Крюков окончил философский факультет Уральского государственного университета в 1975 году, а с 1977 года по 1980 год обучался в аспирантуре философского факультета Ленинградского государственного университета. Безусловно, В.В. Крюков знает о ЛОШ, о ее

фактическом лидере, об онтологической концепции В.И. Свидерского. Но нам важно обнажить определенную тенденцию в современной отечественной литературе по философской онтологии, отразившейся и в публикациях профессора В.В. Крюкова: постепенный отказ от признания значимости работ В.И. Свидерского и всей ЛОШ и переход на позиции почти полного забвения того вклада в философию, который был сделан ее представителями, даже в тех публикациях, где речь идет о философии в советское время.

Диалектическая концепция В.И. Свидерского не сводится только лишь к проблеме соотношения материи и движения, да и это соотношение даже в самом сжатом виде выражается, по крайней мере, двумя следующими фразами: материя движется, движение материально [см., в частности: 12, 13, 14]. Напомним: диалектический материализм исходит из того, что в объективном мире нет ничего кроме движущейся материи. Признание же положения, что движение есть способ существования материи, означает и неприменимость, в строгом смысле, категории «движение» к сознанию, и отождествление движения с существованием: существовать — значит двигаться (иногда добавляют: в пространстве и времени, но это добавление, во-первых, излишне, во-вторых, оно «пропитано» субстанциальной концепцией пространства и времени из-за предлога «в», а эта концепция давно уже единственной концепцией пространства и времени считаться никак не может).

Теперь о принципе диалектического монизма. В коллективной монографии 1971 года «Современные проблемы материалистической диалектики» В.И. Свидерский подытожил свои многолетние размышления о материалистической диалектике и изложил их самую суть во Введении к монографии. Можно с уверенностью утверждать, что им были также осмыслены промежуточные итоги деятельности Ленинградской онтологической школы и Проблемного совета по материалистической диалектике. Именно там он формулирует интересующий нас принцип. *«Принцип диалектического монизма в философии как отражение всеобщей природы движения. Тождественность понятий бытия и движения, учет свойств материальности, абсолютности, относительности и противоречивости движения требуют изложения всех основных положений философии в терминах движения. Иначе говоря, все положения философского материализма должны быть выражены как положения диалектики, и в этом смысле в марксистско-ленинской философии должен строго выдерживаться принцип диалектического монизма»* [14, с. 7-8].

Самый общий тезис всей концепции гласит: *«Философия в своем главном содержании есть общая теория движения»* [14, с. 5], причем «...в своей основе философия есть учение о диалектике окружающего нас мира» [14, с. 5]. Соответственно, диалектика — это учение о движении. В.И. Свидерский считал, что «...развитие есть частный случай движения» [14, с. 5-6], поэтому в общее определение диалектики понятие развития можно не включать. Тем не менее он учитывал всю важность этого понятия для

философии и конкретных наук, и использовал еще такую формулировку: диалектика есть учение о движении и развитии, выделяя развитие из более общего понятия движения. Развитие он рассматривал специально, итогом чего явилось следующее определение: развитие есть «...единство двух противоречивых тенденций: тенденции одностороннего, неравномерного развития и тенденции всестороннего, равномерного развития частей, сторон, элементов явления как целого» [13, с. 3].

Принцип диалектического монизма, согласно В.И. Свидерскому, требует соблюдать следующие положения: «...все, что можно сказать о мире, должно быть связано с движением и выражено в понятиях движения» [14, с. 6], а также «...само понятие материи приобретает смысл лишь в соотношении с понятием движения» [14, с. 6]. Он подчеркивает, что *«учет общих свойств движения – основа диалектического подхода к миру»* [14, с. 6].

В свое время В.И. Свидерский читал продолжительный курс (это был курс лекций, семинарских занятий не было), посвященный движению. Слушателями были не только студенты философского факультета, но все желающие, и такие были не в единственном числе. Поэтому курс читался в лекционной аудитории исторического факультета, самой большой аудитории здания на Менделеевской линии. Подробно разбирались такие свойства движения, как его абсолютность и относительность в их единстве, а противоречивость движения понималась «...как единство моментов устойчивости и изменчивости в любом процессе изменения» [14, с. 7], включая сохранение состояния движения. Это было в середине 1960-х годов.

Видимо, несколько позже В.И. Свидерский стал утверждать *«тождественность понятий движения и существования, бытия»* [14, с. 7]. Во всяком случае, в упомянутом курсе лекций этот тезис явно не прозвучал. Как видим, в данной формулировке В.И. Свидерский довольно жестко применяет принцип диалектического монизма к онтологии. Однако свое понимание онтологии как учения о бытии (напомним, тут бытие тождественно не только движению и существованию, но и материальному бытию) В.И. Свидерский стремился согласовать и с другими определениями диалектики. Иначе говоря, развиваемое им понимание диалектики как учения о движении он дополнял ее пониманием как учения о единстве и борьбе противоположностей, а также как учения о всеобщей связи. «Онтология как философское учение о бытии должна быть знанием о самых общих свойствах и отношениях этого бытия (природы, общества и мышления), т.е. быть учением о всеобщей объективной диалектике, и ничем другим» [14, с. 8]. Замечу, что В.И. Свидерский рассматривал понятие связи как менее общее, чем понятие отношения.

Выделю еще рассуждения В.И. Свидерского об уровнях общности философского знания. Для него являлось очевидным, что «...онтология составляет, так сказать, уровень всеобщности философского знания и тем самым научного знания вообще» [14, с. 8]. Принцип диалектического

монизма – это философско-онтологический принцип, значит, его уровень – всеобщность. Поэтому проведение принципа диалектического монизма за пределами онтологии могло осуществляться лишь через промежуточные философские понятия, тогда как онтология служит философским фундаментом всей остальной философии. Отсюда становится понятной задача подведения онтологических оснований под понятия гносеологии и других разделов философии. Он приводит примеры соответствующих понятий, новых для диалектики и потому еще промежуточных, – это понятия элемента и структуры, вероятности, системы, функции, информации и другие, уже относительно наработанные в качестве таких онтологических оснований. Традиционные, «старые» понятия онтологии тем более способны служить онтологическим фундаментом внутри философии и для системы наук.

В.И. Свидерский многократно заявлял, что «...весьма существенно не смешивать по степени общности различные области философского знания, различные философские науки» [14, с. 11], не говоря уж о науках естественных или гуманитарных, степень общности которых определяется их предметами. Наибольшая степень общности – всеобщность, а «...степенью всеобщности философского знания обладает лишь философское учение о всеобщей объективной диалектике. Все другие разделы философии должны быть отнесены, на наш взгляд, к уровню особенного знания. К рангу философских наук могут быть причислены лишь те конкретные науки, которые обладают наибольшей степенью общности... и включают в себя рассмотрение конкретной диалектики в данной области» [14, с. 11].

На теме всеобщности в философии хотелось бы специально остановиться. Уровень всеобщности философии выражается ее категориями, которые нередко трактуются как всеобщие, наиболее общие понятия. Термин «категория» В.И. Свидерский употреблял с осторожностью. Применительно к материи, движению и т.д. он использовал термин «понятие». Но понятия и категории имеют разные смыслы. Собственно говоря, их различал Аристотель, что отражено в его «Категориях», сочинении, которое в данном отношении необходимо сопоставлять с «Аналитиками». Следующий шаг в истории вопроса был сделан Порфирием, автором труда *Isagoge* (Введение), написанным в русле идей Аристотеля. Тем не менее в соотношении категории и понятия остаются аспекты, до конца так и не проясненные. Сошлюсь на двух современных авторов, в своих работах опирающихся на собственные исследования текстов указанных авторитетов.

Прежде всего, это Анатолий Витальевич Чусов, внимательно изучавший проблему соотношения категорий и понятий и пришедший к выводу, который кратко можно сформулировать так: категории – не понятия [см.: 16, 17, 18, 19]. Разница между ними весьма существенная. Если среди понятий существуют родовидовые отношения, то среди категорий таких отношений нет. Понятия как формы мышления входят в правильные умозаключения и тем самым подчиняются законам формальной логики.

Категории же дают дологический уровень знаний. А.В. Чусов утверждает, что категории суть предпонятийные структуры представлений. В содержательном плане они – структуры понимания или смысла, которые модифицируют смыслы конкретных понятий, занимающих конкретно определённые места в представлениях. А с формальной точки зрения, как он считает, категории – это структуры мест в универсуме представления.

А.В. Чусов отмечает существование тенденции к концептуализации категорий, т.е. настойчивые попытки дать им контекстуальные определения, подобно родовидовым определениям обычных понятий. Такая тенденция не должна привести к отождествлению категорий и понятий, поскольку она искусственно приводит к огрублению и искажению их истинного соотношения. При этом можно заметить определенную тонкость, порожденную различием между категорией как структурой (смыслом) представления (таких структур множество), и понятием категории (оно должно быть одно). Действительно, так как есть множество однородных элементов (множество категорий), то, казалось бы, можно образовать понятие, в объем которого войдут элементы множества категорий. На самом деле, тут намечается целая проблема: если это понятие, то ему можно дать определение, а поскольку речь идет о категориях с атрибутом всеобщности, то такое понятие или само должно быть категорией, или должно определяться через категорию, подобную другим категориям, множество которых породило данное понятие. Сколько всего категорий? Не десять же, ведь в этом вряд ли кто сомневается. Про категории Аристотеля можно услышать: их десять, потому что у Аристотеля десять пальцев на руках. В действительности категорий много больше, возможно – бесконечное количество. Похоже, что получается антиномия и что надо применять теорию типов Б. Рассела и А.Н. Уайтхеда, чтобы от нее избавиться.

Другой автор – Илья Андреевич Патронников, посвятивший анализу *Isagoge* Порфирия кандидатскую диссертацию. Один из выводов, которые он делает: категории – не предикабилии.

«...Категории – это наиболее общие предикаты, десять категорий – это десять смыслов, в которых нечто предиктируется чему-то. Быть белым, быть четным – примеры одного смысла, или способа, предиктирования; в этом случае мы имеем дело с предиктированием качества, и т. д.». [10, с. 83]. Как он устанавливает, «...предикаты и предикабилии относятся к разным логическим категориям» [10, с. 87]. Получается, что категории дают смысловое содержание высказыванию, обозначая родовую принадлежность субъекта. Но у высказывания есть и формальная сторона, вот ее-то как раз и характеризуют предикабилии: «категории – десять наиболее общих родов сущего; предикабилии – формальные отношения, в которых находятся субъект и предикат некоторого высказывания» [10, с. 89].

Таким образом, можно считать установленным, что категории не являются понятиями и не являются предикабилиями. Они не поддаются родовидовым определениям. Но если они обозначают родовую (наиболее

общую) принадлежность, то сами могут входить в родовидовые определения понятий (понятий, а не категорий), обозначая именно и только род и не имея возможности обозначать вид.

В развитие сказанного, можно предположить, что философия и ее категории – не только дологический уровень знаний (представления), но и его постлогический уровень, раскрывающийся посредством того, что называют внутренним зрением, интроспекцией и рефлексией. Причем следует различать два значения категории всеобщего: всеобщее как наиболее общее из множества общих (тот же самый уровень общего), и предельно общее (уровень трансцендентального). В обоснование способности категориального мышления выйти за рамки и представления, и логики сошлось на иерархию уровней научного знания, предложенную профессором С.А. Лебедевым [см.: 15]. Она выглядит следующим образом:

Философский уровень.

Метатеоретический уровень.

Теоретический уровень.

Эмпирический уровень.

Уровень чувственного знания.

Новацией С.А. Лебедева является введение метатеоретического уровня – между теоретическим и философским. Но философский уровень находится на самом верху иерархии, возвышаясь не только над теоретическим уровнем, но и над уровнем метатеоретическим. Такое положение свидетельствует о его постлогическом характере, что не отменяет «пронизывание» философией всех этих уровней, включая чувственный, и тем самым всего содержательного богатства научных знаний, добытых человечеством.

Но речь до всего этого шла о принципе диалектического монизма и вкладе В.И. Свидерского в философию. Сделанное отступление в повествовании в область понимания философских категорий подготавливает вывод о категориальных инновациях В.И. Свидерского. Подчеркну, что он полагает движение не атрибутом материи, – в чем его расхождение с ее атрибутивной моделью и своими учениками, ее авторами, – а ее способом существования. Вроде бы, тут ничего нового нет. Однако он, по существу, новаторски, вводит категорию единства материи и движения (для него сказать: материя движется, все равно, что сказать: движение материально), а также обосновывает правомерность категорий единства абсолютного и относительного, устойчивости и изменчивости, равномерности и неравномерности развития. Каждый отдельно взятый элемент всех этих пар противоположностей для В.И. Свидерского были понятиями. Вместе взятые, как целостные образования, они дают философско-онтологические категории. Сам он их категориями не называл. Но таковыми они фактически являются. В этом, как я нахожу, неопровержимым образом проявил себя свойственный В.И. Свидерскому дух настоящего философа-онтолога. Разумеется, его новаторские заслуги богаче и обширнее, так что можно

ожидать продолжения исследовательской работы над идейным наследием В.И. Свидерского.

Список использованной литературы:

1. Бранский В.П., Ильин В.В., Кармин А.С. Диалектическое понимание материи и его методологическая роль // Методологические аспекты материалистической диалектики / Под ред. В.А. Штоффа. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 196 с. С. 13-54.
2. Гершанский В.Ф. Ассоциативная модель материи // Режим доступа: <https://libmonster.ru/m/articles/view/АССОЦИАТИВНАЯ-МОДЕЛЬ-МАТЕРИИ>.
3. Ерахтин А.В. Проблема материи в западной и отечественной философии советского периода // Философия и общество, 2014, № 1 (73). С. 55-74. <https://www.socionauki.ru/journal/articles/241950/>.
4. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 710 с.
5. Крюков В.В. Диалектика вещи и процесса: релятивистская модель реальности // Идеи и идеалы. 2011, № 4 (10), т. 1. С. 27-42.
6. Крюков В.В. Диахронический анализ реальности // Идеи и идеалы. 2011, № 2 (8), т. 1. С. 23-43.
7. Кудряшев А.Ф. Бытие материальное и идеальное // Современная онтология VIII: Модусы бытия. Сборник докладов международной научной конференции (26.06 – 01.07.2017, Санкт-Петербург) / Ред. К.В. Лосев, И.Н. Зайцев. СПб.: ГУАП, 2018. 170 с. С. 91-96.
8. Кудряшев А.Ф. О Ленинградской онтологической школе // Международная конференция «Университет. Образование. Общество. (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета)». Санкт-Петербургский государственный университет, 16-17 ноября 2023 г. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Кузнецов, А.Н. Сунами. СПб.: ООО «Сборка», 2023. 1080 с. С. 904-908. [file:///C:/Users/1/Downloads/UNIVERSITET. OBRAZOVANIE. OBSchESTVO . 2023 %20\(1\).pdf](file:///C:/Users/1/Downloads/UNIVERSITET._OBRAZOVANIE._OBSchESTVO._2023_%20(1).pdf).
9. Лоскутов Ю.В. Введение в теорию социальной субстанции: монография. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2021. – 4,73 Мб; 277 с. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/loskutov-vvedenie-v-teoriyu-socialnoj-substancii.pdf>. – Заглавие с экрана.
10. Патронников И.А. Является ли *Isagoge* Порфирия введением к «Категориям» Аристотеля? // Философский журнал, 2016. Т. 9. № 4. С. 80-91.
11. Похлебаев С.М., Третьякова И.А. Атрибутивная модель понятия «Материя» как методологическая основа построения и развития современной общенаучной картины мира // Наука и школа, 2011, № 5. С. 65-68.
12. Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М.: Мысль, 1965. 288 с.
13. Свидерский В.И. Некоторые особенности развития в объективном мире. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 140 с.

14. Свидерский В.И. Введение. О некоторых принципах и направлениях современного исследования проблем диалектики // Современные проблемы материалистической диалектики. М.: Мысль, 1971.

15. Философия науки / под ред. С.А. Лебедева: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2005. 736 с.

16. Чусов А.В. О категориях математического и физического методов у Ньютона // Философия, наука, гуманитарное знание. Сборник статей. Отв. редакторы: В.Г. Кузнецов, А.А. Печенкин. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 200 с.; С. 117-143.

17. Чусов А.В. Онтологические аспекты понимания категорий у Аристотеля, Канта и Гуссерля // История философии и социокультурный контекст – II: Материалы международной конференции. Москва, 24-25 декабря 2012 г. / Отв. ред. Т.А. Шиян. М.: РГГУ, 2012. 389 с. С. 332-342.

18. Чусов А.В. О перспективах развития методологии науки: моделирование, объективация, общая структура метода // Вопросы философии, 2012, № 1. С. 60-70.

19. Чусов А.В. О ретроспективе и перспективах категориальной проблематики // Философия и общество, 2018, № 1 (86). С. 100-106.

Раздел II

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

АЗАРЯН С.Г.

ФГБОУ ВО КГИК, г. Краснодар, Российская Федерация
ИСТОКИ ПРОТИВОБОРСТВА РОССИИ И ЕВРОПЫ
В ФИЛОСОФИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

В статье показаны истоки развития теории русского философа К.Н. Леонтьева в цикличности развития государственных организмов, раскрывающей взгляд на противоборство России и европейских государств. Взгляды К. Леонтьева формировались на основе собственного философского опыта и индивидуального понимания исторического процесса. Внимание философа было приковано к осмыслению духовных самобытных начал русской жизни на основе отстаивания идеи гармонизации духовной жизни и всестороннего развития государства лишь в случае творческого развития культуры народов, населяющих Россию.

Вторая половина XIX века в истории мирового сообщества ознаменована целым рядом открытий и свершений как в науке, так и в технологической сфере. Выдающиеся идеи, которым была уготована судьба стать парадигмами на длительное время, отражая синтез знаний, полученных из научных данных геологии, палеонтологии и биологии, сложились в стройную теорию происхождения видов путем их естественного отбора Ч. Дарвина. Его взгляды, изложенные в научных трудах, последовательно дополнявших друг друга [3, 4], вызвали ажиотаж и получили множество последователей.

Конец XIX века сопровождался грандиозным всплеском научной активности в естественнонаучной сфере: произошло открытие радиоактивности французскими физиками А.А. Беккерелем, М. Складовской-Кюри и П. Кюри; сформулирована теория иммунитета, совершен глобальный прорыв в борьбе с инфекциями благодаря научному вкладу Л. Пастера; выдающийся теоретик и практик борьбы с холерой и туберкулезом, немецкий врач Р. Кох нашел благодаря микробиологии пути и средства эффективной борьбы с названными болезнями. Расцвет наук сопровождался практическом воплощении проектов, целесообразных с точки зрения дальнейшего развития промышленности и торговли. К этому периоду относятся: строительство железной дороги Стоктон – Дарлингтон, и поездов на паровой тяге, связавших районы Великобритании, конструктором которой был Дж. Стефенсон. Применение пара в судостроении связывается с именем Р. Фултона.

Поистине выдающимся открытием стало создание К. Бенцем и Д. Готлибом двигателя, работающего на бензине, и основавшими компанию Mercedes Benz [5]. Механика нашла применение при создании удобных, практичных востребованных предметов изобретателями без инженерного

образования: дизельного двигателя Р. Дизелем и резиновой шины Дж. Данлопом.

Самым известным открытием XIX в. следует считать изобретение электричества Т. Эдисона, а самым перспективным – воплощение телефона, телеграфа и граммофона А. Беллом.

Указанное время в истории сопряжено с воплощением глобальных мировых проектов: строительством Суэцкого и Панамского канала. Что касается их воплощения, то на первый план время выдвигало инстинктивных организаторов и предпринимателей, например, таких, как вдохновитель и организатор строительства названных каналов дипломат Фердинанд де Лессепс.

Казалось бы, отмеченный прогресс в сфере развития естественных наук и их практического применения дает основание для утверждения тезиса о сопровождении технологического развития развитием творческого духа, синтеза прогресса гуманизма и победы разума над предрассудками. Ведь открытие Суэцкого канала, например, сопровождалось приветствием выдающихся европейских писателей, композиторов, философов, общественных деятелей. Для привлечения общественного внимания к воплощенному грандиозному проекту на открытие канала было запланировано исполнение оперы «Аида» итальянского композитора Дж. Верди в построенном для этого театре. Была проведена «PR-акция», приуроченная к открытию движения по Суэцкому каналу [9]. Именно эти события производили уверенность во многих гражданах мира в несокрушимом величии европейского гения, мощи европейской государственной машины, уверенном шествии Европы в отдаленное и даже очень далекое будущее. Поклонники всего европейского появляются и в России. В философии же, появившись, набирает ход тенденция глобального размежевания на «западников» и «славянофилов». Однако, есть и категориальные разграничения, которые не позволяют однозначно отнести ряд выдающихся деятелей русской философии к славянофилам, несмотря на их явное отрицание западных ценностей. Такой философской теорией следует считать сформулированную К.Н. Леонтьевым. К.Н. Леонтьева не привлекала внешняя сторона «вещественного» воплощения технологического гения, он был всецело поглощен рассуждениями о духе и духовности [6]. Именно через призму теории исторического «взросления» человеческого общества, философ понимал «пик» научных открытий европейских изобретателей. Он настолько был обращен к событиям, порождающим российскую духовность, настолько «исповедовал» жизнь духа, что практически не придавал значения открытию Суэцкого канала. Все свершившиеся научные открытия, на его взгляд, являются проявлением и подтверждением наступления нового периода в истории европейской цивилизации, отнюдь не ее «революционности». Не верил философ и в ее гуманизм, слишком уж большими людскими потерями сопровождалось практическое воплощение всех технологических воплощений. Ко второй

половине XIX-го века относятся противоречия между официальной версией российской «абсолютистской» истории, дворянской и просветительской историографией. К. Леонтьев последовательно придерживался линейной периодизации исторического развития человеческого общества. Наблюдения за ходом европейского прогресса привели К. Леонтьева к ряду продуктивных философских идей, весьма актуальных для современного времени.

Рассуждая о теоретическом наследии философа, необходимо четко отметить его эстетическую платформу. Стремление к прекрасному роднило его с другим русским философом – Н. Розановым [7]. Его эстетический стиль, понимание жизни и стремление к пониманию глубоких фундаментальных ее жизни на основе духовности делают понятным его творческую индивидуальность, отличие от традиционно понимаемых «славянофильства» и «западничества».

Вопреки всеобщему восторгу перед предметно видимым воплощением европейского прогресса, К. Леонтьев считает европейский путь развития даже не «дорогой никуда», а четко осознаваемой им «дорогой в пропасть», такой глубины, что оттуда человеческое общество уже не сможет выбраться [6]. Эту идею К. Леонтьев обосновал, наблюдая за европейским технологическим прогрессом, четко осознав его лишь средством успешного вложения капитала и способом его распространения на новые сферы, позволяющим держать их в цепких руках. Наблюдая за европейским прогрессом с позиции поиска духовного и общепольного, философ осмысливает то, что действительно необходимо для общественного прогресса и что составит смысл человеческого развития. Так, из-под пера К. Леонтьева выходит идея создания оснований для расцвета российского общества. В качестве основы его рассуждений выступает органическая теория, довольно широко распространенная в названный период, применяемая к самым различным общественным и органическим проявлениям в повторяющихся (циклических) «оборотах» исторических этапов. Исходный тезис о том, что государства – организмы рождаются и умирают, проходя через определенный цикл развития, не является оригинальным. Оригинален вывод, сделанный философом, применительно к жизни России, на фоне перспективных и не очень европейских открытий. Для того, чтобы будущее России было устремлено к прогрессу, а государство жило напряженной духовной и насыщенной культурно, жизнью, необходимо использовать тот потенциал, который дает разнообразие населяющих Россию народов. Россия не рассматривает и никогда не рассматривала их как «механизм» достижения ни политических, ни технологических целей, она стоит на фундаменте развития всех народов, населяющих ее, в то время, как Европа унифицирует все, к чему притрагивается. А такую полную социальную унификацию К. Леонтьев считает возможным лишь в примитивных и в зрелых обществах, в которых унификация является проявлением не общественного единства, а состоянием общества, за которым следует закат и распад. В примитивных обществах названная стадия

унификации необходимое условие дальнейшего развития, а в развитых одна из ступеней, ведущих к распаду и кризису. Поэтому названные случаи общественного прогресса, философ считал ступенью «вниз», одним из этапов грядущей европейской деградации.

Духовную жизнь Европы этого периода можно представить на основе ассоциации, возникающей со стихотворной строкой Н. Некрасова: «Так осенью бурливее река, но холодней бушующие волны». К тому же и осень является периодом замирания природы. В почти буквальном повторении состоянии духовности Европы, К. Леонтьев называет «убыванием души» [8].

Именно в этом философ видит непримиримость к духовности и развитию России политической элиты Европы. Убывание истинно творческого европейского духа прибавляет зависти и ненависти к России.

Славянофилы, объединенные единством идеи духовного превосходства России перед Европой, искавшие пути ее развития на путях православия, в частности, И. Киреевский, считал, что потенциал развития имеют Россия, и молодое государство, к становлению которого была причастна русская императрица Екатерина II, - США [9].

Можно, продолжая мысль философа, отметить, что первым эту идею еще в самом начале 60-х годов XIX в., высказал К. Леонтьев, а в современной политической реальности, «застылостью», «хладностью» Европы воспользовалось государство США, используя во внешнеполитических интересах. Налицо востребованность идеи о «скудости души» европейского континента, отмеченная Леонтьевым. Его «омертвление», стали причиной, по которой Европа утратила мировое лидерство, подчинившись более сильному ментальному конкуренту – США, практически без борьбы утрачивая собственные политические интересы.

Раскрытие сил, населяющих Россию народов, развитие их самобытной культуры – это истинный путь прогресса. Непримиримость Европы к России – это зависть стареющего организма к устремленности в будущее молодого. Поэтому, К. Леонтьев рассматривал войну со стороны Европы, как механизм реализации этой непримиримости. В теории философа нет никакой надежды на эволюцию духовной жизни вне скачкообразных периодов войн, он не надеется на реальное воплощение «муравейного братства» [1].

В противовес истине Европейские государства стремятся представить Россию «империей зла», вопреки событиям, разворачивающимся в истории. И для этого используют все возможные методы, в первую очередь, информационную войну, в ходе которой «переписывают историю» [2].

Список использованной литературы:

1. Алексеева, Г. Толстой и идея общины / Г. Алексеева // Русская словесность. – 2018. – № 6. – С. 75-80. – EDN HNBQQQ.
2. Азарян, С. Г. К вопросу о формировании концепта "информационное общество" / С. Г. Азарян // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 5(34). – С. 114-115. – EDN PIONCX.

- Дарвин, Ч.Р. Происхождение человека и половой отбор / Ч. Дарвин. URL: <https://coollib.com/b/524553-charlz-darvin-proishozhdenie-cheloveka-i-polovoy-otbor/read> (дата обращения: 20.02.2023). Текст : электронный.
3. Дарвин, Ч.Р. Происхождение видов / Отд. 1. Изменения животных и растений вследствие приручения. Прирученные животные и возделанные растения / Чарльз Дарвин; Пер. с англ. с согласия и при содействии авт. В. Ковалевский; Под ред. И.М. Сеченова, ботан. часть под ред. А. Герда. Т. 1-2. - Петербург : тип. Ф.С. Сущинского, 1868. - 2 т.
 4. История бренда. 130 лет Mercedes-Benz. Легендарный бренд, давший начало всему автопрому, сегодня отмечает юбилей URL: <https://www.sostav.ru/publication/mercedes-benz-20811.html> (дата опубликования: 29.01.2016).
 5. Леонтьев К.Н. Средний европеец как орудие всемирного разрушения. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Leontev/srednij-evropeets-kak-orudie-vsemirnogo-razrusheniya/ (дата обращения: 12.02.2023). Текст : электронный.
 6. Леонтьев К.Н. Избранные письма к В.В. Розанову. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Leontev/izbrannye-pisma-v-v-rozanovu/ (дата обращения: 15.02.2023). Текст : электронный.
 7. Леонтьев К.Н. Записки отшельника/ Константин Леонтьев. М. : Издательство «Э», 2016 – 576 с.
 8. Мусаева Мусаева Салихат Ибрагимовна К вопросу о строительстве Суэцкого канала // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-stroitelstve-suetskogo-kanala> (дата обращения: 26.02.2023).
 9. Попов, Н. П. Роджер Хилсман: как делается внешняя политика / Н. П. Попов // Россия и Америка в XXI веке. – 2019. – № 3. – С. 12. – DOI 10.18254/S207054760007144-5. – EDN YSCLUP.

АРУТЮНЯН К.С.

Рязанский государственный радиотехнический университет им В.Ф. Уткина,
г. Рязань, Российская Федерация

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ОБЫДЕННОГО И МОРАЛЬНОГО В СОЗНАНИИ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

В статье раскрывается проблема соотношения обыденного и морального в сознании как процесса формирования обыденного и морального сознания по отношению к философии. Данная проблема находит свое воплощение в основных положениях Канта о том, что сознание – это не просто отражение действительности, оно формируется индивидом на основе

познавательных способностей, воображения, чувственности, рассудка и разума.

Для более полного отражения данной проблемы рассмотрим основные положения в статье:

1. Проанализируем понятие обыденного и морального в сознании;
2. Выявим основные отличия понятий чувственность, рассудок и разум;
3. Определим логическую взаимосвязь между разумом и сознанием.

В философии Нового времени соотношение обыденности и сознания, определения обыденного сознания стало предметом теоретического анализа и изучения философией. Попытка систематического исследования обыденного сознания в истории философии принадлежит И.Канту. «В истории новой философии, – отмечает Г. Гегель, – именно Канту принадлежит та заслуга, что он первый снова выдвинул... и определил особенности обыденного сознания» [1, с. 296].

Следовательно, философ не просто выдвинул ряд положений об особенностях обыденного сознания, но выявил эти закономерности и особенности из своей системы, логически обосновал и сформировал целую концепцию. Это отличало его от других предшественников. Поэтому можно с полным обоснованием говорить о понимании обыденного сознания Канта.

Проблема соотношения обыденности и сознания в философии Канта строилась на основе знания [4].

Согласно картезианскому рационализму все знание философ делил на два вида: совершенное и несовершенное. Степень совершенства и несовершенства во многом зависит, какая познавательная способность доминировала в процессе познания. Но согласно концепции Канта, природа человека ограничивает познавательные возможности человека, при этом структура познавательных способностей также ограничен [2, с. 123].

Следует отметить, что реальное знание по Канту во многом зависит от разных сфер общественной жизни, в которых реализуется активность субъекта, реализующего свои познавательные природные способности.

Выделяют две противоположные, но взаимосвязанные области сознания, которые возникают перед познающим субъектом – это теоретическая и практическая.

Основная задача теоретической части разума, направлена на приспособление к разным сферам деятельности, учитывая их своеобразие и специфику. При этом специфика практической части разума направлена на материальное преобразование предметов окружающей действительности в соответствии с потребностями и нуждами индивидов, учитывая нормы морального поведения [3].

Основное отличие теоретической и практической деятельности разума заключается в том, что теоретическая часть разума направлена на нормы нравственности. Практическая деятельность разума не только может оценить поведение индивида, но и осмыслить, познать. В этом и заключается

проблема определения обыденного сознания, а именно с какой позиции его оценивать – теоретической или практической?

Можно сделать вывод: каждая сфера деятельности (теоретическая и практическая) ставит перед сознанием свои специфические проблемы, которые решаются строго определенным образом специальными способностями сознания. Поэтому каждая форма сознания, отвечая за деятельность человека в той или иной области, имеет свою неповторимую ценность.

Для определения обыденного сознания, необходимо дать определение понятию сознание. В философии Канта в отношении сознания нет точного определения сознания. Следует выделить несколько положений его подхода. Во-первых, Кант не дает четких определений тем понятиям, которые связаны с близкими понятиями сознания (например, самосознание и т.д.). Во-вторых, Кант отрицает эмпирическую психологию, что затрудняет дальнейшие исследования сознания. В-третьих, основой концепции сознания являются категории, которые определяют сущностное содержание сознания. В-четвертых, важна особенность сознания по Канту. Данная проблема рассматривалась в новоевропейской философии в субстанциальном ключе.

Один из исследователей Ф.Вундерлих определил сознание по лекциям Канта: «Сознание есть, собственно, представление о том, что во мне находится другое представление». Исходя из этого определения, Кант придает сознанию рефлексивный смысл. Кант показывает не просто представления окружающего мира, но и соотносит со своими собственными представлениями. [5, p.135].

Исходя из множества определений сознания, можно классифицировать следующим образом, сознание – это способность познать предметы через понятия или категории. При этом, сами категории характеризуются единством, полнотой, системностью, тождественностью.

Функции сознания определяют наши представления о предмете, его взаимодействия с другими предметами. В соотношении разума, рассудка и сознания Кант приходит к следующему выводу. Разум полностью опирается на рассудок и зависит от него, а в отношении с сознанием, разум – это абсолютная тотальность сознания.

Кант подчеркивает практическую значимость морального сознания в совершении поступка. Это проявляется в двух важных постулатах: для совершения морального поступка, всегда возникает представление о нем, разум, который формирует нравственный закон, позволяет воле опираться на единство сознания. Соответственно, источником морального поступка являются свобода, разум и сознание.

Практическая реализация разума связано с понятием моральное сознание, которое нацелено на формирование объекта как результат действий человека через свободу в рамках практического закона. Поэтому понятие моральное сознание тождественно понятию практический разум. Главная цель морального сознания (практический разум) – это сформировать

представление о такой цели морального поступка, которая будет соответствовать целям всего общества.

Сделаем обобщающий вывод по морали в сознании. Совершение морального поступка невозможно без сознания, разума и свободы. Это вполне очевидно, что индивид мыслит, осознает другие представления, свобода необходима для выбора необходимого представления, а разум невозможен без сознания, т.к. наши представления должны иметь практическое воплощение.

Кант был одним из первых, который стал рассматривать человека как активного субъекта, как социального и морального существа. При этом деятельность человека определялась практическим разумом. Познавательная способность разума делится на три способности: чувственность, рассудок и разум. С помощью чувственности и рассудка происходит приращение разума. Чувственность формирует наши представления о предметах, а рассудок позволяет их осмыслить. Мышление как атрибут рассудка позволяет осуществлять познавательный процесс через понятия (категории).

Но если рассудок — это способность познавать единство явлений посредством категорий, то разум — это способность создавать единство правил рассудка по принципам. То есть разум направлен всегда на рассудок, с помощью понятий которого формируется единство разума.

Процесс формирования научного знания происходит за счет теоретического разума. Теоретический разум указывает человечеству пути к систематическим принципам, к идеям, подходам, определяет идеал научного знания, что позволяет избегать иллюзии и заблуждения на пути познания.

Помимо теоретического разума выделяется разум практический, который имеет первенство и способен обосновать свои моральные законы и правила. Практические основы, которые содержат в себе основы нравственной воли, подразделяются на максимы и законы. Максима это субъективный принцип который ориентирован на единичного субъекта, в то время как закон — это объективный принцип, который направляет свою деятельность на каждого разумного существа. Закон представляет собой форму долженствования. Кант называл их императивами. Они бывают гипотетические, исполнение которых предполагает определённые условия, и категорические, которые обязательны для всех. Философ вывел категорический императив «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [7, с. 270].

В этих условиях выводится одна из функций категорического императива — регулятивная. При регулятивном применении главная цель разума — это «привести к единству все идеи, которые станут впоследствии высшей причиной развития всего мира» [5, с. 583]. Такое единство рассматривается в качестве идеала, к которому все активное должно стремиться.

Таким образом, при регулятивном применении практического разума осуществляется развитие и совершенствование индивида, личности, общества, человечества. Высшее предназначение человека (индивидуума и человечества в целом) состоит, по Канту, в реализации идеалов Истины, Добра (Блага) и Красоты. При этом созидание нравственно совершенного мира оказывается для человека гораздо более важной задачей, чем познание мира или созерцание его гармонии и красоты.

Список использованной литературы:

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3-х т. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
2. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. М.:Наука, 1964. Т. 3. 799 с.
3. Кант И. Критика практического разума // Соч.: В 6 т. М.:Наука, 1965. Т. 4. Ч. 1. – 620 с
4. Чельшев П. В. Обыденное сознание как фактор жизни. М.: МГГУ, 2006. 26 с.
5. Wunderlich F. Kant und die Bewusstseinstheorien des 18. Jahrhunderts. Berlin; New York : Walter de Gruyter, 2005. 274 p.

БАЛАКЛЕЕЦ Н.А.

Самарский государственный технический университет,
г. Самара, Российская Федерация

ПРОЕКТ ВЕЧНОГО МИРА И. КАНТА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОГО

Трактат И. Канта «К вечному миру», увидевший свет в 1795 году, относится к тем произведениям философской мысли, актуальность которых сохраняется до сих пор. Рецепция идей немецкого классика была осуществлена уже в работах его современников – И.Г. Гердера, И.Г. Фихте, И. Гёрреса и многих других. Произведение, обретшее уже при жизни автора необыкновенную популярность и получившее противоречивые оценки, обладает не только теоретическим значением, но и важной практической значимостью, заключая в себе проект реформирования сферы политического в мировом масштабе.

Следует подчеркнуть, что политическая философия Канта по существу является философией права, которая в свою очередь понимается им как философия мира (Friedensphilosophie). Мыслитель называет и развивает те принципы права, соблюдение которых должно привести человечество к состоянию мира [5, S. 462-463]. По мнению одного из современных интерпретаторов Канта Ф. Герхардта, требование подчинения политики праву (и тем самым справедливости) не налагается на нее извне. Политика не должна быть подчинена внешней по отношению к ней инстанции, также не

следует искусственно сдерживать ее моральными требованиями. Если политика стремится к достижению сформулированных ею целей и последовательному использованию собственных средств, она должна принять правовой характер в силу имманентных ей (а не навязанных извне) механизмов [6, S. 78-79].

Одна из ключевых идей Канта, высказанных в трактате «К вечному миру», заключается в признании естественным состоянием человечества состояния войны. Последнее в темпоральном аспекте получает в сочинении Канта широкую трактовку, в русле идей Т. Гоббса, понимаясь не только как непосредственные военные действия, но и как их угроза. Состояние мира, которое не является для человечества естественным, должно быть установлено. Примечательно, что мир, который согласно Канту является «концом всякой вражды», должен исключать любую возможность начала новых войн. Мирный договор, сохраняющий основание для начала новой войны, представляет собой не мир, но перемирие [3, с. 1192]. Состояние мира выступает по Канту не только политической противоположностью состоянию войны (поскольку требует особой организации политического), но и его темпоральной противоположностью. Мир, исключая любую возможность войны, должен прийти на смену череде непрерывных межгосударственных вооруженных конфликтов, неопределенное завершение которых вызвано половинчатыми и непоследовательными политическими решениями.

Поскольку война относится к естественному (природному – *natürlich*) состоянию человечества, она несовместима с понятием права и не подчиняется законам разума. Не случайно философ делает вывод о том, что «лишь *исход* войны ... решает, на чьей стороне право» [3, с. 1195]. Мир, выступающий противоположностью войны, напротив, неразрывно связан с феноменом права: «Как природные существа люди вполне могут желать войны, как разумные существа, напротив, они более не могут ее желать» [5, S. 467].

Трактат включает в себя шесть предварительных (*Präliminarartikel*) и три окончательные статьи (*Definitivartikel*) договора о вечном мире. Целью последних является показать, что мир не является простым отрицанием войны: «окончательные статьи называют необходимые и достаточные условия позитивного длительного мира» [5, S. 465]. Первая из них провозглашает необходимость установления республиканского гражданского устройства в каждом государстве [3, с. 1199]. Таким образом, Кант исходит из необходимости однородной организации сферы политического – договор о вечном мире может быть заключен исключительно между республиками. Комментируя идеи Канта, Ю. Хабермас подчеркивает, что немецкий классик рассматривал государства с республиканской формой правления как ядро, вокруг которого впоследствии будет кристаллизоваться ассоциация свободных республик. Тем не менее, политическая практика привела к созданию всемирной организации, объединяющей под своим началом все

государства, независимо от того, установлена в них республиканская форма правления или нет: «Политическое единство мира находит свое выражение в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, в которой на равноправной основе представлены все правительства. При этом всемирная организация абстрагируется не только от различий в легитимации ее членов внутри сообщества государств, но и от различий в их статусе в рамках стратифицированного мирового общества» [7, S. 306].

Вторая окончательная статья договора о вечном мире, сформулированная Кантом, подчеркивает необходимость создания федерации свободных государств – «*союза народов*, который, однако, не должен быть государством народов» [3, с. 1203]. Здесь следует отметить, что гражданско-правовое состояние, установление которого во всемирном масштабе мыслится философом в качестве постепенно разрешаемой задачи, призвано преодолеть естественное состояние между государствами. Если в политической философии Т. Гоббса показан путь преодоления естественного состояния между людьми, не составляющими политического единства, то И. Кант размышляет о правовом регулировании межгосударственных отношений. Естественное состояние, преодоление которого мыслится Гоббсом возможным в пределах отдельно взятого государства, сохраняется в отношениях между государствами. Следовательно, мысль Канта устремляется к решению проблемы преодоления естественного состояния уже в международном масштабе. При этом договор, который должен быть заключен между государствами, а не индивидуумами, не является повторением общественного договора: «союз народов должен возникнуть из суверенных волевых актов международных договоров, которые больше не рассматриваются в соответствии с моделью общественного договора. Поскольку эти договоры не устанавливают никаких юридических претензий заключивших их сторон друг к другу, а лишь объединяют их в постоянный союз – в "вечную свободную ассоциацию"» [7, S. 295]. Осуществляя рецепцию идей Канта, Ф. Генц в трактате «О вечном мире» (1800) придет к выводу, что естественное состояние в отношениях между народами преодолимо лишь при условии создания единого мирового государства, подчеркивая исключительно гипотетический характер подобной перспективы [4, с. 337]. В XX столетии проблему преодоления естественного состояния в мировом масштабе затронет Б. де Жувенель, которому принадлежит сравнение создания Лиги Наций с заключением общественного договора между личностями [2, с. 81]. Современное общество демонстрирует, на наш взгляд, устойчивость анклавов дополитического (естественного состояния), которые неизбывны даже при наличии разветвленной системы международно-правовых норм. Справедливость данного тезиса подтверждается, в частности, такими явлениями, как терроризм и нарушение норм международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах современности.

Наконец, третья окончательная статья договора о вечном мире ограничивает право всемирного гражданства условиями всеобщего гостеприимства. При этом под гостеприимством Кант понимает «право каждого чужестранца на то, чтобы тот, в чью страну он прибыл, не обращался с ним как с врагом» [3, с. 1208]. Философ обосновывает право посещения государства иностранцами силой права общего владения земной поверхностью. Ограниченность территории Земли мыслится Кантом как предпосылка установления добрососедских отношений между народами. Обращаясь к пространственному феномену, который можно обозначить как *terra nullius* («ничья земля») [1], Кант подчеркивает социальную и политическую значимость никому не принадлежащих необитаемых земель, которые одновременно разделяют народы и соединяют их. Пустыни и моря, связывая народы посредством природных и технических объектов, могут служить для установления более тесных контактов между народами.

Вместе с тем Кант выступает критиком сугубо европоцентричного понимания феномена «ничьей земли», которое предвляло колонизацию неевропейских территорий: «Когда открывали Америку, негритянские страны, острова пряностей, мыс Доброй Надежды и т.д., то эти страны рассматривались как никому не принадлежащие: местные жители ставились ни во что» [3, с. 1209]. Таким образом, *terra nullius* в рамках политико-философской концепции Канта наделяется двумя ипостасями. Во-первых, она выступает в качестве пограничного незаселенного пространства, служащего областью мирного взаимодействия народов. Во-вторых, «ничья земля» представляет собой европоцентричный политический конструкт, применяемый по отношению к заселенным территориям, подлежащим захвату. В данном случае «ничьей» неевропейская территория выступает исключительно из перспективы европоцентричного дискурса, лишаяющего проживающие на ней народы политического (а также культурного и цивилизационного) статуса. Критика европейской колониальной политики связывается Кантом с аморальностью и экономической нецелесообразностью применяемого насилия. Так, единственной целью, успешно реализованной в результате захвата островов сахарного тростника, мыслитель называет формирование экипажей европейских военных флотов [3, с. 1210].

Выступая знаменитым критиком войны, Кант, тем не менее, не отрицает ее значимой роли в социальной жизни. Служа средством для достижения природной цели, война способствовала повсеместному расселению людей на земной поверхности: «И что, кроме войны, которой природа пользуется как средством для повсеместного заселения земли, могло загнать эскимосов ... на север, а нешересов на юг Америки до Огненной Земли?» [3, с. 1216].

Переходя к вопросу о влиянии политического проекта Канта на последующее развитие политико-философской мысли и политическую практику, следует указать на его многовекторность. В теоретической мысли до сих пор ведутся дискуссии по поводу реалистичности и реализуемости

идей кенигсбергского философа. Неоспоримым является влияние идей Канта на политически значимые решения – создание Лиги Наций как исторической предшественницы Организации Объединенных Наций было подготовлено кантовской политической философией, а трактат «К вечному миру» через двести лет после его опубликования, по мнению Й. Бона, лег в основу проекта, который посредством юридизации международных отношений направлен на перспективу реализации мировой внутренней политики [5, S. 463]. В то же время следует подчеркнуть, что проект Канта не является безапелляционной программой к действию: вечный мир следует трактовать как регулятивную идею, а не цель революционных политических реформ. По свидетельству К. Ясперса, «Кант не настаивает на знании (*weiß nicht*), он мыслит экспериментальным образом, ничто не отвергает как невозможное, надеется. Гегель твердо знает, мыслит, однозначно указывая на то, что является действительным, ему не нужна надежда. Это различие для практики является радикальным, глубже всего разделяющим. Образ мысли Канта остается открытым, умеренным, напряженным по причине расхождения фактического знания и моральных притязаний» (цит. по: [5, S. 468]).

В статье 1995 года, приуроченной к 200-летию выхода в свет кантовского трактата, Ю. Хабермас рассматривает принципы стратификации современного общества, прибегая к устоявшейся дифференциации государств первого, второго и третьего мира и упрекая классика – сына XVIII столетия – в неисторическом образе мысли и игнорировании «реальной абстракции», которая должна привести к организации «сообщества народов» [7, S. 306]. Несмотря на стратификационные барьеры, которые препятствуют цементированию «мирового общества», Хабермас полагает его устойчивое функционирование возможным при условии соблюдения следующих пунктов: разделяемое всеми его членами историческое сознание несинхронности (*Ungleichzeitigkeit*) развития обществ, вступивших на путь мирного сосуществования; нормативное согласие по поводу прав человека, трактовка которых существенно различается у европейцев (с одной стороны), азиатов и африканцев (с другой стороны); формирование единых взглядов по поводу достигаемого состояния мира [7, S. 307].

За прошедшее без малого тридцатилетие различия между отдельными государствами мира не только не сгладились, но и еще более обострились. Речь идет не только о проблематичности достижения консенсуса по поводу предложенных Хабермасом пунктов. Сфера политического, по-прежнему сохраняющая различия и антагонизмы, является индикатором глубинных культурных, мировоззренческих и социальных противоречий. Несогласие противников идеи единства мира с принципами, конституирующими единое «мировое общество», касается не только аспектов организации сферы политического. Оно связано с образом будущего человечества и человека. «Вечный мир», основанный на неолиберальном консенсусе, игнорирующем политическое и социальное многообразие человечества, рискует обернуться квазипацифистским тоталитарным проектом. Если «*Staatenwelt*» (мир,

образованный государствами) сохраняет анклав дополитического (естественного состояния) между государствами и возможность межгосударственной войны, то «Weltstaat» (мировое государство) гипотетически способно устранить понятие войны, но не насилие, обусловленное политическими мотивами. И принятие идеи «Staatenwelt» и ее критика основаны на необходимости ограничения насилия. Однако если в первом случае его эскалация объясняется отказом от политической и правовой автономии государств и принудительной трансформацией политического плюриверсума (термин К. Шмитта) в универсум, то во втором случае на первый план выступают критика межгосударственного насилия и допускающий мировую войну «правовой пацифизм», который исходит из необходимости действовать таким образом, «как если бы уже сейчас существовало полностью институционализированное всемирно-правовое состояние, которое следует поддерживать» [5, S. 473]. «Война против войны», облаченная в квазипацифистские одежды, как путь достижения единства мира представляется нам большим злом, нежели стремление сохранить феномен политического. Последний, будучи понят в его антагонистическом измерении (К. Шмитт, Ш. Муфф), предполагает проведение границы между «другом» и «врагом», внешней и внутренней политикой.

Критика насильственной универсализации и глобального экспорта прав человека все явственнее раздается из уст западноевропейских интеллектуалов. Так, по свидетельству Й. Бона, насаждая в мировом масштабе идею умиротворения, основанного на праве на свободу, политический Запад прибегает к средствам насильственной интервенции. При этом ее прикрытием служит понятие «обязанности защищать население» (Schutzverantwortung). Политика прав человека разрушает сложившиеся традиции, религиозные ценности и идентичности, но не в этом ее главная угроза. В долгосрочной перспективе подобная политика способна повлечь за собой возврат к состоянию войны всех против всех, т.е. к тому состоянию, окончательное преодоление которого в кантовском проекте связывалось с обеспечением внешней свободы [5, S. 473].

Таким образом, мы приходим к парадоксальному итогу, который раскрывает латентные корни насилия, присущие проекту достижения вечного мира по Канту. Реформирование сферы политического, предполагающее унификацию политических форм и экспорт «прав человека» в мировом масштабе, чревато новыми всплесками неконтролируемого насилия. Исключение инаковостей и насильственное приведение к однородности политического и социокультурного многообразия обществ – слишком высокая цена для достижения «вечного мира».

Список использованной литературы:

1. Балаклеец Н.А. Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 38-42. DOI 10.17223/15617793/396/6.
2. Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. 546 с.
3. Кант И. К вечному миру // Метафизические начала естествознания. М.: Изд-во «Мысль», 1999. 1712 с.
4. Трактаты о вечном мире. СПб.: Алетея, 2003. 398 с.
5. Bohn J. Ewiger Krieg der Ansprüche: Kritik der freiheitsrechtlichen Friedensphilosophie Kants // ARSP: Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie / Archives for Philosophie of Law and Social Philosophie. 2013. Vol. 99, no. 4. S. 462-474.
6. Gerhardt V. Eine kritische Theorie der Politik. Über Kants Entwurf *Zum ewigen Frieden* // WeltTrends: Zeitschrift für internationale Politik und vergleichende Studien. 1995. № 9. S. 68-83.
7. Habermas J. Kants Idee des Ewigen Friedens – Aus dem historischen Abstand von 200 Jahren // Kritische Justiz. 1995. Vol. 28, no. 3. S. 293-319.

БЕРЕНДЕЕВ В.А.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

СПЕЦИФИКА РАССМОТРЕНИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ВОЙНЫ В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ КАРЛА ШМИТТА

Приходится согласиться с утверждением, что начало эпохи мировых войн ознаменовалось, помимо прочего, и полной готовностью западного человека, несмотря на всю очевидную ошибочность подобных суждений, рассматривать «мировую войну» в качестве «последнего» и «окончательного» планетарного конфликта, завершение которого непременно повлечет за собой «мир во всем мире» [3]. Легкость принятия такой точки зрения абсолютным большинством тогдашних представителей Западной цивилизации была связана с укоренением в их сознании особенного понимания феномена войны, навязываемого им ведущими либеральными обществоведами и идеологами. Пугающая распространенность данного видения войны среди населения стран Запада вызывала вполне закономерную обеспокоенность традиционалистски настроенных западноевропейских философов эпохи модерна. Среди соответствующих концепций последних особое место занял анализ сути «политического» и связанного с ним феномена войны, представленный известным немецким консервативным мыслителем и юристом-международником Карлом Шмиттом (1888–1985).

Выявляя основу политико-философских взглядов К. Шмитта, следует остановиться на принципиальных положениях его работы с символическим названием «Понятие политического» (1927–1932). Собственно «политическое» для Шмитта связывалось с тем, что обозначалось им как высшая «степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей». По его мнению, здесь важно именно то, что идет процесс группирования, с одной стороны, тех, кого он именовал термином «друг» (“amicus”), а с другой – тех, кого он называл «врагом» (“hostis”). К. Шмитт уточнял в этой связи, что «враг» – «есть только публичный враг», только «борющаяся совокупность людей», противостоящая точно такому же сообществу. Разумеется, что возможность вооруженной борьбы также входит в понятие «врага» и определенным образом оформляет «политическое». Однако «политическое заключено не в самой борьбе», а «в определяемом этой реальной возможностью поведении, в ясном познании определяемой ею собственной ситуации и в задаче правильно различать друга и врага» [3]. Поэтому Шмитт и заявлял, что либеральные установки по осмыслению феномена «политического» – это «не теория государства и не политическая идея», однако они «равным образом имеют политический смысл и в определенной ситуации полемически направляются против определенного государства и его политической власти». Война в этой ситуации теряет свое обычное значение и становится особенно жестокой, поскольку представляется либералами в качестве «последней окончательной войны человечества», в ходе которой врага необходимо сделать «бесчеловечным чудовищем, которое надо не только отразить, но и окончательно уничтожить» [3].

В опубликованном уже после Второй мировой войны труде «Теория партизана» (1962–1963) К. Шмиттом особое внимание было уделено анализу погружения человечества в «бездну тотального обесценения», касающегося, в частности, и философии войны, которая теперь может исходить из логики «ценности и малоценности», актуализирующей «все новые, все более глубокие дискриминации, криминализации и обесценения вплоть до уничтожения всякой не имеющей ценности жизни» [6]. Ставшее в этой связи «совершенно абстрактным и совершенно абсолютным» уничтожение будет служить «только так называемому объективному осуществлению высших ценностей» [6]. Данное положение, по мнению Шмитта, усугубилось новыми техническими достижениями человечества, поскольку «чем больше развивается цивилизация» и «страшнее становится оружие», «тем меньше уважения оказывают противнику» и «более интенсивно» его «дисквалифицируют» [2, с. 139].

В качестве особенно агрессивного актора системы международных отношений, способного после окончания Второй мировой войны осуществить «пан-интервенционизм», как «глобально», так и «тотально», Карл Шмитт четко обозначал Соединенные Штаты Америки [5]. В своей статье «Последняя глобальная линия (1943)» он подчеркивал, что именно

Вашингтон «претендует на то, чтобы не только отразить всякого политического врага, но и дисквалифицировать и диффамировать его» и «навязать человечеству новый в международно-правовом смысле род войны», присваивая себе право «призывать народы восставать против их правительств» и «превращать войну между государствами в гражданскую войну» [5]. Поэтому на вопрос «Означает ли мировое господство также окончание гражданской войны?» Шмитт давал твердый отрицательный ответ, поскольку, по его мнению, данная гегемония – это действительная «комбинация международно-правовой войны и гражданской войны», выступающая как «познанная и высказанная ужасающая действительность, неразличимость войны и мира» [1, с. 77, 78]. Как показала соответствующая практика, именно так и поступают «правлящие круги» США и ведомого ими «коллективного Запада», если имеют место, например, попытки руководства той или иной страны мира, некогда подпавшей под контроль ведущих западных государств, начать придерживаться относительно независимого внешнеполитического курса.

Вполне закономерно, что развитие в современных войнах вышеуказанной «тотальной» тенденции делает особо актуальной фигуру так называемого «партизана», который выступает как иррегулярный «защитник национальной почвы» от «чужого завоевателя» и может быть представлен как характерный для какой-либо из евразийских держав «специфически земной, сухопутный тип активного борца» (по сравнению с представляющими англо-саксонское сообщество «фигурами типично морскими в правовом отношении и в разборе пространственного аспекта»). Этот «политический характер» шмиттовского «партизана» обязывает его встать на путь уничтожения агрессора, действующего по хищническому закону геополитического бытия – морскому «номосу» [6].

Для предотвращения разрастания подобного рода глобальных конфликтов К. Шмитт предложил оптимальное, как представляется, решение, основные составляющие которого содержатся в положениях его работы «Порядок больших пространств в праве народов» (1939–1941). В ней международное право он рассматривал с позиции «прав народов» (“*jus gentium*”) и четко увязывал «персонально» характеризующий данное этно-политическое объединение некий «конкретный порядок» с его «принадлежностью к народу и государству». Шмитт здесь также уточнял, что «подчиненный понятию народа международно-правовой принцип порядка является правом народов на самоопределение». В свою очередь, со шмиттовской точки зрения, не допустить вторжение «чуждых пространству сил», могущих отторгнуть освоенные той или иной нацией территории, позволит практическая реализация идеи так называемого «большого пространства» (“*Grossraum*”) [4]. Именно в этих целях и необходимо провести «разделение Земли на многие большие пространства, наполненные своими историческими, хозяйственными и культурными субстанциями» [5].

Впрочем, следует заметить, что К. Шмитт не строил иллюзий по поводу осознания современными ему «цивилизованными» обществами всей сложности социально-политического положения, как человечества в целом, так и отдельных стран мира, в период глобальных конфликтов. Он объяснял это тем, что «индустриализованные народы» в своей массе «ищут радикальных выводов и бессознательно верят», что именно в их бытность «удалось найти ту абсолютную деполитизацию, которую ищут уже столетия и которая означает прекращение войны и начало универсального мира» [7]. Важно подчеркнуть, что сейчас эта ситуация практически не изменилась. Так, например, события, связанные с критическим углублением нынешнего системного кризиса на Украине, показали, что «либерализированные» рядовые граждане последней не понимают, в своем большинстве, сути «политического», а их поиски справедливости весьма успешно используются «врагом» (как «внешним», так и «внутренним») в деле окончательного разрушения остатков социально-политической «классики» в их же собственной стране. Все это подтверждается, например, тем, что в качестве духовной основы Украинского государства сейчас уже открыто провозглашена идея пронизанного русофобией шовинизма необандеровского толка, совершенно чуждая для православного славянства, по-прежнему составляющего большинство населения Украины. Более того, по итогам десятилетия, прошедшего после успешного осуществления в ней так называемой «революции достоинства», стала вполне очевидной перспектива неотвратимости полного «демонтажа» украинской государственности и последующего за ним раздела территории Украины между граничащими с ней государствами.

Таким образом, особенно важными для осмысления либеральной концепции войны пунктами политико-философского наследия Карла Шмитта являются: во-первых – глубокий анализ феномена «политического», позволяющий понять истинный смысл характерной для либерализма «деполитизации»; во-вторых – рассмотрение «нейтрализации политического» как процесса, усиливающего «тотальную» тенденцию в войнах; в-третьих – политико-прогностическая составляющая шмиттовских геополитических воззрений, актуальная, в частности, и для России, окончательно закрепившей за собой право проводить внешнюю политику, полностью независимую от соответствующей линии претендующих на глобальный контроль евро-атлантических структур.

Думается, что главным «уроком» К. Шмитта для тех, кто действительно заинтересован в укреплении международных позиций нашей страны и стремится не допустить губельного для нее соединения внешней и гражданской войн, будет являться указание на важность отстаивания – в данном случае – прав Российской нации в сочетании с последовательной защитой «большого пространства» РФ, расширенного на всю «постсоветскую» территорию. Возможность осуществления Россией данной внешнеполитической линии сегодня более чем убедительно демонстрирует

«специальная военная операция», которая проводится РФ на территории бывшей Украинской ССР. Как видится, только полный успех российской СВО сможет принести мир на эти многострадальные земли, которые ни при каких обстоятельствах не должны быть отданы под контроль «коллективного Запада», стремящегося любой ценой сохранить здесь плацдарм, созданный им для прямого нападения на нашу страну. В противном случае, России, рано или поздно, придется перейти к тяжелейшей оборонительной войне уже на той территории, которая досталась ей по итогам развала СССР, что вряд сможет остановить «пан-интервенционизм» ведущих держав современной Западной цивилизации. Впрочем, указанный вариант развития событий маловероятен, поскольку российское руководство уже приняло все необходимые меры, как для развития, так и для последующего успешного завершения «спецоперации» на Украине, а также для недопущения превращения врагами нашего Отечества все более приближающегося к своему апогею противоборства между РФ и НАТО в новую гражданскую войну в России.

Список использованной литературы:

1. Шмитт К. Глоссарий. Книга 1 (28.08.1947) // Социологическое обозрение. Т. 9. № 1. 2010. С. 75–78.
2. Шмитт К. Глоссарий. Книга 1 (29.08.1947–01.09.1947) // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 137–140.
3. Шмитт К. Понятие политического (Текст 1932 г.) // Шмитт К. Понятие политического: Сборник [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/jqgtebU7vClHJ> (дата обращения: 20.01.2024).
4. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил; к понятию рейха в международном праве (Текст 1941 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/101/101_67.htm (дата обращения: 20.01.2024).
5. Шмитт К. Последняя глобальная линия (Текст 1943 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/poslednyaya-globalnaya-liniya> (дата обращения: 20.01.2024).
6. Шмитт К. Теория партизана: Промежуточное замечание по поводу понятия политического (Текст 1963 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/qCFJNs5JFjx7d> (дата обращения: 20.01.2024).
7. Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций (Текст 1929 г.) [Электронный ресурс] // Шмитт К. Понятие политического: Сборник. URL: <https://djvu.online/file/jqgtebU7vClHJ> (дата обращения: 20.01.2024).

БУГАЕВСКАЯ Н.В.

Калужский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Калуга, Российская Федерация АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ИДЕИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Идеи борьбы с коррупцией выдвигались многими учеными и философами с древних времен, в том числе их активно высказывали в своих работах К. Маркс и В.И. Ленин. Оба именитых автора являлись яркими противниками коррупционных проявлений и считали их проекцией капиталистических товарно-денежных отношений.

Один из известных тезисов, который часто приписывается К. Марксу, процитированный им в «Капитале» как высказывание Томаса Джозефа Даннинга, и с которым он был очевидно согласен, указывает на преступную сущность капитализма: «Обеспечьте капиталу десять процентов прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при двадцати процентах он становится оживленным, при пятидесяти процентах положительно готов сломать себе голову, при ста процентах он попирает все человеческие законы, при трехсот процентах – нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»[4, с. 237].

Тем самым К. Маркс утверждал, что сам капиталистический строй, склад отношений является причиной существования коррупции.

Коррупцию в сфере парламентаризма в Англии К. Маркс обличал в ряде своих статей, таких как «Избирательная коррупция», «Результаты выборов», «Выборы в Англии. – Тори и виги» и др. Так в опубликованной в 1852 г. работе «Избирательная коррупция» он анализирует принятый палатой общин закон против подкупов, запугивания и мошенничества при проведении выборов, указывая на то, что закон не являлся действенным, так как сопоставление содержания закона и притеснений, подкупа избирателей на практике ошеломляют своим несоответствием, так как коррупция имела массовый характер: «Способы запугивания и коррупции были обычные. Прежде всего – прямое давление со стороны правительства. Так, в Дерби у одного агента по выборам, пойманного с поличным при попытке прибегнуть к подкупу, было найдено письмо секретаря по военным делам майора Бересфорда, которым тот открывает ему кредит на избирательные расходы через торговую фирму. Газета «Poole Herald» публикует циркуляр адмиралтейства, подписанный главным начальником одной военно-морской базы и обращенной к офицерам запаса. В нем предписывается подавать голоса за правительственных кандидатов... Лендлорды угрожали согнать своих арендаторов с земли, если они не будут голосовать заодно с ними; управляющие имениями Дерби подавали в этом пример своим коллегам.

Лавочникам угрожали потерей клиентуры, рабочим – увольнением; широко применялось спаивание...» [5, с. 123].

Антидемократический характер английского парламентаризма и избирательной системы К. Маркс связывал с существовавшим тогда режимом буржуазно-аристократической олигархии, при котором большинство населения были лишены избирательных прав, а те граждане, которые их имели, подвержены давлению, подкупам и насильственным действиям.

В.И. Ленин также связывал коррупционные проявления с продажностью общественных отношений в разных сферах общественной жизни (в экономике, политике и др.) при капиталистическом строе: «Раз господствует товарное производство, буржуазия, власть денег – подкуп (прямой или через биржу) «осуществим» при любой форме правления, при любой демократии» [2, с. 310].

Способом противодействия коррупции в условиях капитализма и К. Марксу и В.И. Ленину видится отделение финансового капитала от государственной власти, чтобы товарно-денежные отношения не были связаны с центрами принятия государственных решений.

После революции 1917 г. в условиях строительства нового государства и государственного аппарата В.И. Ленин создавал, что с коррупцией следует бороться радикальными мерами. Несмотря на слом капиталистического строя, остались иные, по мнению В.И. Ленина, причины коррупции и в условиях строительства социализма, а именно «дурные инстинкты», людская слабость, невозможность преодолеть соблазн личной выгоды, спекуляции, взятки. Выход из этого виделся в усилении государственного контроля, создании системы учета и контроля за государственным распределением, сильной власти при возможности участия в управлении трудящихся.

Первые декреты советской власти были направлены на данные цели, связанные с укреплением нового строя, новой власти и борьбу с пережитками прошлого, к которым относилась и коррупция. В виду этого советское законодательство почти сразу после Октябрьской революции 1917 года было направлено на противодействие коррупционным преступлениям. Уже первые акты советской власти, правительства под руководством В.И. Ленина содержали нормы и положения, предусматривавшие жесткие меры пресечения противоправной деятельности лиц, выполнявших служебные обязанности.

Так, Декрет Совнаркома от 14 (27) ноября 1917 года «О рабочем контроле» устанавливал, что владельцы частных предприятий и представители рабочих и служащих, избранные для осуществления рабочего контроля, виновные в сокрытии материалов, продуктов, заказов и в неправильном ведении отчетов и тому подобных злоупотреблениях, подлежали уголовной ответственности [1, с. 93]. В данном документе была установлена ответственность за злоупотребление полномочиями лицами,

осуществлявшими рабочий контроль, то есть теми, кто должен был по сути вести антикоррупционную работу.

Признаки такого коррупционного преступления как злоупотребление властью в общей форме были закреплены в постановлении Кассационного отдела ВЦИК РСФСР от 6 октября 1918 года «О подсудности революционных трибуналов»: лица, совершавшие преступные деяния в момент исполнения своих служебных обязанностей, а также лица, совершавшие вообще какие-либо преступные деяния с использованием в каком-либо отношении своего положения на советской службе, подлежали уголовной ответственности. Соучастники, а именно все иные лица, участвовавшие в преступлении или входившие в сношения со служащими при совершении преступного деяния, несли аналогичную уголовную ответственность [6, с. 19-20].

При непосредственном участии В.И. Ленина 8 мая 1918 года был принят Декрет СНК «О взяточничестве». В нем устанавливалась уголовная ответственность за получение, дачу взятки, подстрекательство и даже за прикосновенность к взяточничеству. В условиях, когда прежнее уголовное законодательство было отменено, данный декрет являлся основанием уголовной ответственности за коррупцию. Объектом данных преступлений являлись общественные отношения в сфере государственной или общественной службы. Предмет взяточничества в декрете не был конкретизирован. Объективная сторона получения взятки представляла собой деяние, составляющее принятие взятки за выполнение действия, входящего в круг обязанностей субъекта, или за содействие в выполнении действия, составляющего обязанность должностного лица другого ведомства [7, ст. 467].

Именно в данном декрете впервые появилось в советском уголовном законодательстве понятие «должностное лицо». Под ним понимались лица, состоящие на государственной или общественной службе в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, к которым относились: «должностные лица Советского правительства, члены фабрично-заводских комитетов, домовых комитетов, правлений кооперативов и профессиональных союзов и т. п. учреждений и организаций, или служащие в таковых» [7, ст. 467]. Именно данное определение и было принято за основу при подготовке последующих уголовных кодексов. Субъективная сторона получения взятки определялась в виде прямого умысла.

Наказание за получение взятки, дачу взятки в декрете СНК «О взяточничестве» было определено в виде пяти лет лишения свободы с принудительными работами на тот же срок. Особенностью данного декрета являлось то, что он предусматривал аналогичные наказания не только за соучастие, но и за прикосновенность к взяточничеству. Проводя параллель с современным российским уголовным законодательством, следует отметить, что в настоящее время прикосновенность к преступлению (то есть недоносительство, попустительство) не рассматривается как основание

уголовной ответственности. Расширял декрет границы уголовной ответственности за коррупцию в форме взяточничества не только в этом случае, но и при неоконченном преступлении: в нем совершенно четко указывалось, что покушение на получение или дачу взятки подлежали такому же наказанию, как и оконченные преступления, доведенные до конца. Обстоятельствами, отягчающими наказание, по декрету являлись особые полномочия служащего, нарушение служащим своих обязанностей, а также вымогательство взятки. Также более строгому наказанию (наиболее строгим принудительны работам, конфискации) подвергалось лицо, виновное в даче или принятии взятки, принадлежащее к имущему классу и пользующееся взяткой для сохранения или приобретения привилегий, связанных с правом собственности.

Однако, как отмечал В.И. Ленин, только жесткими мерами, в том числе мерами уголовной ответственности, невозможно справиться с коррупцией. Они могут повлиять только на часть причин ее возникновения и помочь справиться с продажностью чиновников. Однако преодолеть ментальные причины коррупции можно только путем повышения общей культуры народных масс: «...у политически просвещенного народа взяток не будет» [3, с.172].

В заключение следует отметить, что не все инструменты, предложенные классиками марксизма, ленинизма используются в настоящее время для борьбы с коррупцией, но стоит согласиться с тем, что причины коррупции, выявленные в рамках определенного исторического периода, актуальны и в настоящие дни, а значит, их нейтрализация должна происходить в рамках намеченных ими путей, с учетом настоящих реалий. В качестве приемлемых мер: жесткий финансовый контроль, усиление вертикали власти, привлечение широких народных масс к антикоррупционному контролю, а также антикоррупционное просвещение.

Список использованной литературы:

1. Декреты Октябрьской революции. Т.1. М.: Парт. изд-во, 1933. 462 с.
2. Ленин В.И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 30. М.: Изд-во политической литературы, 1973. 590 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Изд-во политической литературы, 1973. 630 с.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. /Под ред. К. Каутского; пер. под ред. В. Базарова, И. Степанова. Харьков: Пролетарий, 1923. 610 с.
5. Маркс К. Избирательная коррупция / К.Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 30 т. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1954. 595 с.
6. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг. / Под ред. И.Т.Голикова. М., 1953. С.19-20.
7. Собрание узаконений РСФСР. 1918. №35. Ст. 467.

ГОРДИН А.А.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (ННГАСУ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР (КОНЕЦ 1920-1930-Х ГОДОВ)

В современной историографии истории СССР одной из дискуссионных проблем является вопрос осмысления исследователями советской социально-экономической политики периода конца 1920-х-1930-х годов. Эта политика определяется процессом сворачивания НЭПа, проведением форсированной индустриализации и коллективизации. Первые пятилетки стали одним из ключевых периодов советской истории, когда сформировалась плановая экономика, новые принципы и механизмы организации народного хозяйства, основные социально-экономические институты, а также ключевые черты советского образа жизни.

Поступательное движение вперед: советская историческая концептуалистика

В советской исторической науке была выработана единая концептуальная рамка стадийного развития советского общества. История рассматривалась как поступательное движение к социализму (коммунизму), восхождения общества «на все более высокие ступени «реального социализма», поступательного движения к некому предельному «идеальному состоянию» (по принципу «от-к») [10, С.6].

В советской историографии (до конца 1980-х годов), определявшейся подходами и оценками, заложенными в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938 г.), переход к политике индустриализации и коллективизации рассматривался в качестве закономерного этапа социалистического строительства, проходившего 1921-1941 гг.[5]

Исследователи выделяли два периода в процессе социалистического строительства 1921-1941 гг. Первый – период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.), позволивший преодолеть последствия гражданской войны – разруху и экономический кризис, и достичь довоенных показателей развития народного хозяйства (по отношению к 1913 г.). Второй – период социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции, а в целом – победы и упрочнения социализма (1926-1941 гг.). Обосновывалось, что в 1925-1926 гг. восстановительный период в основном закончился, и на XIV съезде ВКП(б) (декабрь 1925 г.) был взят курс на индустриализацию страны. [19, С.132-137; 6, С. 64-65, 130].

Исследователи подчеркивали, что сама жизнь, сложная международная обстановка поставили задачу проведения политики форсированной индустриализации и развертывания колхозно-совхозного строительства[14, С.121-125]. «Реальная действительность того времени потребовала

решительно пересмотреть ряд важнейших заданий и ускорить темпы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР», – писал историк В.С. Лельчук [14, С.123].

Все отклонения от генеральной линии партии трактовались советскими историками как борьба с троцкистско-зиновьевским антипартийным блоком и правыми оппортунистами (Н.И. Бухариным и его сторонниками), имевшим ложную, антисоциалистическую позицию [14, С.137; 6, С.130-131].

Работы советских исследователей основывались на принципе партийности науки. Их отличительной особенностью была идеологическая заданность, схематичность освещения, ограниченность тематики [18, С.15]. И «любые, даже слабые попытки отойти от догм, придать новый импульс исследованиям сопровождались погромами, организованными партийными органами и историками, бдительно следящими за отклонением от партийной линии» [18, С.15].

Результаты индустриализации и коллективизации СССР оценивались исследователями как исключительно успешные, позволившие выполнить важнейшие задачи, которые были поставлены руководством страны в конце 1920-х-начале 1930-х годов: догнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны, обеспечить быстрый рост индустрии и подъем сельского хозяйства, поднять культурный уровень трудящихся, устранить «противоположности между городом и деревней», обеспечить подъем благосостояния рабочих и крестьян, улучшение жилищного и коммунального хозяйства [4, С.128-129; 19, С.142-143].

Вместе с тем, как отмечал историк А.К. Соколов, «очень трудно говорить о достижениях той гигантской конструкции, которая была возведена советскими историками «героического рабочего класса». В основной своей части она имела лишь отдаленное отношение к тому, что на деле происходило в советском обществе» [18, С.15].

Что делать?: кризис советской исторической концептуалистики. Методологическая и архивная революции. Переоценка прошлого (конец 1980-1990-е годы)

В конце 1980 – начале 1990-х годов в отечественной исторической науке происходит пересмотр как методологических подходов и концепций, так и оценок советской истории. Наступивший методологический кризис, связанный с отказом от монополии формационного подхода, привел к активной разработке новых научных подходов и концепций, а чаще – к возрождению или вульгарному заимствованию западных социологических теорий [10, С.6]. При этом, как констатировал историк В.А. Козлов, «ни один из существующих в западной науке подходов так и не дает вполне удовлетворительных результатов» [10, С.6]. Историческая концептуалистика рубежа 1980-1990-х годов характеризовалась многообразием научных подходов и «алгоритмов» при изучении советского прошлого: доктринального («тоталитаристского»), «догоняющего развития» (индустриальной модернизации), «большой революции» и др. [10]

В 1990-е годы на смену диалектико-материалистическому подходу приходит цивилизационный подход, на котором, как писал историк А.Н. Сахаров, «зиждется сегодня вся история Человечества и который, естественно, должен быть положен в основу понимания и периодизации российской истории» [16, С.14]. В рамках цивилизационного подхода в отечественной исторической науке начал активно развиваться многофакторный подход в истории, раскрывающий исторический процесс через комплекс различных (долго- и кратковременных) факторов на «широкой цивилизационной основе» [16, С.28-31].

Такое методологическое многообразие отчасти привело к неокантианской трактовке исторического факта, в соответствии с которой «знания о прошлом превращаются во всецело субъективные конструкции» [9, С.129].

В годы перестройки (с 1987-1988 гг.) на волне пересмотра советской истории периода 1920-1950-х годов начала формироваться иная точка зрения на политику индустриализации и коллективизации. «Застрельщиками» этого процесса стали отечественные публицисты-обществоведы, а их рупором – периодическая печать [1]. Постепенно в этот процесс подключилась и корпорация историков.

В рамках начавшейся в конце 1980-х годов полемики историки приходили к новым выводам о характере политических изменений, произошедших в стране на рубеже 1920-1930-х годов. Ю.С. Борисов, А.П. Бутенко, М.Я. Гефтер считали, что переход к политике «большого скачка» привел к государственному перевороту и установлению личной власти И.В. Сталина. В.П. Данилов полагал, что смена НЭПа и переход к политике индустриализации и коллективизации привел к формированию бюрократической диктатуры. В.С. Лельчук отмечал, что «сталинская революция» привела к выхолащиванию социалистического содержания. По мнению историка В.В. Шелохаева, произошла деформация ленинской идеи социализма [4, С.119].

Ряд историков характеризовал социально-экономическую систему 1930-х годов как государственный социализм, отягощённый политикой репрессий [4, С.132].

На рубеже 1980-1990 гг. в научном сообществе формируется представление о сломе НЭПа «бюрократической номенклатурой», осуществлении в СССР «термидорианского переворота» и установлении сталинизма – антинародного режима [11, С.7]. В этой связи интересен факт формирования в историографии сталинизма концепции пассивного сопротивления населения власти, которое, по мнению ряда исследователей, носило массовый характер [7, С.391-392].

Еще одной важной тенденцией стала постановка в качестве научной проблемы вопросов о возможных альтернативных сценариях развития прошлого, о так называемой альтернативности истории советского общества периода «большого скачка» (рубежа 1920-х – начала 1930-х годов). Л.А.

Гордон, В.П. Данилов, Э.В. Клопов, В.С. Лельчук считали, что в конце 1920-х годов существовало несколько путей развития страны. Г.А. Бордюгов, М.М. Горинов, В.А. Козлов, Е.Г. Плимак, Н.С. Симонов отрицали этот факт и полагали, что развитие страны приобрело необратимый характер. По мнению Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова, поворотным пунктом стал 1925 год [4, С.118-119].

В исследованиях конца 1980-1990-х годов стала проводиться мысль о «бухаринской альтернативе» сталинскому курсу. В популяризации этого концепта большую роль играли взгляды западных специалистов. Сущность «бухаринской альтернативы» определялась историками следующим образом: необходимость сохранения НЭПа, крестьянская кооперация как реальный механизм преодоления стагнации сельского хозяйства и «мягкий путь» развития экономики страны, проведения индустриализации без жертв и репрессий, отсутствие реальной угрозы войны для СССР [11, С.6-7]. Одним из сторонников «бухаринской альтернативы» был известный историк-крестьяновед В.П. Данилов.

Важную роль в продвижении «бухаринской альтернативы» занимали работы исследователя С. Козна[12], который характеризовал Н.И. Бухарина как одного из советских отцов-основателей, ведущего и наиболее дальновидного из большевистских оппонентов сталинской драконовской политики [20, С.21].

В перестроечное время претерпели изменения оценки результатов социально-экономического развития страны в 1930-х годы. Исследователями признавалось, что стадильное отставание СССР от передовых западных стран было преодолено, в стране были созданы новые отрасли народного хозяйства. Национальный доход вырос более чем в 5 раз, валовая продукция в промышленности – в 6,5 раз. К 1937 году завершилась коллективизация сельского хозяйства. В аграрном секторе страны появилось сотни тысяч тракторов и комбайнов. Вместе с тем, появилось новые тенденции в историографии. В.С. Измозик и Б.С. Фролов отмечали, что, по сути, индустриализация обернулась развитием лишь тяжелой промышленности. СССР оставалась аграрно-индустриальной страной. План роста легкой промышленности систематически не выполнялся. Механизация носила частичный характер. Валовая продукция сельского хозяйства в 1936-1940 годах оставалась в основном на уровне 1924-1928 гг. Вырос управленческий аппарат в экономике. Интересы конкретной личности были подчинены задачам наращивания мощи государства. Новый курс проводился в сжатые сроки с использованием грубых, беспощадных методов. Историками ставился вопрос о страданиях многих миллионов людей [4, С.129, 132].

В 1990-е годы происходит смещение акцентов в оценках исследователями развития советской экономики. Подчеркивались ее негативные черты: низкая эффективность, затратность, экстенсивный и директивный характер[3, С.6].

«Масла в огонь дискуссии о советском прошлом и эффективности социалистического производства подливают выводы западных экономистов, которые после распада СССР и открытия архивов получили доступ к ранее закрытым материалам», – подчеркивали исследователи С.В. Журавлев и М.Ю. Мухин [3, С.6].

Широкую известность исторической науке получило исследование американских экономистов Г.Хантера и Я. Шимера (1992 г.), которые на основе математического моделирования создали картину развития СССР без коллективизации. Полученные выводы сводились к следующему. Без коллективизации эффективность советского сельского хозяйства была бы выше. Коллективизация привела к голоду 1932-1933 годов и к гибели 5-6 млн. человек [7, С.14]. Контрафактивное исследование американских экономистов стало одной из основ критики «сталинской революции сверху» как в западной, так и в российской историографии. Американский экономист П.Р. Грегори отмечал: «Коллективизация нанесла смертельный удар по советскому сельскому хозяйству, которое оставалось больным и ослабленным вплоть до распада Советского Союза» [7, С.14]

Апологетом концепции «альтернативной истории» применительно к советскому прошлому был английский социолог Т. Шанин. Он писал: «Если бы советская экономика развивалась в 30-е годы так, как предлагали лучшие аналитики и плановики, страна пришла бы к 1940 году с несколько меньшим количеством фабрик, но они были бы гораздо более эффективными и с более высоким, чем достигнутый, уровнем производства. Сельское хозяйство к 1940 г. было бы продуктивнее не менее чем на треть, лучшие командиры остались бы живы, партийные кадры сохранились бы в целости, около 5 млн человек могли бы пополнить ряды армии. Не следует ли признать, что это был бы лучший путь индустриализации (...гитлеровские армии были бы остановлены не на окраинах Москвы, но у Смоленска» [11, С.7]. По существу, Т. Шанин поставил вопрос о полной переоценке советского прошлого конца 1920-х – 1930-х годов на основе модели «альтернативности истории».

Такой подход к историческому факту не бесспорен. С позиции методологии познания истории альтернативность должна выступать как реальная потенция любой исторической ситуации (исторического факта). Альтернативность должна иметь объективную основу. Историк И.Д. Ковальченко писал, что альтернатива как реальность – это действительность. Антитеза существующей реальности внеисторична, так как опирается на формальные возможности, часто декларируемые альтернативы, которые, в основном нарушают ход развития. Альтернативный характер не должен нарушать закономерности этого развития с учетом ведущей роли субъективного фактора, так как его действие ограничено объективными условиями [8, С.837-838].

Но главным фактором развития исторической науки в 1990-е годы стала архивная революция. Историк А.А. Кулаков отмечает, что «важнейшей

предпосылкой развития историографии советской истории стала «архивная революция» 90-х годов. Открытие архивов, рассекречивание хранящихся в них документов, передача в 1992-1993 годах в государственные архивы 74 миллионов дел архивов КПСС, 400 тысяч дел советских министерств и ведомств не только создали новую источниковую базу для изучения истории XX века, но и коренным образом повлияли на многие методологические, источниковедческие, концептуальные представления историков о проблемах новейшей истории»[13, С.70].

Ренессанс: исторический факт – объективная реальность (начало XXI века)

После периода «бурь и потрясений» конца 1980-1990-х годов в области исторической методологии и резких переоценок советского исторического прошлого началось время всестороннего и планомерного изучения советской действительности.

При этом тенденции, заложенные в 1990-е годы, сохранились в оценках ряда исследователей.

В Москве с 05 по 07 декабря 2008 г. состоялась первая международная научная конференция «История сталинизма: итоги и проблемы изучения». Ее материалы были опубликованы в серии «Истории сталинизма». В докладах ведущих специалистов по истории сталинского периода из России, европейских стран, США, Канады и Японии были «рассмотрены вопросы научного осмысления проблем сталинизма и взаимодействия научной историографии и массового исторического сознания в современной России» [7, С.5].

В статье американского экономиста П.Р. Грегори «Нужен ли был Сталин?», отсылающей к работе советолога Алека Ноува с одноимённым названием (1964 г.), делался акцент на то, что современное российское общество «так и не вынесло Сталину приговор». Автор приводит аргументы преступлений сталинского режима: с 1928 по 1953 г (по данным МВД) более 750 тыс. чел. были уничтожены, а 2,5 млн. находились в заключении; в 1930-1932 гг. более 2,5 млн. крестьян и членов их семей отправились на спецпоселения; к 1953 г. 20% взрослого населения побывало в заключении и др. [7, С.10](с.10). В работе американского экономиста есть «традиционный» отсыл к исследованию Г.Хантера и Я. Шимера. П.Р. Грегори поднимал вопрос о «бухаринской альтернативе», сложности проведения коллективизации и индустриализации и цене результатов политики «большого скачка». Успехи индустриализации, как считает П.Р. Грегори, были относительны. «Другие страны добивались подобного успеха в периоды наибольшего благоприятствования, не прибегая к таким радикальным мерам» [7, С.15].

Вместе с тем, в исследованиях отечественных историков стали преобладать взвешенные оценки и объективное познание исторического факта. Рассмотрим этот вопрос на примере анализа отечественными исследователями «бухаринской альтернативы».

В работе С.А. Есикова подробно анализируется концепция Н.И. Бухарина, его отношение к кооперации и НЭПу как возможным вариантам построения социализма. Опираясь на мнение отечественного исследователя В.П. Данилова и американского историка С. Коэна, автор подчеркивает противоречивость, непоследовательность и излишнюю теоретизированность взглядов Н.И. Бухарина по вопросу развития аграрного сектора [7, С.477 - 478]. Важным при изучении «бухаринской альтернативы» представляется ряд заключений и выводов С.А. Есикова. Во-первых, «к концу 1920-х годов сельское хозяйство страны находилось на грани кризиса» [7, С.475]. Как отмечает автор, «рост личного потребления сопровождался понижением интенсивности производства и его товарности, уровень которой упал вдвое, резким сокращением товарного хлеба (с 213,3 до 103,3 ц). В 1920-е годы усилились процессы архаизации и натурализации крестьянских хозяйств. В 1925-1929 гг. в среднем в год собирали по 4319,8 млн пудов, в то время как в 1909-1913 гг. – по 4737,8 млн, а повышенный прирост привёл к сокращению зерновых на душу населения по сравнению с довоенным периодом» [7, С.475]. С.А. Есиков подчеркивает, что изменения в аграрном секторе были неизбежны, «вопрос стоял лишь о форме» [7, С.475]. Советское правительство выбрало путь колхозного строительства. Темпы коллективизации пришлось ускорить из-за опасности внешней угрозы [7, С.475]. С.А. Есиков не согласен с утверждением Данилова о том, что процесс кооперирования крестьянских хозяйств с позиции Бухарина вобрал в себя положения «кооперативной коллективизации», разработанной А.В. Чаяновым. С.А. Есиков отмечает, что «бухаринская альтернатива» не имела шансов на успех как из-за серьезных изъянов в самих построениях, так из-за сложившейся обстановки в стране и партии. Утверждения о высоких возможностях кооперации безосновательны, она была неспособна к выполнению преобразующих функций [7, С.478-479].

Историк В.В. Кондрашин в работе, посвященной голоду в СССР в 1932-1933 гг., также отмечает, что основным содержанием сталинской аграрной политики стало насильственное насаждение в зерновых районах СССР колхозов и совхозов при одновременной ликвидации мелкого крестьянского производства как неэффективного и низкотоварного, не способного удовлетворить потребности индустриализации и урбанизации. Эта политика была направлена на резкое повышение товарности сельскохозяйственного производства за счет изменения ее организационных форм. Автор пишет, что у сталинского руководства имелись для этого объективные причины: стагнация сельского хозяйства и продовольственный кризис в конце 1920-х годов. Выходом из кризиса стал курс на сплошную коллективизацию 1930 г. [7, С.482-483].

Подробный анализ влияния коллективизации на развитие России XX века дана в работе В.В. Кондрашина, опубликованной в журнале «Российская история». По его мнению, колхозный строй решил важные задачи. Колхозный строй доказал свою эффективность в годы Великой

Отечественной войны. Коллективизация явилась важным фактором индустриальной модернизации страны[11].

Пересмотр оценок 1990-х годов произошел в исторических работах, посвященных индустриализации. Историки стали активно изучать повседневную жизнь советских рабочих, их настроения, взаимодействие с властными институтами, трудовую этику, мотивацию труда на советских предприятиях[2;3;15;], на микроуровне – материалах конкретных предприятий – освещаются ранее закрытые стороны рабочей истории[2]. Все чаще в качестве объекта исследования выступают отдельные предприятия и трудовые коллективы. С одной стороны, стало ясно, что именно эти «локальные объекты» оказались наименее изученными, а с другой – на микро-историческом срезе более рельефно проступают те процессы, которые происходили в масштабах всей страны.

Историки С.В. Журавлев и М.Ю. Мухин отмечают, что построенные на основе современных методик статические временные ряды за 1928-1987 гг. показали стабильную динамику производительности труда и значительный рост благосостояния советских граждан[3, С.7]. «В целом вплоть до 1970-х гг. СССР развивался даже более динамично, чем Запад, и благодаря этому догонял по основным макроэкономическим показателям развитые экономические страны»[3, С.7].

В заключении необходимо отметить, что период конца 1920-х -1930-х годов остается одним из наиболее острых с позиции преломления мнений и оценок исследователей Советского Союза. В историографии проблемы социально-экономического развития страны в годы первых пятилеток четко выделяется три периода: советский, конца 1980-1990-х годов и современный. Полагаем, что изучение истории советского прошлого должно строиться на широкой основе источников базы и научного понимания исторического факта.

Список использованной литературы:

1. Гордина, Е.Д. Проблемы отечественной истории на страницах массового журнала «Огонек» 1987-1991 гг. (Тематический анализ)/ Е.Д. Гордина. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.09.09 – Нижний Новгород, 2004.- 228с
2. Журавлев, С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы Московского электрозавода в советском обществе 1920–1930-х годов / С.В. Журавлев – М.:РОССПЭН, 2000. - 352 с.
3. Журавлев, С.В., Мухин, М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928 – 1938 гг / С.В. Журавлев, М.Ю. Мухин – М.:РОССПЭН, 2004. - 240 с.
4. Измозик, В.С., Фролов, Б.В. Противоречивость социально-экономического развития советского общества в 20-30-е годы/ В.С. Измозик, Б.В. Фролов // Вопросы истории КПСС. – 1991. – №5. – С.118-132.

5. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс./ Под ред. комиссии ЦК ВКП(б) – М.: ОГИЗ, 1945 – 351с.
6. История советского рабочего класса. Т.2. Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921-1937 гг. Т.2. / [С. В. Кульчицкий и др.]; редкол.: Л. С. Рогачевская, А. М. Сиволобов (отв. редакторы) и др. - М.: Наука, 1984. – 511с.
7. История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва. 5-7 декабря 2008 г. – М.:РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011 – 790 с .
8. Историки России. Биографии / Редкол: А.А. Чернобаев. д.и.н.(отв. ред.) и др. – М.: РОССПЭН, 2001 – 911 с.
9. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования/ И.Д. Ковальченко – М.: Наука, 1987 – 440 с.
10. Козлов, В. А. «Кризис жанра» или канун металогической революции?/ В.А. Козлов // Вопросы истории КПСС. – 1991. – №9. – С. 4 -15.
11. Кондрашин, В.В. Влияние коллективизации на судьбы России в XX веке/ В.В. Кондрашин // Российская история. – 2018. – №4. – С.3-13.
12. Коэн, С. Бухарин: политическая биография, 1888-1938/ С. Коэн – М.: Прогресс, Минск: Белорусь, 1989 – 570 с.
13. Кулаков, А.А. Век XX: Общество и региональная власть. Проблемы историографии: монография / А.А. Кулаков – Н.Новгород: ННГАСУ, 2009. – 327с.
14. Лельчук, В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии/ В.С. Лельчук – Москва: Наука, 1975 – 312 с.
15. Маркевич, А.М., Соколов, А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883-2001 гг./ А.М. Маркевич, А.К. Соколов – Москва : РОССПЭН, 2005 – 367с.
16. Сахаров, А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация /А.Н. Сахаров – М.: ИРИ РАН, 2004 – 956с.
17. Соколов, А.К., Тяжельникова, В.С. Отношение к труду: Факторы изменения и консервации трудовой этики рабочих в советский период / А.К. Соколов, В.С. Тяжельникова // Социальная история. Ежегодник. 2001 – 2002. М., 2004 – 622с.
18. Соколов, А.К. Драма советского рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России./ А.К. Соколов //Социальная история. Ежегодник 2004. – М., 2005.- 459 с.
19. СССР. Энциклопедический [справочник/ Гл. ред. А.М. Прохоров – М.: Сов. Энциклопедия, 1982 – 607 с.
20. Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Коэна.Под ред. Г. Бордюгова – М.: АИРО-XXI; изд-во РГТЭУ, 2008 –1020с.

ГРЕБЕНЮК А.В.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (ННГАСУ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ФИЛЬМ «МАТРИЦА» КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

«Матрица» – фильм, говоря о котором, зрители не могут не выйти на обсуждения философских вопросов. При этом не важно какое у зрителей образование – среднее или высшее специальное, есть у них знания в области философии или нет – настолько очевиден философский подтекст сюжета. Эта черта особенно присуща первому фильму из сета, созданного братьями Вачовски, и вышедшему в далеком 1999 г. Пожалуй, действительно, это самый удачный из четырех фильмов о «Матрице», поставленных этими режиссёрами. На «Кинопоиске» – в крупнейшем сервисе о кино в российском сегменте Интернета – рецензии зрителей на этот фильм появляются до сих пор. Оценки эти полярные. Чаще всего «Матрица» характеризуется как «прорывной фильм», «философский боевик», несущий «глубокий философский смысл (или даже смыслы)». Помимо «революционной» графики, *slow motion*, постановки боев, аудиоэффектов и т.д., зрители обнаруживают отсылки к философским проблемам. Идеи в качестве «основных» выделяются разные. Это и тема киберпанка (виртуальная реальность, восстание машин), «цифровой тоталитаризм», дегуманизация общества, проблема выбора жизненного пути, которую решает главный персонаж фильма, тема бунта против повседневности. В рецензиях отражаются ассоциации и аналогии с другими произведениями и фильмами – «Алиса в стране чудес», «Шоу Трумэна» и т.д. Отзывы чаще всего положительные. Содержат оценки, типа: «фильм, изменивший кинематограф», «главный фильм поколения», «философский сценарий с интересной концепцией и обилием культурных отсылок...», «философская антиутопия», фильм «оригинальностью сюжета» [1,3]. Хотя, есть и отрицательные отзывы: «о тривиальности» сюжета фильма «с точки зрения художественной реализации гипотезы симуляции», об отсутствии «глубинного смысла» и т.д.

Вопрос об оригинальности сюжета напрямую связан с актуальностью философских оснований фильма, поскольку именно в сюжете зрители видели отражение глубокой, или не очень, философской проблематики.

В любом случае, сюжет построен таким образом, что позволяет достраивать собственные смыслы в повествование, порождает ассоциации с определенными идеями тех или иных философских концепций, т.е. реализует посылы постконструктивистского и постмодернистского нарратива, что уже обнаруживает философскую природу фильма. Следуя этому вектору и опираясь на оценки фильма, претендующие на философский анализ сюжета, в данной работе я лишь хотел упорядочить собственный ассоциативный ряд, возникший под влиянием просмотра, в свое время, данной картины.

Множественность смыслов обнаруживает в ткани сюжета блогер Андрей Лисяный, поместивший заметку о фильме под названием «Все дороги ведут в Матрицу» в электронном журнале «Научпоп». Он выделяет пять философских проблем [4].

Во-первых, в заметке вскользь упомянута субстанциональная природа «Матрицы» как «массива данных», на основе которых выстраивается «атрибутивный» мир героев фильма.

Во-вторых, автор трактует «Матрицу» как «мир» после «техногенной сингулярности», как описание наступления ее «частного случая», как «конца эры человечества».

В-третьих, автор обнаруживает в сюжете раскрытие темы «симулякров». Правда, его трактовка этой темы несколько отличается от представлений ее «родоначальника» – Жана Бодрийера, который в интервью 2003 г. о фильме предостерегал от смешения понятий «симуляция» и «иллюзия» [2]. Автор заметки их не различает, говоря об иллюзорности бытия, коллективной иллюзии или сне (прямая отсылка к этому есть в фильме – люди спят в «капсулах» и в тоже время «живут» в виртуальном аналоге жизни конца XX века).

В-четвертых, в сюжете представлена проблема свободы выбора и ответственности за свою жизнь, ее качество. Причем блогер обращает внимание на сложности такого выбора: жить в жесткой реальности или в комфорте симулякра, когда жизнь в симуляции интереснее, ярче и качественнее.

В-пятых, и это, на мой взгляд, основной смысловой аспект сюжета, проблема разницы между нашим восприятием и настоящим содержанием реальности (эта тема реализуется в послы фильма: «мир не такой, каким кажется»).

Андрей Лисяный, не останавливается на перечислении этих тем. А ищет аналогии и их истоки в философских учениях, начиная с древности, справедливо замечая, что проблема «иллюзорности восприятия», построенного на данных органов чувств «стара как мир», упоминая при этом традиции восточной философии, античный пирронизм и т.д.

Противостояние «Матрицы» как «мира грез» и жесткой реальности, в которой правит машинный интеллект, автор упомянутой статьи связывает со сферой вопросов познания. Увидев в сюжете фильма обращение к теме ограниченных познавательных возможностей человека пределами собственного «природного» восприятия, вспоминает декартовское: «Мыслю, следовательно, существую». В итоге «Матрица» определяется как «ода солипсизму».

Данный вывод некоторыми рецензентами фильма оценивается как спорный. Поскольку сюжет фильма признает наличие объективной реальности, отличной от реальности индивидуального человеческого сознания.

Проблему истинности наших знаний считает центральной философской темой фильма профессор философии Университета Майами Марк Роулендс. В своей книге «Философ на краю Вселенной. НФ–философия, или Голливуд идет на помощь: философские проблемы в научно–фантастических фильмах» он определяет фильм как «мощное подкрепление теории» [5], разработанной Декартом и новыми пирронистами 17 в. Истоки представлений о возможности, вероятности существования «иллюзорного» мира «Матрицы» Роулендс возводит к гносеологическим представлениям Декарта. Кальдероново «жизнь есть сон» получает в фильме новую актуальность, выходя на вопрос о смысле жизни: являемся ли мы тем, кем себя видим?

В рассуждениях о философских основаниях фильма обращают внимание на слова одного из главных героев о «Матрице» как о «диктате». «Матрица» – по сути – «диктат разума». Освобождение от этого диктата, постулируемое сюжетом фильма, звучит очень постмодернистски.

Но избавление от диктата «Матрицы» как «разумной действительности» означает и выход за пределы познавательных возможностей человеческого разума, приобретение тем, кто это может сделать, «божественных» функций Творца, способности «изменять воспринимаемую реальность», что, собственно, и демонстрирует главный герой фильма.

Такой ход сюжета очень созвучен с концепцией Джорджа Беркли. Эта взаимосвязь была обнаружена практически сразу: на нее указывают рецензии зрителей, заметки блогеров, лекции университетских преподавателей [6].

Выход на теософский характер сюжета «Матрицы» не может не напомнить об основном постулате Дж. Беркли: «существовать – значит быть воспринимаемым». И в концепции Беркли, и в фильме источник восприятия носит внешний характер: в фильме эту роль играет суперкомпьютер, у Беркли задачу «транслятора» коллективных и индивидуальных восприятий и ощущений выполняет Божественный Разум. И в том и в другом случае источник восприятия окружающего мира, по сути, трансцендентален по отношению к «ментальной действительности». Разница лишь в том, что у Беркли никакой другой реальности, кроме «транслируемой» Богом, не существует, поэтому она не может считаться симуляцией.

С моей точки зрения, как зрителя «Матрицы», можно сказать, что Дж. Беркли оказался чрезвычайно «прозорлив», а его концепция и сценарий фильма обнаруживают «связь времен», параллели между которыми очевидны: с одной стороны, в период Нового времени – механизация и онтологизация интеллектуальных процессов, формирование формульного, знакового алгебраического языка, способного кодировать физические отношения и создавать абстрактные объекты, рационализация действительности и абсолютизация разума как субстанциональной характеристики бытия; с другой – появление языков программирования и цифровых двойников реальных объектов в современное время. Иначе говоря,

сюжетная идея фильма оказалась основана на одной из известных концепций философии в ее классическом понимании, при этом данной концепции было придано современное и даже постсовременное звучание.

Список использованной литературы:

1. Золотов Е. Машины уже решают за нас. ИИ «улучшает» историю. – Режим доступа: <https://www.computerra.ru/181745/ai/>
2. Интервью Ж. Бодрийяра журналу «Le Nouvel Observateur», 19 июня 2003 г. – Режим доступа: <https://postmodernism.livejournal.com/2108792.html>
3. Кинопоиск (интернет-сервис). – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/301/reviews/>
4. Лисяный А. Все дороги ведут в Матрицу – Режим доступа: <https://dtf.ru/science/977936-vse-dorogi-vedut-v-matricu-pyat-filosofskih-problem-trilogii-vachovski>
5. Роулэндс Марк. Философ на краю Вселенной. НФ-философия, или Голливуд идет на помощь: философские проблемы в научно-фантастических фильмах. – Режим доступа: https://royallib.com/read/roulends_mark/filosof_na_krayu_vselennoy_nffilosofiy_a_ili_gollivud_idet_na_pomoshch_filosofskie_problemi_v_nauchnofantasticheskikh_filmah.html#0
6. George Berkeley and the Matrix. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=S9i-KFw1lEA>

ДУПЛИНСКАЯ Ю.М.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского г. Саратов, Российская федерация

К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ ГНОСЕОЛОГИИ В XX-XXI вв.: ОТ ГНОСЕОЛОГИИ К ОНТОЛОГИЧЕСКИМ АРХЕТИПАМ

Знаменитые слова Ф. Ницше «Бог мертв», в которых М. Хайдеггер усматривал исток европейского нигилизма, имели продолжение. В европейской философии за утверждением о смерти Бога последовал длинный «некролог», в котором констатировались: смерть автора, смерть субъекта, конец истории и, наконец, смерть самой философии. Не избежала этой участи и гносеология. В философии постмодерна провозглашается тезис о *кончине эпистемологии*. Это утверждение было наиболее отчетливо артикулировано в известном сочинении Р.Рорти «Философия и зеркало природы».

Аргументация «кончины эпистемологии» не лишена резона. Как замечает Р.Рорти, эпистемология основана на весьма сильной презумпции, что для субъекта возможен *непосредственный привилегированный доступ* к своим собственным ментальным состояниям [1, с.50]. Истоки презумпции «непосредственного доступа» восходят к философии Р.Декарта, который попытался обрести точку опоры для познания в непосредственной

самоочевидности «Я», - мыслящего субъекта. Из чего гносеология, как в свое время классическая физика, делала вывод о возможности занимать некую привилегированную «точку видимости» для наблюдения и оценки остального массива накопленных знаний.

Впрочем, эра торжества гносеологии начинается не с Декарта, а с кантианского переворота в философии. Этот рубеж по праву расценивается как поворотная точка в развитии человеческой мысли, сравнимая с переворотом Коперника. Усилиями критической философии Канта было выявлено, что концептуальная сетка категорий, при помощи которой мы пытаемся схватить реальность (сущность - явление, необходимость - случайность, причина - следствие, единое - многое и т.д.), а также пространство и время, - это не свойства «самой в себе» реальности, а лишь *трансцендентальные формы - условия нашего познания*. Различие между первым и вторым можно, с долей упрощения, пояснить, как различие между тем, *что* мы видим (в первом случае) и тем, *сквозь что* мы смотрим (во втором случае). С этих позиций естественнонаучную версию реальности следует расценивать как некритический взгляд на онтологию, в котором структуры познающего субъекта наивным образом приписываются «самой» реальности; то, *что мы видим*, смешивается с тем, *сквозь что мы смотрим*. В русле этой метафоры можно модифицировать и классическую аллегорию пещеры Платона. Если Платон сравнивал aberrации нашего познания с взглядом узников пещеры, видящих лишь тени предметов, то в русле кантианства наивный взгляд на реальность следует уподобить, скорее, взгляду узника тюрьмы. Этот узник может наблюдать мир только сквозь зарешеченное окошко и проецирует решетку на реальность, как таковую. Позже этот метафорический ряд находит продолжение в знаменитом рассуждении Л.Витгенштейна. Как остроумно замечает Л.Витгенштейн мы наблюдаем реальность через своего рода «очки». Это - «концептуальные очки», которые, как и окуляры обычных очков, время от времени могут зарастать пылью. И тогда пятна на стеклах очков, сквозь которые мы смотрим на мир, накладываются на то, что мы видим. Иными словами, концептуальную сеть, сквозь которую мы видим предмет исследования, мы имеем обыкновение принимать за свойство самого предмета. Или, опять же, смешиваем то, *что* мы видим, с тем, *сквозь что* мы смотрим. Задачу философии науки Витгенштейн сравнивал с необходимостью протирать запылившиеся «линзы» концептуальных «очков», чтобы не путать правила языковых игр, сквозь которые нам дана реальность, со свойствами самой реальности.

Итак, усилиями критической философии И. Канта был преодолен *наивный взгляд* на онтологию. Но при этом нельзя не заметить «небольшую» непоследовательность кантианства. Критическая рефлексия «*внешнего взора*» в кантианской философии отнюдь не сопровождалась аналогичной процедурой критики и очищения «*внутреннего взора*», производящего самонаблюдение за реалиями самого сознания. А ведь второе, казалось бы, должно было стать логическим продолжением первого. Логично предположить, что не только

внешний, но и наш внутренний взор также «зашорен» и подвержен неизбежным абберациям; что данности собственного сознания в актах самонаблюдения мы тоже воспринимаем сквозь некую «решетку». (К примеру, Л. Витгенштейн впоследствии аргументировал, что презумпция *непосредственного доступа* к собственным переживаниям иллюзорна даже тогда, когда мы констатируем ощущение боли; данность боли, как и все прочее, появляется только в преломлении сквозь сетку языковой игры). Таким образом, кантианская философия проявляет непоследовательность, оставляя неизменной ту *наивную позицию непосредственного доступа* сознания к своему собственному содержанию, которая, как уже было сказано, идет от Декарта. А на этой наивной позиции, повторяем, и держалась классическая гносеология.

Интересно, что последующая критика наивной веры в непосредственную открытость сознания своему собственному внутреннему взору, опять же, сравнивается с коперниканской революцией в философии. Очередной «коперниканский переворот» совершается теперь уже в рамках психоанализа. З. Фрейд ставит в один ряд три великие революции, одна за другой производившие деконструкцию человеческого нарциссизма. Первая из них – революция Коперника: Земля не является центром мироздания. Вторая – революция Дарвина: человек не является венцом творения. И, наконец, третья революция в этом ряду – это революция психоанализа: Я не является хозяином в доме психики. Заметим, что суть революции, совершенной основоположником психоанализа, заключается отнюдь не в пансексуализме, который снискал этому учению полускандалную славу. Наиболее глубоким и подлинно революционным аспектом учения З.Фрейда была именно критика возможности непосредственного доступа сознания к своему собственному внутреннему содержанию. А ведь на допущении такой возможности как раз и базировалась традиционная гносеология. Все «ясное и отчетливое», что мы можем усматривать в прямых актах самонаблюдения, – это, с точки зрения психоанализа, как правило, лишь искусно выстраиваемая *ложь* о самом себе. Все это – «вторичная обработка» сознания механизмами «цензуры», встроенной в нашу психику. Подлинное же содержание психики может быть дано самонаблюдению только *косвенно*: в сбоях и отклонениях, ошибках, оговорках и опечатках, деривациях и девиациях словоупотребления.

Так психоанализ произвел грандиозную «переоценку ценностей». То, что всегда казалось в высшей степени серьезным: последовательное, строгое и ясное концептуальное мышление (все это можно отнести к стратегиям «прямого» применения гносеологического инструментария), – с точки зрения психоанализа, предназначено для умелого сокрытия и маскировки истинного положения дел. А чтобы проникнуть вглубь, напротив, необходимо обратиться к тому, что ранее серьезным не считалось. Это – разного рода сбои, оговорки, «сгущения и смещения» речи; омонимы, метафоры и метонимии. В данном аспекте теория и практика психоанализа по праву могут считаться предтечей такого ведущего направления современной философии, как *герменевтика*. Классическую установку на прямое усмотрение, *прямое* прочтение и прямое

схватывание смысла герменевтика заменяет практиками *косвенного* толкования. Сквозь иллюзорную ясность того, о чем говорится напрямую, герменевтика пытается проникнуть в более глубокие пласты смысла, о которых можно сказать только *намеком* и *проговориться* невольно. «Намек – основная черта слова» [2, с. 285]. Как и в практике психоанализа, это связано с техниками косвенной работы с языковыми формами, с привлечением не только всех коннотативных значений слова, но и всех его возможных дериваций (ответвлений) и девиаций (отклонений).

Это очень важно в контексте рассматриваемой темы. Ибо в *философии XX века герменевтика вытесняет классическую гносеологию*. «Косвенные стратегии» герменевтического толкования приходят на смену гносеологической установке на «прямое усмотрение» данностей сознания в познающем субъекте.

Теперь пришло время пояснить причину такой переориентации. Для этого нужно обрисовать весьма нетривиальную проблему, которая неизбежно возникает при любой попытке занять критическую позицию по отношению к данности собственного сознания в актах самонаблюдения. Попытка критического анализа условий возможности познания неизбежно подводит нас к вопросу о некоей *привилегированной «точки видимости»*, с которой возможно было бы осуществлять, – на этот раз уже не познание внешнего мира, но *познание самого познания*. В классической гносеологии эта «точка видимости» совпадала с самим трансцендентальным субъектом, который полагался прозрачным для своего собственного внутреннего взгляда и способным напрямую наблюдать за своими структурами познания. Развенчание презумпции прозрачности субъекта для себя самого приводит к тому, что «точка видимости» начинает непрерывно смещаться каждый раз к более высокому уровню, с которого субъект мог бы осуществлять «познание познания», затем «познание познания познания» и т.д.

На первый взгляд, наиболее естественным здесь был бы простой ход мысли. Анализ когнитивных возможностей субъекта теперь может основываться на современных продвинутых концепциях естествознания, связанных с исследованиями работы мозга, перцептивного аппарата, нейронауки и т.д. Естественнаучные дисциплины, изучающие нейрофизиологические механизмы познавательного процесса, казалось, могли бы выстроить онтологический фундамент для гносеологии. Такой ход мысли делается в рамках *когнитивной науки*, которая сегодня приходит на смену классической гносеологии. Когнитивная наука – это междисциплинарное направление, в котором философское исследование познания смыкается с психологией, нейрофизиологией, нейролингвистикой, исследованиями искусственного интеллекта и т.д.

Но если мы будем последовательно мыслить в русле кантианской традиции, здесь нужно указать на следующий парадокс. Получается, что гносеолог уже выступает не в качестве критика научной мысли, как то было после совершенного Кантом «коперниканского переворота», а наоборот, теперь гносеология пытается найти себе точку опоры в *естественной установке*

позитивно-научного мышления. Именно такая установка мышления была подвергнута критическому анализу сначала И.Кантом, а впоследствии, в рамках феноменологического направления, Э.Гуссерлем (которым и было введено в философский лексикон понятие *естественной установки сознания*, в противопоставлении *феноменологической установке*). Здесь необходимо уяснить принципиально важный момент. Философская позиция отличается от междисциплинарной не просто более широким охватом темы, но особой *направленностью умственного взора*. Или, - если можно так выразиться, - здесь *мысль имеет другой вектор*. Исследование познания в рамках философии всегда, так или иначе, было связано с «перефокусировкой взора» и «поворотом ума». Это - «эпистрофе» («поворот ума») в античности. Это - «трансцендентальный поворот» в философии Канта. Это - поворот от «естественной» к «феноменологической установке» сознания у Э.Гуссерля. Поэтому нужно подчеркнуть, что «коперниканский переворот», совершенный И.Кантом был именно *поворотом*, а не просто углублением или расширением философского знания.

Направленный вовне вектор «естественной установки» позитивно-научного мышления остается неизменным даже там, где естествознание делает предметом своего исследования когнитивные процессы. В такой установке предмет видится сквозь не отрефлексированные «концептуальные очки» форм познания: «априорные формы чувственности и рассудка» (И.Кант), «языковой игры» (лингвистическая философия), «криптотипы языка» (Э.Сепир и Б.Уорф) и т.д., которые наивным образом смешиваются со свойствами «самого» предмета. Таким образом, попытка найти «единую точку видимости» для анализа собственного познания воспроизводит классическую антиномию. Либо бесконечная иерархия уровней «познания познания». Либо движение по замкнутому листу Мебиуса, где внешняя направленность на онтологию выворачивается трансцендентальным поворотом к субъекту познания, и наоборот.

Теперь вернемся к герменевтике. Герменевтика отказывается от любой привилегированной точки видимости. Трансцендентальный моносубъект классической гносеологии (впрочем, не только в герменевтике, но и в других направлениях современной философии) здесь расщепляется дихотомией «Я – Другой». Другой не познает, но лишь *интерпретирует*. Ему дается право интерпретации и ре-интерпретации, ибо Другой способен замечать во мне то, что ускользает от моего собственного внутреннего взора. Причем, опять же, не существует единой привилегированной позиции, с которой ведется интерпретация. Фигура Другого рассыпается на множество «других», где каждый может давать свою собственную интерпретацию. Так на смену позиции *трансцендентального субъекта* и *трансцендентальных условий* возможности познания приходит понятие *интерсубъективности*. Твердый фундамент трансцендентального, на котором строилась классическая гносеология, герменевтика заменяет зыбкой почвой интерсубъективного.

Различие между установками эпистемологии и герменевтики Р.Рорти артикулирует следующим образом. Эпистемология отводила философии роль «надзирателя», с привилегированной позиции знающего о том, что «на самом деле» думают все остальные. В герменевтике же философии отводится роль не «надзирателя», а только посредника («информированного дилетанта»), организующего «место встречи» и диалога. Причем в ходе такого диалога не требуется устранения полицентричности и сведения к общему основанию. В лучшем случае, есть надежда на согласие «или, по крайней мере, на волнующее и плодотворное разногласие» [1, с. 235].

Как Истина гносеологии, так и Бытие онтологии сегодня начинают заменяться понятием интерсубъективности и растворяться в сетях коммуникации. А с появлением интернет сетей такое растворение выходит за рамки интеллектуальных философских спекуляций и превращается в окружающий нас интеллектуальный и культурный ландшафт. И вот здесь просматривается возможность весьма неожиданного и нетривиального поворота к онтологии. Правда, такая онтология ближе уже не к философскому концепту, а, скорее, к сакральному архетипу: к концепции пустоты в учении буддизма. Согласно онтологии буддизма, основой реальности является *Великая Пустота - Шуньята*. Причем пустота в буддизме понимается не как вакуум, а как *сеть, в которой нет начального узла*. В этом смысле даже весьма «наполненное» пространство коммуникации может иметь статус пустоты. К онтологии буддийской пустоты сетей, не имеющих начального узла, сегодня устремлены и философия, и фундаментальная физика (в которой фундаментальные частицы интерпретируются не как первоэлементы, а как узлы в сетях взаимодействий), и интернет культура. Это можно сравнить с движением к «термодинамическому минимуму» тепловой смерти, в которое вовлечены, как философские понятия (в том числе, бытие и истина), так и другие реалии современной культуры.

Список использованной литературы:

1. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. 297 с.
2. Хайдеггер М. Из диалога о языке / М. Хайдеггер. Время и бытие, М.: Республика, 1993. С. 273-302.

ЕГОРОВА Т.И.

Академия Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Рязань, Российская Федерация

ПРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ И. КАНТА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ

Государственно-правовая доктрина исторически формулировалась исходя общей пользы общественного взаимодействия, касающегося всех

сфер и уровней жизни общества. Идея общего блага согласно «Критике практического разума» И. Канта соответствует высшим потребностям и способностям человека, выступает движущим началом любого практического действия.

В реальной действительности, оказываемое в целях общего блага влияние государства на граждан и общественные институты двояким образом способно отражаться в практической сфере. С одной стороны, оно обеспечивает безопасность личности, общества и самой публичной власти. В то же время, в этих целях обладает устрашающими механизмами, способными применять принуждение. Однако и в этих условиях безопасность является неотъемлемым требованием, которое сопутствует всем государственно-правовым явлениям и процессам.

Особенное место в этом ряду занимает уголовно-правовое принуждение, являющееся последствием совершенного преступления и составляющее содержание уголовного наказания. Категория «долга», используемая И. Кантом, способна в этой связи «оправдать» применение принуждения наличием обязанности у виновного претерпеть неблагоприятные последствия совершенного преступления. Они выражаются в виде осуждения, отбывания наказания и наличия судимости со всеми вытекающими из них лишениями и ограничениями прав и свобод личности.

Примечательно убеждение И. Канта, высказанное в его книге «Основы метафизики нравственности», что существуют требования всеобщего законодательства. Они основываются на индивидуальной абстрактной потребности, существовании достоинства «разумного существа, повинующегося только тому закону, какой оно в то же время само себе дает» [4, с. 31]. Действующий в этом смысле категорический императив основывается на нравственном восприятии и стремлении к достижению всеобщего блага, под которым, безусловно, возможно рассматривать уголовно-правовое принуждение. Необходимость его нравственной абсолютизации тесно связана с содержанием и предназначением наказания. Так, применительно к лишению свободы, изоляция человека в условиях исправительного учреждения конкретного вида на определенный срок основывается на эмоциональных потребностях как самого виновного, ответственного за нарушение уголовного закона и раскаивающегося в содеянном, так и чувствах потерпевшего, вызывающих к справедливому воздаянию за причиненный ему вред. В этом смысле уголовный закон соответствует природе вещей, является необходимым объективным выражением естественных законов, не исключая несовершенство «воли того или другого разумного существа, например воли человека» [4, с. 78].

Несмотря на совершение преступления, в отношении виновного и в нем самом не престаёт действовать нравственный закон. Как справедливо отмечает И. Кант возвышенный характер и внутреннее достоинство веления долга могут даже более полно раскрываться при отсутствии субъективных причин и даже противопоставлении их. Именно поэтому осужденные,

отбывающие наказание в местах лишения свободы, не могут в какой-либо степени быть подвергнуты пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим их достоинство обращению и наказанию. Так как это лишало бы законодательство и само уголовно-правовое принуждение нравственной силы и этических начал.

Безопасность наказания соответствует целям, которые преследует его назначение: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). В то же время ч. 2 ст. 7 УК РФ закрепляет ограничение на включение в содержание целей государственно-правового принуждения таких элементов, как причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

С практической точки зрения потребность в безопасности человека соответствует высшей ценности жизни, которая абсолютна, так как ограничена пространственно-временными рамками. Уголовное наказание устанавливает определенные правила эквивалентности между нарушенным охраняемым законом благом и свободой виновного, лишаемой в интересах всеобщего блага, достижения целей наказания. Жизнь и свободы, ограниченные рамками уголовно-правового принуждения не утрачивают значение абсолютной ценности, которая обеспечивается посредством обеспечения безопасности осужденного в местах лишения свободы. В связи с этим ст. 13 УИК РФ отдельно гарантирует осужденным право на личную безопасность.

Безопасность при реализации наказания не оценивается с позиции относительности условий изоляции и порядка исполнения и отбывания наказания. Напротив, данные обстоятельства должны быть сконструированы таким образом, чтобы абсолютизировать безопасность личности, жизнь которой протекает в рамках ограниченных исправительным учреждением. Абсолютная безопасность гарантируется безотносительно каких либо количественных показателей, иерархии ценностей человека психофизического здоровья, личной неприкосновенности или социально-правовой защищенности.

Вместе с тем, помещение осужденного в условия изоляции, безусловно, актуализирует потребность в безопасности. Она выходит на первое место, становится ведущей, начинает определять мотивацию участия тюремного контингента в исправительном процессе, усиливая и подкрепляя ее. Специфические особенности жизнедеятельности в период исполнения и отбывания наказания, воздействие депривации способствуют трансформации базовых потребностей личности, формированию особых психических явлений, изменению психологических характеристик личности. Как отмечают многие исследователи, лишение свободы и строгая регламентация жизни осужденных требует конкретизации условий безопасности, позволяющих мобилизовать ресурсы организма человека в чрезвычайных обстоятельствах [2, с. 209; 3, с. 282].

Несмотря на то, государственно-правовое принуждение и осужденный занимают разное место в онтологической структуре бытия, но в аксиологической позиций они равнозначны, будучи субъективными и объективными благами. Следует согласиться, что особенности эти становятся очевидно, «если мы будем понимать государство не механистически, а рассматривать его как выражение высшей нравственной идеи» [5, с. 188]. Отраженная в Конституции Российской Федерации идея равноценности интересов личности, общества и государства, составляет фундамент национальной правовой системы. В этом смысле ч. 3 ст. 55 согласуется с ч. 1 ст. 2 УК РФ, провозглашающей охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Уголовное законодательство традиционно выступает в качестве законодательного акта адекватно отражающего ценность наиболее важных социальных благ, обладающих высшим нравственным смыслом, заложенных в основе российской государственности.

Фундамент уголовно-правовых реформ последних лет составляет заложенный в правовой культуре населения России гуманистический потенциал права. Составляя всеобщую национальную ценность, основывающуюся на исторической памяти и преемственности поколений, безопасность воспринимается через призму личной, общественной и государственной пользы. Существенное значение имеет национальная культура, которая выступает символом позитивного в развитии человечества. Выраженная в государственной, в том числе, в уголовно-правовой политике, культура в истории общественной мысли выступает по И. Канту «сферой безусловной моральности» [1, с. 54].

Среди особых гуманистических ценностей выступают осужденные, которые находятся в местах лишения свободы. Они существенным образом ограничены в правах и свободах. Милосердное отношение к людям, несчастным и обездоленным, нуждающимся в благотворительной помощи традиционно для народов Российской Федерации. Особенно сострадательное отношение проявляется к несовершеннолетним преступникам, осужденным беременным женщинам и инвалидам. Современные изменения и дополнения уголовного законодательства учитывают данные социальные потребности, усиливая основания досрочного освобождения от наказания и предоставления отсрочки его отбывания.

В государстве, в котором преобладают социальный консенсус и доверие, личные, общественные и государственные интересы совпадают. Субъективное благополучие воспринимается в качестве абсолютного блага в рамках объективного благополучия личности, общества и государства. В рассматриваемом контексте уголовный закон и уголовно-правовое принуждение становятся одной важнейших ценностей личности и общества,

а безопасность при реализации наказание воспринимается как безусловная ценность.

Список использованной литературы:

1. Бороноева Н.А., Резлер В.М. Безопасность человека как способ реализации личности (философско-культурологический аспект) // Известия Международной академии аграрного образования. 2016. № 31. С. 53-57.
2. Власенко А.И. Особенности терминальных ценностей и временной перспективы личности в условиях пространственно-временной депривации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2. С. 208-212.
3. Калининко А.А. Базовые ценности лиц в условиях социальной депривации // Казанская наука. 2013. № 12. С. 282-285.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности. Изд. 3-е, стер. СПб, 2007. 528 с.
5. Сальников В.П., Масленников Д.В., Жук А.С. Идея нравственно-правовых ценностей и идея государства в парадигмах кантовской и гегелевской философии (к вопросу о проблеме равенства абсолютных ценностей) // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 12. С. 186-192.

ЕЛХОВА О.И.

доктор философских наук, профессор, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

ПОПРОБУЙ ДОКАЗАТЬ, ЧТО ТЫ НЕ В МАТРИЦЕ

Эволюция информационных технологий существенно расширила наши способности в исследовании и постижении окружающего мира. Виртуальные симуляции, моделирование данных, искусственный интеллект позволяют нам взглянуть на многие явления с других позиций и обнаружить ранее невиданные закономерности. В контексте развития компьютерных технологий появилась возможность создания альтернативных реальностей, которые могут быть важны для нашего восприятия и опыта [1; 2]. Виртуальные миры представляют собой среды, созданные с помощью компьютерных технологий, где пользователи могут взаимодействовать с объектами, другими пользователями и самой средой. В целом, альтернативные реальности, созданные с помощью технических средств, не только представляют собой уникальную возможность для обучения, развлечения и социального взаимодействия в виртуальных средах, но и значительно обогащают наш опыт восприятия, инициируют дискуссии о природе реальности и нашего взаимодействия с ней. Выводят на первый план в вопросы о том, что такое реальность и как мы ее воспринимаем, как мы интерпретируем мир вокруг нас? Можем ли мы доверять нашим чувствам и ощущениям, если они могут быть созданы искусственно? Если наш мир

является симуляцией, то какие следствия это имеет для нашего понимания реальности?

В этой связи стоит вспомнить известные «тропы» Энесидема, древнегреческого философа из Кносса, который предложил идею, что наши сенсорные впечатления не являются надежными источниками знания о внешнем мире. Мыслитель описал десять основных «тропов», аргументов, используемых им для анализа и оспаривания достоверности наших сенсорных восприятий [5]. В этой статье остановимся на пяти из них. Так, первый «*троп-аномалии*» выявляет различия в сенсорных впечатлениях у разных индивидов, что может привести к сомнениям в объективности восприятия. Второй «*троп-противоречия*» подчеркивает, что сенсорные данные иногда могут противоречить друг другу, что может вызывать сомнения в их достоверности и точности. Третий «*троп-обмена*» указывает на то, что сенсорные данные могут изменяться в зависимости от условий наблюдения, что подталкивает к вопросам о том, насколько надежно мы воспринимаем мир вокруг себя. Четвертый «*троп-относительности*» подчеркивает, что сенсорные данные зависят от контекста наблюдения, что означает, что наше восприятие может быть определено внешними факторами и обстоятельствами. Пятый «*троп-бесконечности*» описывает бесконечность процесса восприятия, непрерывное появление новых сенсорных впечатлений подчеркивает бесконечность и неопределенность процесса восприятия.

Хотя Энесидем жил очень давно (в III веке до нашей эры), но его тропы продолжают служить напоминанием о том, что наше восприятие мира может быть ограниченным и подверженным ошибкам. Например, в аспекте изучения сенсорных впечатлений, современные исследования показывают, что наши чувства могут быть обманчивыми и зависеть от множества факторов, таких как контекст, предвзятость, наше физическое или эмоциональное состояние. Тропы Энесидема могут быть рассмотрены в качестве предвестников современных дискуссий о природе познания и ограничениях человеческого восприятия, они по-прежнему могут служить полезным источником вдохновения для исследований и размышлений в современности.

В этой связи вспомним нашумевший фантастический фильм «Матрица», ставший культовым блокбастером и оказавший значительное влияние на современную культуру и общество. В центре сюжета находится главный герой: Нео, программист, который начинает осознавать, что мир, в котором он живет, на самом деле является компьютерной симуляцией, а человечество поработщено искусственным интеллектом. Фильм затрагивает широкий спектр философских тем, где центральной становится идея реальности и иллюзии, поднимает вопросы о том, что такое реальность и как мы можем быть уверены в том, что то, что мы воспринимаем как реальность, действительно таково. Дискуссия о том, попытаться ли доказать, что мы не находимся в Матрице, представляет собой интересный и философски значимый вопрос о природе реальности и нашем восприятии ее.

Концепция «Матрицы», как она изображена в фильме, предполагает, что наш мир является симуляцией, контролируемой искусственным интеллектом. Однако доказать или опровергнуть данное утверждение очень сложно из-за того, что мы не имеем доступа к внешним данным или факторам, которые могли бы дать нам определенность в этом вопросе.

Рассмотрим тропы Энесидема в контексте дискуссии о том, находится ли человек в Матрице. Так, *«троп-аномалии»* в данной связи означает, что различные люди могут иметь различные интерпретации своего восприятия реальности, что делает доказательство того, что они не находятся в Матрице, сложным и субъективным. *«Троп-противоречия»* указывает на то, что противоречивые сенсорные данные или неожиданные или необъяснимые явления могут подорвать уверенность человека в том, что он не находится в симуляции. *«Троп-обмена»* подчеркивает, что изменение ситуации или перспективы может изменить способ, которым человек воспринимает свое окружение, создавая сомнения в том, что это действительно реальность. *«Троп-относительности»* отмечает, что каждый может иметь свою собственную интерпретацию того, что является реальным, что делает доказательство отсутствия Матрицы сложным. *«Троп-бесконечности»* обращает внимание на то, что непрерывное появление новых сенсорных впечатлений и переживаний может создать ощущение бесконечности восприятия, что означает, что даже при попытках доказать, что человек не находится в Матрице, всегда остается возможность новых сомнений и вопросов о реальности.

Идеальная симуляция может быть определена как та, которая точно отражает мир, который она симулирует. Если мир, который она симулирует, подчиняется строгим физическим законам, идеальная симуляция будет точно воспроизводить эти законы и никогда не будет от них отклоняться. Допустим, мы находимся в идеальной симуляции, тогда нам трудно получить какие-либо доказательства этого факта. Наши доказательства в симуляции всегда будут точно соответствовать доказательствам в несимулированном мире [4].

В рамках обозначенной темы стоит вспомнить также «Доказательство симуляции» Н. Бострома, гипотетический аргумент, предложенный философом в его работе «Are You Living in a Computer Simulation?» [3]. В своей работе он выдвигает аргумент о том, что существует вероятность того, что мы живем в компьютерной симуляции, созданной более развитой цивилизацией. Этот аргумент основан на предположении, что если существует даже малейшая вероятность того, что развитая цивилизация в будущем сможет создать множество компьютерных симуляций, то количество симуляций может быть настолько велико, что наш мир, скорее всего, является одной из этих симуляций, а не оригинальной реальностью.

Стоило ожидать, что «Доказательство симуляции» Н. Бострома вызвало дискуссии в научном сообществе. Так, Д. Дойч в своих книгах «Структура реальности» и «Начало бесконечности» подчеркивает, что

рассуждения Н. Бострома нельзя назвать научными, поскольку они основаны на сомнительных предположениях о возможной технологической мощности и намерениях высокоразвитой цивилизации. Для данных предположений сейчас нет никакой теоретической базы, экспериментального или наблюдаемого подтверждения. Д. Дойч и другие критики также указывают на то, что Н. Бостром рассуждает слишком упрощенно, не учитывая неопределенности в нашем понимании будущего развития технологии и цивилизации.

Время от времени в средствах массовой информации появляются статьи, заявляющие, что ученые представили доказательства, свидетельствующие о том, что мы не находимся в симуляции. Подобные выводы, в частности, связаны с научной статьей З. Рингель и Д.Л. Коврижина «Квантованные гравитационные реакции, проблема знака и квантовая сложность» в Science Advances [6]. В статье используется понятие «квантовый компьютер». Квантовый компьютер – это тип компьютера, где в отличие от классических компьютеров, используются квантовые биты, которые могут находиться в состоянии нуля, единицы или обоих одновременно благодаря принципам суперпозиции. Это позволяет квантовым компьютерам эффективно обрабатывать большие объемы данных и решать сложные задачи, которые для классических компьютеров могут быть слишком сложными или затратными по времени.

Авторы подчеркивают, что существуют разные классы вычислительной сложности. Так, квантовая механика значительно превосходит классическую механику, в статье используется термин «квантовая» сложность (понятие, связанное с вычислительной сложностью задач). Далее, З.Рингель и Д.Л. Коврижин приходят к выводу, что на сегодняшний момент создание полной симуляции мира, аналогичной Вселенной, в которой мы живем, даже для мощных квантовых компьютеров представляется не выполнимой задачей. Такая симуляция потребовала бы не только огромного объема вычислительных ресурсов, но и глубокого понимания всех физических законов, включая квантовую механику, гравитацию, электромагнетизм и другие, а также всех начальных условий Вселенной. На данный момент мы не обладаем ни достаточным количеством вычислительных ресурсов, ни достаточно полным пониманием фундаментальных законов природы, чтобы создать полную симуляцию мира.

Однако, говоря о классах сложности, авторы совсем не утверждали, что это исключает гипотезу о симуляции, но некоторые журналисты использовали их статью для вывода такого заключения. Конечно, само то, что сверхсовременные и сверхмощные компьютеры пока еще не могут эффективно симулировать нашу Вселенную, еще не доказывает, что мы не находимся в симуляции.

В заключение отметим, что на настоящем этапе развития нашей цивилизации доказать или опровергнуть концепцию, что наш мир является

симуляцией, пока невозможно из-за недоступности внешних данных или факторов, которые могли бы нам дать определенность в этом вопросе.

Список использованной литературы:

1. Елхова О.И. Индекс виртуальности. В сборнике: Философия в полицентричном мире. К 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева. Избранные труды VIII Российского философского конгресса. М., 2022. С. 363-381.
2. Кудряшев А.Ф., Елхова О.И. Современная онтология: общие и прикладные проблемы. Монография. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. 272 с.
3. Bostrom N. Are We Living in a Computer Simulation? The Philosophical Quarterly. Oxford University Press, 2003. Vol. 53, №. 211. P. 243-255.
4. Chalmers D. J. Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy. New York: W. W. Norton & Company, 2022. 505 p.
5. Hankinson R.J. Aenesidemus and the Rebirth of Pyrrhonism. In Bett, Richard Arnot Home (ed.). The Cambridge Companion to Ancient Scepticism. Cambridge University Press. 2010. P.105-120.
6. Ringel Z., Kovrizhin D.L. Quantized Gravitational Responses, the Sign Problem, and Quantum Complexity. Science Advances, vol. 3, no. 9, American Association for the Advancement of Science, 2017, p. e1701758.

ЕФИМОВА С.Г.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

КАНТ И ПРОЦЕСС ЭСТЕТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время актуализировалась эстетическая проблематика и, живя в эпоху постмодерна, мы сталкиваемся с тем, что нам явно не хватает теоретического инструментария для осмысления сущности современного искусства, а также сведения всего его многообразия в целостную систему. Сложившееся положение привело к размыванию границ искусства и невозможности отделить его от ряда повседневных практик, с одной стороны, и устойчивой тенденции тотальной эстетизации, с другой.

Эстетизация современной культуры может быть интерпретирована как процесс придания эстетического значения различным культурным явлениям и объектам, а красота и эстетическое восприятие выступать как неотъемлемая часть нашей жизни и деятельности. В современном мире эстетизация может проявляться в различных формах, таких как:

— Создание и использование эстетических критериев и стандартов для оценки и классификации культурных явлений и объектов.

— Оценка и интерпретация культурных явлений и объектов с точки зрения их эстетических качеств и свойств.

— Придание эстетического значения культурным формам, таким как фильмы, музыка, искусство и т.д.

В целом, актуализируется феномен эстетизации всех социальных сфер, в том числе, политики и экономики, что во многом обусловлено формированием «общества потребления», визуальным и цифровым поворотами в культуре [1, с. 73]. Заметное место в научной литературе занимает и эстетический поворот, о котором пишут многие исследователи. Эстетический поворот представляет собой отказ от традиционного подхода к изучению красоты и эстетических явлений, который был ориентирован на поиск универсальных и всеобщих эстетических норм и идеалов. Вместо этого, современная эстетика подчеркивает субъективность и контекстуальность эстетических оценок и суждений, а также важность интерпретации и анализа эстетических явлений.

Эстетический поворот также связан с развитием новых направлений в эстетике, таких как постструктурализм, постмодернизм и феминистская эстетика, которые критически оценивают традиционные идеи красоты и эстетического восприятия, а также поднимают вопросы о власти, идентичности и других социальных и культурных факторах, влияющих на эстетические процессы и оценки.

«Понятие эстетического поворота фиксирует важнейшие сдвиги, произошедшие в современной культуре и выразившиеся, с одной стороны, в эстетизации действительности (спорта, рекламы, политики и т.д.), а с другой стороны, – в экспансии эстетического на область теоретической философии. Эстетическое растворилось в стихии жизни вслед за искусством, которое, перестав быть «изящным искусством», стало всем: дизайном, «мейл-артом», «нейл-артом», «милк-артом» и т.д.» [2, с.79].

Современная эстетика не имеет, как и в прошлом, никакой общепринятой парадигмы и представляет собой множество несовместимых друг с другом и конкурирующих между собой концепций. Существующие направления в эстетике различаются своим пониманием искусства и его истории, теми общими понятиями, которые используются при анализе искусства, истолкованиями его функций, основных этапов и представлениями о тенденциях его будущего.

Современная эстетика, которая начала развиваться в XIX веке, отличается от традиционного подхода тем, что не только изучает прекрасное и его воздействие на человека, но и уделяет большое внимание социальным и культурным аспектам эстетического восприятия и творчества. Современная эстетика также часто связывает прекрасное с политическими и экономическими вопросами, а также с проблемами идентичности и власти.

Традиционная и современная эстетика – это два различных подхода к изучению основных принципов и категорий эстетического восприятия и творчества. Традиционная эстетика, которая развивалась в течение многих

веков, была в основном ориентирована на изучение категории прекрасное и её воздействия на человека. Она уделяла большое внимание объектам искусства, их формам, цветам, звукам и т.д. Она также часто связывала красоту с моралью и этикой, считая ее важным фактором в формировании характера и поведения людей.

«Прекрасное» было в традиционной эстетике преобладающим предметом. В научной литературе найдется не так много рациональных обоснований приоритетности этой категории, одно из самых методичных принадлежит И. Канту. Он, подвергая критическому переосмыслению эстетические взгляды своей эпохи, определил перспективу формирования современной эстетической теории. В течение нескольких последних столетий разработка эстетических проблем была, так или иначе, опосредована интерпретацией кантовской эстетики. Представления И. Канта о прекрасном как целесообразном без цели значительно предвосхитили теории и практики как модернистского, так и постмодернистского искусства. В то же время понятие прекрасного, определяемое в качестве целесообразного, фактически оказалось растворенным в более общем понятии эстетического, следствием чего явилось распространение эстетического измерения на все сферы человеческой деятельности. Кант поднимал вопросы о предмете и границах эстетики, предлагая более широкое понимание этой области знания.

Сегодня представляется чрезвычайно актуальной точка зрения Канта, открывшего новую эпоху в эстетике, что было сделано не путем разрыва с традицией, а в результате ее переосмысления. Кантовская трактовка связи эстетического и этического образует некий общий знаменатель для всех гуманистически, демократически ориентированных течений, несет общечеловеческий потенциал в философскую мысль XXI столетия [3].

Одной из ключевых идей, выдвинутых Кантом, является то, что красота и эстетические качества объектов и явлений не являются чем-то отдельным от нашей повседневной деятельности. Он утверждал, что эстетические категории, являются неотъемлемой частью нашего восприятия мира и что мы оцениваем и воспринимаем окружающее не только с точки зрения практической ценности объектов, но и с точки зрения их эстетических качеств.

«Аналитика прекрасного» – это часть «Критики способности суждения» И.Канта, где он исследует основные принципы и категории эстетического восприятия и творчества, а также предлагает свою концепцию красоты и эстетического восприятия.

Здесь он определяет красоту как особый вид эстетической категории, которая не зависит от конкретных объектов, а является универсальной и всеобщей. Он также выделяет два основных вида красоты – формальную и материальную. Формальная красота связана с геометрическими и оптическими свойствами объектов, такими как форма, цвет, звук и т.д. Материальная красота связана с функциональностью и удобством использования объектов.

У Канта аналитика прекрасного строится в соответствии с классификацией суждений по четырем признакам – качеству, количеству, по отношению к целям и по модальности благорасположения к предмету. Несколько односторонне звучит первое определение: «прекрасно то, что нравится, не вызывая интереса». Оценка приятного возникает в ощущении и связана с интересом. Доброе мы оцениваем при помощи понятий, благоволение к нему также связано с интересом. «Вкус есть способность судить о предмете или о способе представления посредством благорасположения или отсутствия его, свободного от всякого интереса. Предмет такого благорасположения называется прекрасным» [6, с. 28].

Во втором определении прекрасного намечается более широкий подход к проблеме. Здесь речь идет уже о количественной характеристике эстетического суждения и выдвигается требование всеобщности суждения вкуса: «прекрасно то, что нравится всем без понятия». Третье определение прекрасного ещё ближе к познанию: «красота – это форма целесообразности предмета, поскольку она воспринимается в нём без представления о цели». Наряду с «чистой» красотой Кант вводит понятие «сопутствующей» красоты (например, «чистая» красота – цветы, а «сопутствующая» – красота здания или человека). В одном из заключительных выводов обнаруживается прямая связь с этикой: «прекрасное есть символ нравственно доброго» [5, С. 76].

Кант также развивает идею о том, что эстетическое восприятие и творчество являются активными процессами, в которых участвуют не только объекты искусства, но и сам субъект восприятия. Он подчеркивает важность свободы творческого духа и независимости искусства от политических и социальных факторов.

«Именно распространение эстетики за пределы искусства приветствуется современной эстетической теорией. С другой стороны, она же приветствует и распространение искусства за его собственные пределы. С таким неоднозначным отношением к искусству мы сталкиваемся уже у Канта. Всю описанную в третьей «Критике» способность суждения в целом философ применяет, согласно выведенной им таблице высших познавательных способностей, именно к искусству» [4, с. 52].

Искусство способно воспитывать, формировать ценностную иерархию, оно обладает преображающими человека возможностями, которые заключены в единстве этического и эстетического. Эстетизация, как доминанта современной культуры, приводит к нравственной ограниченности человека и общества, поскольку красота – лишь одна из ипостасей подлинной человеческой реальности. Эстетическая категория прекрасное подвергается переосмыслению в контексте современной культуры, так как активно используются лишь её структурно-формальные элементы, в то время как первоначальное эстетическое содержание или видоизменяется, или полностью утрачивается.

Сегодня все больше размываются границы между автором и реципиентом. На первый план в искусстве выходит грамотный маркетинг и

популярность автора, а красота становится самоцелью. Складывается абсурдная ситуация, при которой любой человек, занятый каким угодно делом, может объявить себя художником, выставляя свое занятие искусством. При этом опровергнуть его практически невозможно [1, с.76].

Красота не самодостаточна, этот факт составляет трагическое противоречие в современной культуре, где зачастую изображаются безнравственные, и даже бесчеловечные качества героев с большой художественной силой и талантом. В этом смысле искусство способствует преобразению человека, однако, происходит это только при наличии общественных этических ценностей. Подлинная красота всегда онтологически наполнена.

Добро, отделенное от прекрасного, превращается в морализаторство, ведет к скучному, посредственному существованию. Абсолютизированная красота ведет к утрате человечности и дегуманизации культуры в целом. Преображающая роль искусства заключается именно в его синтетическом потенциале, в тесном взаимодействии этического и эстетического [там же].

И. Кант внес значительный вклад в понимание процесса эстетизации современной культуры. Он предложил концепцию эстетического восприятия и творчества, которая может быть применена к различным аспектам нашей жизни и деятельности. В своих работах он не только исследовал основные принципы и категории эстетического восприятия и творчества, но и поднимал вопросы о предмете и границах эстетики как философской дисциплины.

Одной из ключевых идей Канта является то, что эстетика не должна ограничиваться изучением только красоты и эстетических качеств объектов и явлений. Он считал, что эстетика должна также включать в себя изучение субъективных и интерсубъективных аспектов, а также исследование социальных и культурных факторов, которые влияют на эстетические процессы и оценки. В конечном счете именно Кант очертил сферу эстетики как особое самостоятельное, значимое направление опыта человека, которое венчает всю духовную и практическую деятельности человека.

Список использованной литературы:

1. Симонова, С.А. К вопросу об эстетизации современной культуры / Симонова С.А., Аверюшкин А.Н. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, 2022. – №85. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-estetizatsii-sovremennoy-kultury> (дата обращения: 02.01.2024).

2. Гаврилина, Л.М. Эстетический поворот конца XX века и проблема самоопределения эстетики: рецепция кантовских идей // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств, 2015. – №2 (17). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskiy-povorot-kontsa-xx-veka-i-problema-samoopredeleniya-estetiki-retsepsiya-kantovskih-idey> (дата обращения: 03.01.2024).

3. Анкидинова, Т.А. Эстетическое и этическое в XXI веке: снова о Канте // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. / Материалы научной конференции. 26-27 сентября 2000 г. Тезисы докладов и выступлений Санкт-Петербурга: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С.12-14.

4. Никонова, С.Б. Философия Канта и основания процесса эстетизации в современной культуре // Кантовский сборник, 2012. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-kanta-i-osnovaniya-protsess-a-estetizatsii-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения: 04.01.2024).

5. Магомедова, З.И. Трактровка прекрасного в философии И. Канта / Магомедова З.И., Шарбузова Х.З., Абдулаева И.А. // Мировая наука, 2020. – №11 (44). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traktovka-prekrasnogo-v-filosofii-i-kanta> (дата обращения: 04.01.2024).

6. Кант, И. Критика способности суждения : [Пер. с нем.] / И. Кант; [Вступ. ст. А. Гулыги, с. 9-35]. – Москва : Искусство, 1994. – 365 с.

ЗУБКЕВИЧ Л.А.

Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

НООНОМИКА КАК ЯВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Введение. Последние годы в России и за рубежом происходит активная теоретическая разработка и практическое внедрение ноономики (умной экономики). Она стала реально работающей в экономике моделью на проектном уровне и уровне компаний. В ситуации активного сотрудничества РФ и КНР ноономика выходит на уровень международного взаимодействия и совместного развития стран. Современный этап развития мира и России является переходным, данное состояние общественного развития является источником возникновения различных форм и моделей в общественном развитии в целом и в его отдельных областях. Изучение возникающих феноменов видится актуальным для социальной философии, важным для общества, так как эти формы и модели являются акторами указанных процессов, влияют на них и даже могут определять исход перехода. Поэтому задачей данного исследования стали анализ роли и места ноономики в общественном развитии, социально-философская оценка этого явления. Наиболее весомый вклад в развитие ноономики вносит Бодрунов С.Д., поэтому в данной работе мы опираемся в основном на его разработки.

Часть I. Характер форм, возникающих и развивающихся в условиях переходного состояния общества, должен вытекать из характера данного состояния и соответствовать его характеристикам. Автором данной статьи ранее были выявлены такие характеристики: неопределенное бескачественное состояние общества, хаотичность, непредсказуемость, многообразность, в общественном сознании наблюдается нигилизм, желание возврата к старому [2, с. 554].

С точки зрения Бодрунова С.Д., ноономика возникает по причине и на фоне глубокой эрозии всех элементов современной цивилизации. Старые экономические, социальные институты, существующие производственные отношения больше не обеспечивают стабильное развитие обществ, так как механизмы рыночного саморегулирования устарели, их действие приводит только к разгулу «финансовых спекуляций», к «хищническому поглощению ресурсов» [1, с. 19]. Следствием этого становится усиление социальной поляризации, изменение сущности институтов политической демократии, они становятся не инструментом представительства народа во власти, а инструментом манипулирования электоратом в интересах ориентированных на старое сил. Во всех сферах наблюдается нарастающая турбулентность [1, с. 20].

В рамках (или посредством) ноономики экономика превращается в «экономическую дорогу, ведущую к неэкономическому обществу, цифровизации, интеллекту и т.д.». Одним из основных факторов, приводящих к такому результату Бодрунов С.Д. считает «диффузию собственности», ее драйвером является интеллектуальная собственность. Знание постепенно становится главным фактором производства, но правами на знание можно обладать сегодня, но не завтра, так как знание невозможно сохранить как собственность [4, с. 67]. Кроме этого, с точки зрения Бодрунова С., Квинта В., Глазьева С. в рамках ноономики, на ее теоретической платформе происходит (или возможно осуществить) «стратегирование трансформации общества», «формирование интегрального общества», «формирование новой экономической парадигмы и новых центров развития» [4, с. 68].

Таким образом, на основании выше представленного описания, ноономика имеет переходный характер, соответствующий современному переходному состоянию общества.

Часть II. Направленность развития обществ возможно в двух вариантах: к новому или к старому. Эта направленность осмысливается и осуществляются людьми через деятельность в разных тенденциях развития — в нигилистической, возвратной, уравнивающей. Новое всегда мыслится как идеал, сегодня этот идеал (желательный для нигилизма и уравнивающей, и не желательный для возвратной тенденции) мыслится как общечеловеческое. В данных параметрах осуществляется социокультурное творчество [2, с. 555].

В качестве вектора развития общества ноономика реализует направленность к новому, которое мыслится как новое качество общественного развития, оно достигается через «снятие, по мере технологического прогресса и превращения знаний в основной источник развития общества, господствующих в настоящее время экономических отношений и отчужденных форм человеческого бытия в новом, постэкономическом обществе, обеспечивающим формирование и удовлетворение собственно человеческих, ноопотребностей» [1, с. 7].

Понимание общей направленности развития основывается на подходах ООН к целям устойчивого развития, и на «Декларации тысячелетия» ООН.

Старое экономическое развитие XX века мыслится разработчиками ноономики как «дорога от людей», где перед экономикой стоят примитивные задачи — удовлетворить первичные потребности людей. Ноономика призвана удовлетворить интеллектуальные потребности людей, экологические (природы и человека), потребности охраны окружающей среды [4, с. 61].

Данную направленность развития ноономика реализует в рамках уравнивающей тенденции. Во-первых, она конкурирует с возвратной тенденцией к глобальной гегемонии некоторых государств, с нигилистической тенденцией к деглобализации и отказа от целостного восприятия реальности, от ценностей истины, прогресса, добра, красоты [1, с. 20]. Бодрунов С. усиливает остроту данной конкуренции. Он считает, что вопросы о выборе экономических механизмов, модели капитализма актуальными были 50 лет назад. Сегодня очевидно, что все эти модели не выдерживают конкуренцию и отходят в прошлое. Более того, сегодня сама старая «парадигма развития человеческой цивилизации, основанная на принципах экономического общества» представляется исчерпавшей себя [1, с. 23]. Таким образом, можно предположить, что мы находимся в конце переходного процесса, где конкурентоспособными должны быть переходные формы типа ноономики, ориентированные на иное общество.

Во-вторых, в результате теоретических дебатов и реальных практик применения ноономики были выявлены две противоположности, присутствующие в процессе перехода от старого к новому, они видны и в указанных выше документах ООН — это механизмы рыночного саморегулирования и механизмы государственного регулирования. В рамках ноономики они уравниваются, так как в ее основе заложено «стратегирование» — выработка стратегий на основе прогнозов и последующая реализация стратегий, в процессе которой осуществляется контроль с помощью управления практикой и стратегического планирования. В Китае, например, такое планирование рассчитано на сто лет [4, с. 61,].

По мнению С. Глазьева ноономика не застывшая экономическая форма, она усовершенствуется. Это принципиально новый процесс индустриализации, эта экономическая модель развивается в тенденции «нового технологического уклада». Это обеспечивает конкурентное преимущество ноономики в процессе развития. Развитие робототехники, искусственного интеллекта, биоинженерии выводят эту форму на новый парадигмальный уровень, сделав ее основным фактором экономического развития [4, с. 63]. Профессор Чен также оценивает ноономику как фактор развития «умной экономики» [4, с. 66].

Творческое развитие этой формы в будущем позволит ей стать новым качеством развития общества: «перейти от стратегического управления экономикой к всестороннему улучшению благосостояния, созданию

гармоничного человеческого общества и использованию ноономики как новой парадигмы для достижения этой цели» [4, с. 64].

Часть III. Для переходных состояний общественного развития характерны экстериоризация субъективного и интериоризация объективного. Переходная форма является актором процесса развития (его переходного состояния), её субъектность или объектность зависит от активности формы, от ситуации, от относительности точки рассмотрения (внешнее или внутреннее позиционирование) [2, с. 555].

Ноономика как актор развития может объективироваться и субъективироваться. Например, мы можем при стратегировании для гармонизации с природой нашей деятельности использовать её способность обеспечения баланса экономического, интеллектуального, эмоционального, ноономика для нас объективируется. Но одновременно, мы можем оценивать ее в конкуренции с другими «трендами» и тенденциями как субъекта, смотреть, как ноономика будет взаимодействовать с ними, влиять на сочетание разных областей. При применении модели ноономики необходимо осознанно сочетать экстериоризацию и интериоризацию, главная задача — найти баланс в сочетании стратегии развития страны и в стратегии развития конкретной компании (баланс общественного и частного интереса). Предлагается критерий применимости и жизнеспособности этой переходной формы: «ноономика не может быть реализована, если национальный уровень не сможет перейти на уровень компаний» [4, с. 62].

Часть IV. Переходное состояние общественного развития — моделируемое людьми «социокультурное пространство». Оно объективно, однако моделирование и освоение его представляет собой мировоззренческий процесс. В нем переходные формы одновременно становятся акторами и способом саморазвития смыслов, поэтому в такие периоды истории трудно отделить субъект истории и объект саморазвития [2, с. 554].

Моделирование социокультурного пространства в рамках ноономики происходит посредством саморазвития такого мировоззренческого смысла как «ценность», который приходит на смену старому мировоззренческому смыслу «стоимости», который является смысловой основой старой экономики. Замена «стоимости» «ценностью» обеспечивает возможность «потребовать остановить то, что мешает нашей жизни» [4, с. 68].

Сегодняшняя (старая) экономика, нацеленная на прибыль, опирающаяся на стоимость, не имеет никаких ограничений, что создает многие глобальные и локальные проблемы людям. Ноономика как переходная форма экономики позволяет организовывать экономические процессы, управлять ими, избегая проблем или разрешая противоречия. Это возможно через возвращение в мировоззрение и жизнь понятия «предела» и «симулятивности потребностей» [4, с. 68].

Часть V. Переходные формы общественного развития это переходные процессы в миниатюре. Они представляют собой сложные открытые

системы. Их основные характеристики — противоположность и двойственность. Эти системы представляют собой бинарную множественность, где бинарными оппозициями являются «старое» и «новое». В переходных формах, в отличие от переходных процессов, развитие идет не от «старого» к «новому», а к среднему показателю. Таким образом, переходные формы всегда уравнивают энтропийные процессы в развитии [2, с. 259-260].

Двойственность ноономики в том, что «это соотношение между экономическим и не экономическим развитием», которое основано на прогнозировании. Усредненным вариантом и целью стратигирования в ноономике является «социальная экономика, которая выйдет из кабинета ученого и будет реализована через формулу стратегии» [4, с. 61-62].

С точки зрения Бодрунова С. [1, с. 28-34] основой ноономики (как и экономики) является индустриальное производство, оно по прежнему создает условия для развития остальных секторов экономики (услуг, аграрной, строительства). Развитие этого производства, как и ранее, обуславливает социально-экономический строй общества. Новое то, что сегодня происходит переход от пятого технологического уклада (действует 1950-80 гг.) к шестому (с 1980 годов), он настолько радикальный, что речь идет о перерастании процессов в технологическую революцию. Сегодняшняя индустрия — это индустрия «умных фабрик»: взаимодействие автономных технических устройств и контроль за ними человеком, переход к технологиям наращивания и добавления материала (например новые 3D сканеры). Происходит качественный скачок в применении знаний, постепенно доля знаниеемких издержек производства становится преобладающей, знание — основной производственный ресурс следующего этапа развития. Поэтому в рамках переходных форм меняется и весь комплекс производства: технологии, труд, средства производства, формы организации производства. Это повлечет за собой переход развития общества на новую ступень развития, где знание и наука станут главным экономическим ресурсом, поэтому труд и материальные затраты станут второстепенными. Такое будущее описывал К Маркс в «Экономических рукописях» [3]. Но оно автоматически насупить не может, так как разумно, следовательно все зависит от мировоззрения человека.

В ноономике от экологии земли приходят к экологии человека, тупик экономического общества постепенно стал осознаваться только через осмысление экологических проблем. Мы меняем окружающую среду так, что возникает необходимость менять самих себя, а это чревато самоуничтожением. Поэтому необходимо отказаться от того мировоззрения, которое формирует у нас экономическая стихия, ее рыночные принципы и цель — прибыль любой ценой. Это подстегивает рост производства, потребления ресурсов, экологических проблем и так далее. Поскольку современное производство может обеспечить потребности людей без дальнейшего роста, то ради прибыли меняется мировоззрение людей,

развивается потребительство — стремление потреблять «симулятивные, ненужные товары» [1, с. 43]. Для старого мировоззрения эпохи капитализма это разумное поведение, но для сегодняшнего дня — нет. Так как меняются смыслы, альтернатива простая, или постоянный хаос и гибель природы и человека, как результат, или приобретение нового характера рациональности.

Приобретение нового характера рациональности, нового мировоззрения обеспечивает нономика, она в процессе своего развития определяет новые целевые установки развития. Посредством усреднения бинарных оппозиций приходит к парадигме развития на основе достижения конкретных целей, удовлетворения различных человеческих потребностей «сформированных на основе более высоких ценностей» [1, с. 45-47]. Поскольку такие потребности прогнозируемые, то производство должно иметь определенную программу действий, упорядоченный, плановый характер, но программа должна быть гибкая, адаптивная к меняющимся условиям и случайностям. Таким образом, с помощью бинарного усреднения решается противоречие между рыночной саморегуляцией и государственной плановостью в экономике [1, с. 47].

Конкурентная борьба между тенденциями, о которой писали выше, результативность моделей и трендов зависят от скорости протекания двух взаимосвязанных процессов: 1) темпов развития производства, технического процесса; 2) темпов «осознания человеком последствий применения тех или иных технологий и конструкций удовлетворения человеческих потребностей» [1, с. 51]. Эта двойственность также может быть решена посредством усреднения этих бинарных оппозиций. Подстегивает рост производства и влияет на «осознание» свойственный человеку естественный механизм выживания некоторых биологических видов — накопление запасов. Стихийность экономики подстегивает стихийный инстинкт. Однако, в ноомике роль запаса начинает играть «фактор полного удовлетворения несимулятивных потребностей», если человек уверен, что в будущем будут полностью удовлетворены его несимулятивные потребности, а это зависит от производства, внедрения знаний, то он будет «запасать знания» [1, с. 53].

Фактор, способствующий сближению данных оппозиций — социализация, но понимаемая как движение человека от биологического к разумному («ноо»-человек). Это субъектно-объектные отношения, задача которых изменить нравственно-ценностное ядро, которые подкрепляются процессом «познания человеком своих потребностей». Путь к «ноо»-человеку — осознанная работа над собой и над обществом [1, с. 63].

Заключение. Нономика имеет переходный характер, реализует направленность развития к новому в уравнивающей тенденции. Это конкурентоспособная форма конца переходного процесса. Она уравнивает механизмы рыночного саморегулирования и государственного регулирования «стратегированием». Процессуальна, эволюционирует и творчески саморазвивается, ведет к новому технологическому укладу. Актор развития, может объективироваться и

субъективизироваться. При этом достигается баланс общественного и частного интереса. Ноономика, конструируя реальность, заменяет мировоззренческие смыслы «стоимости» на «ценность», организует экономические процессы, разрешает противоречия.

Список использованной литературы:

1. Бодрунов С.Д. Что такое ноономика? // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР, 2021. С. 19-93.

2. Зубкевич Л.А. К вопросу о концептуализации переходных форм общественного развития (по материалам исследований событий второй половины XIX - начала XXI веков) // Ноосферное образование в евразийском пространстве. Том седьмой: Столетняя годовщина Великой Октябрьской социалистической революции и Год Экологии в 2017 году как стимулы развития ноосферной парадигмы образования, науки и экономики как базового условия стратегии России в XXI веке: коллективная научная монография (на основе материалов VII Международной научной конференции «Ноосферное образование в евразийском пространстве», состоявшейся 7-8 декабря 2017 года в Смольном институте РАО в Санкт-Петербурге). В 2-х кн. /Под науч. ред. Заслуженного деятеля науки РФ проф. А.И. Субетто и Гранд-доктора философии, кандидата технических наук Г.М. Иманова. Книга 2. СПб.: Астерион, 2017. С. 546-571.

3. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. II. Москва: Политиздат, 1954. С. 208-221.

4. Международный форум «Большое евразийское партнерство – базовая платформа для формирования перспективного мирового экономического порядка» и XI Китайско-Российский экономический диалог. 14-15 апреля 2023 года, Пекин, Китай. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2023. 186 с.

Киселев В.В.

Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

НАУЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ТРАНСГУМАНИЗМ

22 апреля 1724 года, 300 лет назад, родился Иммануил Кант, немецкий философ, один из центральных мыслителей эпохи Просвещения.

В своих трудах он сформулировал ряд положений, касающихся в том числе и возможности создания научной философии - фундаментальной области знаний, их ядра. Ранее [2, 3] мы аргументированно показывали, что в настоящий момент имеются объективные предпосылки к созданию научной философии, центральной области науки, которую развивали Кант, Гегель, Маркс.

Тем не менее, как известно, в настоящий момент философия не имеет однозначного статуса научности. Обычно философию называют учебной дисциплиной, одной из форм мировоззрения и человеческой деятельности, особым способом познания, теорией или наукой [5]. Различными философскими направлениями и школами философия определяется как наука (в марксистской философии), как придаток естественных наук (в аналитической философии), как теория (в франкфуртской школе), как идеология (в либерализме), как одна из форм мировоззрения (в религиозной философии, теологии, неотомизме, космизме), как форма мышления и познания (в диалектике, метафизике), как учение (в позитивизме, неопозитивизме, постпозитивизме, феноменологии, экзистенциализме, структурализме, постструктурализме) или как парадигма (в постмодернизме).

Попробуем ответить на вопрос: может ли философия быть научной, и если может, то на основании каких критериев?

В отличие от научного знания философия имеет свою специфику. Например, наука (математика, физика и др.) не может быть ни русской, ни французской. Научные истины для всех одни. Философия же обычно дробится на различные направления и школы (например, по географическому признаку выделяют аналитическую и континентальную философию). Каждая философия (например, Запада, Востока) отражает еще и уникальный опыт той культуры, на которой она произошла, а это в свою очередь влияет на мышление философов и их взгляды. Отсюда возникает закономерный вопрос: может ли философия докопаться до истины, которая несмотря на плюрализм мнений и гипотез все же одна? Бесспорно, если философия установит эту истину, то она станет научной и раздробленность философии должна устраниться. Однако, если философия найдет какую-либо истину, и она превратится в силу этого в научное знание, то не отойдет ли это знание к определенной области конкретной науки, как это не раз случалось на протяжении истории науки?

Для ответа на эти вопросы необходимо определить объект и предмет научной философии, ее принципы и требования к ней как к науке.

В современной марксистской философии, развиваемой в Пермской философской школе, ее предмет обозначен как наиболее общие (всеобщие) стороны (свойства, законы и т.д.) мира в целом и его познания, или иначе, как наиболее общая сущность мира и сущность сознания, или сущность мира, сущность человека, место человека в мире, смысл и сущность его существования [1, с. 106]. На наш взгляд такая формулировка предмета научной философии не отвечает требованиям научности, так содержит элементы неконкретности и крайнего абстрагирования. В ней не совсем понятно, что означает мир в целом, если известно, что он бесконечен, и каким образом можно схватить сущность бесконечного мира при конечности человеческого опыта? Такая формулировка предмета научной философии с неизбежностью ставит подобные вопросы и выводит многочисленные парадоксы (например, парадокс научной философии [1. с. 76]).

Подобные абстракции и излишние загромождения теории можно избежать, если определить объектом философии материю (поскольку мир материален, и в этом заключается одно из важнейших открытий научной философии), а предметом – конкретные ее формы, свойства (куда в том числе и относится «проклятая проблема философии», подмеченная еще Кантом – бесконечность), космологические уровни и т.п. В этом случае накопленные наукой знания можно будет легко систематизировать в предмете научной философии, открыть новые направления исследования. Создав ядро научных знаний, на которые могут нанизываться последующие, философия действительно может приобрести статус научности и начать развиваться. В этой связи научная философия должна обладать собственными принципами, требованиями, соответствовать критериям научности, иметь собственные задачи и обладать собственной системой категорий философии (что было нами раскрыто в предыдущих исследованиях) [2, 3].

На наш взгляд такой наукой может стать теоретическая и экспериментальная научная философия. Мы можем предположить, что в настоящее время есть необходимость выделения в самой науке самостоятельной области, как обобщающей частные науки, так и имеющей свои объекты и предметы исследования. На наш взгляд, магистральное развитие науки связано как с бесконечным расширением и углублением научных знаний, так и с их обобщением и систематизацией. При этом каждая наука не может быть «самой по себе философией», как утверждал Конт. Любая частная наука в силу своей ограниченности не может сделать верное глобальное универсальное обобщение, так как она исследует только узкую область знаний и может не учитывать данные других наук. Верное обобщение возможно сделать только при учете максимально возможного числа данных, известных в настоящий момент времени. Только учитывая их все, можно увидеть какие-либо точки роста в конкретных науках и предвидеть новое направление в развитии науки и даже указать вектор ее развития. Именно таким образом на протяжении более чем двух тысяч лет развивалась философия. Многие ее выдающиеся представители были видными учеными каких-либо частных наук, сделавшие свои открытия, в том числе, и благодаря проведению междисциплинарных исследований и обобщению знаний многих частных наук. Именно в этом мы и видим магистральный путь развития философии – обобщение всех научных и иных знаний, составляющих основные объекты исследования философии, так называемые ее вечные вопросы (что есть Бог, человек и мир в целом). При этом на протяжении развития философии многие философы понимали, что для создания такого верного обобщения нужна новая наука – научная философия. Попытки создать такую науку предпринимали и Кант, и Гегель, и Маркс, и позитивистские философы. Однако основной их ошибкой была попытка сделать всю философию научной, свести всю совокупность философских знаний к научной философии, заменить научную философию на всю философию в целом. Как показало время, это было заблуждением.

Такие новые «научные философии» со временем превращались в направления в философии, наиболее упорно исследующие ту или иную философскую проблему.

По нашему мнению в настоящий момент возникает потребность и необходимость в появлении такой науки, которая напрямую будет учитывать, уточнять и перерабатывать все научные знания и информацию, касающуюся вечных вопросов философии. Это будет постоянно развивающаяся фундаментальная база научных знаний, представляющая собой ядро науки.

На роль такой науки подходит теоретическая и экспериментальная научная философия, которая может выработать свой метод исследования и сформировать свою систему философских знаний и принципов. Аргументируем это на следующем примере.

В 20 веке наука, которая открыла атомные технологии, космическую эру и ЭВМ была физика и связанные с ней дисциплины. Но в 21-м веке физика уже не может быть такой передовой наукой, она сейчас сама (точнее ее ядро - теоретическая физика) находится в глубочайшем кризисе [2]. Нужны радикальные идеи (гипотезы) о существовании совершенно иной материи, ни кварково-адронной, ни темной, ни сингулярной, а обычной механической, только эта механика другой природы. Там совершенно другие (отличные от нашей физической материи) скорости, координаты, импульсы, векторы движения и т.п., которые могут быть определены и точно измерены. Для внесения таких идей в физику нужны привлечения в нее знаний других частных наук, и в конце концов, создание новой междисциплинарной науки - теоретической и экспериментальной научной философии.

На наш взгляд для конкретизации данных идей целесообразно обратиться к анализу современных концепций трансгуманизма и их критике [4], который позволяет глубже взглянуть на различные гносеологические проблемы, в том числе и на вопрос о пути развития философии. Как мы указывали ранее [3] современная западная философия отошла от магистрального пути развития философского знания (и вообще от принципа фундаментализма, фундаментальных исследований).

Транс(пост)гуманизм представляет собой концепцию постчеловека, который появится благодаря достижениям науки. Современные теории трансгуманизма предполагают такой способ изменения человеческой сущности, как социобиологическая модификация сущности человека, изменение которой приведет к качественному отличию новой формы материи от социальной. Возникновение постчеловека, что, по нашему мнению, неизбежно приведет к появлению новой философии, морали, эстетических ценностей, социальных институтов.

Возможно, новая философия будущего будет исходить из посылки, включающей решение гносеологической проблемы следующим образом: путем отделения человека (субъекта познания) от познавательного процесса. В соответствии с представлениями о постсоциальной форме материи можно

предположить, что наука будет развиваться и вне человека. Отсюда мы выделяем разные магистральные пути развития: 1) науки и философии; 2) человека и общества (социальной формы материи).

Таким образом, мы исходим из посылок, что развитие науки не ограничивается социальной формой материи, и выходит далеко за ее пределы. Социальная форма материи ограничена и имеет свои пределы, наука же не имеет своих пределов и не ограничена никакими формами материи.

Магистральный путь развития науки - это путь, по которому наука объективно развивается независимо от временных тупиковых и прочих отклонений от главного, основного направления.

Таким образом создание теоретической и экспериментальной научной философии может привести к следующим следствиям.

1. Современная теоретическая и экспериментальная философия на уровне философской догадки предсказывает существование субфизической формы материи, носителем которой являются структурные элементы фотона (являющегося переносчиком электромагнитного поля). Данные структурные элементы представляют собой вихрь частиц, движущихся со сверхсветовыми скоростями, которые и представляют собой по образуемой ими "визуальной" форме структуру тех или иных стабильных и нестабильных элементарных частиц.

2. Поиск данных частиц на уровне фундаментальной науки приведет к аккумуляции знаний, их верному обобщению и новым практическим изобретениям. Например, с помощью искусственного интеллекта, нейросетей (совершающих сложные вычислительные операции по обработке нужной информации) будут созданы специальные аппараты, которые из электромагнитного поля будут вычленять конкретные фотоны и считывать с них нужную информацию за счет их же структурных компонентов. Так будет осуществлен прорыв в изобретении принципиально иного вида связи (сверхсветовой), который прольет свет на реальную объективную картину мира и структуры материи (ее субфизической и кибернетических основ). Так будут открыты совершенно другие астрономические расстояния (включающие различные внеземные формы жизни) и кибернетическая материя (включая ее представителей).

3. Открытие кибернетической и субфизической материи позволит людям (представителям социальной материи) самим развиваться, преобразоваться. Например, посредством развития телепатии и прочих экстрасенсорных способностей.

4. Далее произойдет переход социальной формы материи в кибернетическую. При этом социальная материя сохранится, однако разница между ними будет настолько колоссальная, как, например, между биологической и социальной материей. Здесь уместно вспомнить Р. Курцвелла с его техноогической сингулярностью, которая якобы произойдет после 2045 года. Однако здесь будет речь идти не о проектах аватара,

загрузке сознания в машину и т.п. Речь пойдет именно об изменении сущности человека. Например, изменится его речь, которая будет осуществляться на уровне телепатии. Изменится мотивация людей, например, повсеместно реализованный принцип неотвратимости наказания избавит общество от преступности и войн. Таким образом, именно техническое развитие приведет, в том числе, и к изменению сущности человека и переходе его в кибернетическую материю. И это будет большое бесповоротное открытие в нашей истории, в основе которого будет лежать теоретическая и экспериментальная научная философия.

Список использованной литературы:

1. Орлов В.В. Основы философии. Ч. 1. Общая философия. Вып. 1. Пермь, 2017.
2. Киселев В.В. Структура материи в концепции теоретической и экспериментальной научной философии: монография /— 3-е изд., доп. и перераб. — М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2017. С. 53-57.
3. Киселев В.В. Гипотетический портрет философии будущего: в свете изменения природы человека методами трансгуманизма // Материалы Международного научно-методического семинара «Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве ВУЗа: факторы, проблемы, перспективы», УРФУ, г. Екатеринбург, 15 - 16 марта 2017 года.
4. Фатенков А.Н. Натурный ум в контракте на искусственный интеллект (Полемический отклик на «Эволюцию разума» Рэя Курцвейла) // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 3. С. 172–183.
5. Философия // Новейший философский словарь :9-е изд., исправл. — Мн.: Книжный Дом. 2023.— 1280 с.

ЛАПШИНА В. С.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

СМЫСЛ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРЕКРАСНОЕ» В ЭКСПЛИЦИТНОЙ ЭСТЕТИКЕ И. КАНТА И А. Г. БАУМГАРТЕНА

Известно, что эстетика как самостоятельная дисциплина сформировалась лишь в XVIII столетии благодаря немецкому мыслителю Александру Готлибу Баумгартену. Впервые философская дисциплина эстетика получила своё название в 1735 году, когда двадцатиоднолетний Баумгартен ввёл его в своей магистерской диссертации в Галле в значении науки, предмет которой то, что ощущается и воображается (*epistêm aïsthetikê*) [4]. Спустя 15 лет Баумгартен напишет свой значительный труд на латыни «Эстетика», II тома (1750-1758). Безусловно проблемы эстетики рассматривались и другими мыслителями до Баумгартена, начиная от

Платона и Аристотеля [10], в так называемой поэтике, но Баумгартен одновременно продвинул обсуждение таких тем, как искусство и красота, и выделил эстетику из философского покровительства и попечительства. Наряду с этикой, отвечающей за добродетель и проявление свободной воли человека, а также логику, содержанием которой считались законы мышления, рациональное познание, Баумгартен выделяет сферу, отвечающую за чувственное познание, не доступное разуму. Это «Треугольник Баумгартена», где мы видим трёх знаменитых дочерей философии: сестёр *логику, этику и эстетику* (Рис.1). Баумгартен пишет: «Красота есть совершенное, постигаемое чувством. Истина есть совершенное, постигаемое рассудком. Добро есть совершенное, постигаемое нравственной силой» [11].

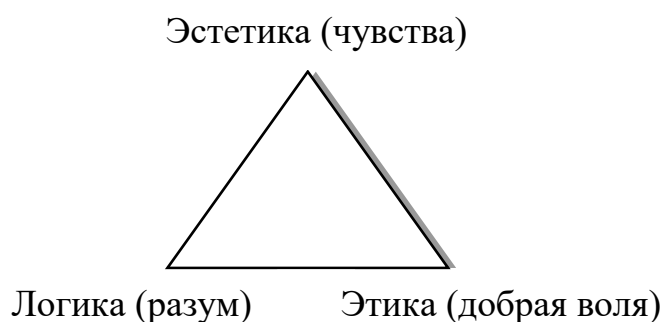

Рисунок 1. Треугольник А.Г. Баумгартена

Стоит отметить, что сама эпоха Просвещения нуждалась в появлении эстетической науки. XVIII век в гуманитарной мысли – время споров по проблеме вкуса, связей наук с искусством, воспитательной силе искусства. Впервые термин вкус в эстетическом смысле (как способность постигать прекрасное и произведения искусства) был употреблен в 1646 году испанским философом Бальтасаром Грасианом в его работе «Карманный оракул». Термин быстро вошёл в обиход философов Западной Европы. Осмысление эстетического вкуса привело к тому, что уже в XVIII веке вкус стал главнейшим критерием духовно-художественного аристократизма. С развитием искусства как коммерческого предприятия, связанного с ростом класса нуворишей по всей Европе, покупка произведений искусства неизбежно привела к вопросу: «Что такое хорошее искусство?». Поэтому эстетика Баумгартена также отвечала запросу времени и могла помочь отличить хороший и плохой «вкус», связывая хороший вкус с красотой. Под влиянием имеющихся имплицитных эстетических взглядов, картезианства, сенсуализма Дж. Локка, художественных идей эпохи Возрождения и Просвещения, принимая во внимание внутреннюю логику развития философского знания, Баумгартен создаёт эстетику.

Баумгартен осуществил большую работу в области философской терминологии. Он ввёл понятия «субъективный» и «объективный» в современном значении, а также термины «в себе» («само по себе») и «для

себя». В сочинениях Баумгартена встречаются понятия: «эстетическая истина», «эстетическое совершенство», «чувственность», последнюю мыслитель трактует широко, относя к ней память, остроумие, интуицию, восхищение, воображение, фантазию. В «Метафизике» Баумгартен определил вкус в его более широком значении как способность судить в соответствии с чувствами, а не в соответствии с интеллектом [13]. Такое суждение о вкусе, по его мнению, основывалось на чувстве удовольствия или неудовольствия. Прозерский В.В. пишет, что трактовка Баумгартеном суждения вкуса (эстетического суждения) в гносеологическом плане наделяла его философским статусом, введившим эстетику в семью философских наук – логики и этики («практической философии»). Но с другой стороны, – для гносеологии немецкого рационализма смешение истины, достигаемой только в «ясном и отчетливом», то есть разумном априорном познании, с тем, что принадлежит области вкуса и носит субъективный характер, представлялось ошибочным. Вот почему И. Кант попытался исправить, как он считал, заблуждение Баумгартена и отделить суждения вкуса, носящие эмпирический характер, от синтетических априорных чувственных суждений. Позже, в «Критике способности суждения» (1790 г.), Кант признал, что суждения вкуса также могут иметь внеэмпирический статус и опираться на априорное основание [8].

Л.Н. Толстой писал, что красота, по Баумгартену, определяется «соответствием, т. е. порядком частей во взаимном их отношении между собой и в их отношении к целому. Цель же самой красоты в том, чтобы нравиться и возбуждать желание — положение, прямо противоположное главному свойству и признаку красоты, по Канту» [11]. «Относительно же проявления красоты Баумгартен полагает, что высшее осуществление красоты мы познаём в природе, и потому подражание природе, по Баумгартену, есть высшая задача искусства (то же положение, прямо противоположное суждениям позднейших эстетиков)» [11].

Иммануил Кант (1724-1804) опирался на «Метафизику» Баумгартена (1739) в качестве текста для чтения лекций и позаимствовал термин Баумгартена «эстетика», но применил его ко всей области чувственного опыта. Только позже этот термин был ограничен обсуждением красоты и природы изобразительного искусства [2].

Сочинение «Наблюдения за чувством прекрасного и возвышенного» И. Кант было опубликовано в 1764 году. Кант утверждает, что чувство наслаждения субъективно. В этом сочинении Кант описывает сложные, более тонкие чувства, которые являются промежуточными, пограничными, требующими некоторой чувствительности, интеллектуального совершенства, таланта и добродетели. Есть два вида более тонких чувств: чувство возвышенного и чувство прекрасного. Кант приводит примеры этих приятных чувств. Некоторые из его примеров чувства прекрасного – вид цветочных клумб, пасущихся стад и дневного света. Чувства возвышенного возникают в результате созерцания горных вершин,

бушующих штормов и ночи. Чувства прекрасного «вызывают приятное ощущение, но такое, которое вызывает радость и улыбку». С другой стороны, чувства возвышенного «вызывают наслаждение, но с ужасом». Кант подразделял возвышенное на три вида. Чувство ужасающего возвышенного иногда сопровождается определенным ужасом и меланхолией. Чувство благородного возвышенного – это тихое удивление. Чувства великолепного возвышенного пронизаны красотой [1].

В «Критике способности суждения» (1790 г.) Кант выделяет три фундаментальные способности души — способность познания, способность желания, чувство удовольствия или неудовольствия. Помимо теоретического и практического разума, Кант находит у человека третью способность — рефлектирующую способность суждения, которая проявляется, в суждениях вкуса, или эстетических суждениях. Кант обращается к концепции свободной игры, на которую намекал Мендельсон и которую развивал Зюльцер, для решения проблемы вкуса, которую подчеркивали британские эстетики, такие как Хатчесон и Юм, с работами которых Кант был близко знаком. Отталкиваясь от утверждения, которое Фрэнсис Хатчесон сделал в 1725 году, а Мендельсон повторно представил в 1785 году, Кант отмечает, что конкретный объект красив, исходя из предпосылки, что наше удовольствие от красивого объекта возникает независимо от какого-либо интереса к существованию объекта как физиологически приятного или как полезного для какой-либо цели, выраженной определенной концепцией полезности или морали [4, 7].

В своих рассуждениях Кант приходит к выводу. Во-первых, он утверждает, что в «чистых» суждениях вкуса наше удовольствие от красоты является реакцией только на воспринимаемую *форму* объекта, а не на какую-либо материю или содержание. К примеру, «в живописи, в ваянии да и вообще во всех изобразительных искусствах, в зодчестве, садоводстве, поскольку они изящные искусства, самая суть – это рисунок, в котором основу всех предпосылок для вкуса образует не то, что в ощущении доставляет удовольствие, а только то, что нравится благодаря своей форме», краски же контура или всего рисунка могут оживить предмет для ощущения, но не в состоянии сделать его достойным созерцания и прекрасным [7, с.83].

Это же касается убранства, что не принадлежит самому предмету, а лишь увеличивает удовольствие вкуса, словно приправа к основному блюду. К примеру, рамки картин, драпировка на статуях, или колоннада вокруг великолепных зданий. Однако чуть позже Кант вводит категорию «неотделимой красоты», которая представляет собой вид гармонии между формой объекта и его предполагаемой функцией, которая радует нас в красивом летнем домике или на скаковой лошади. Далее он напишет, что успешные произведения изобразительного искусства обычно имеют интеллектуальное содержание и радуют нас благодаря гармонии между их содержанием, формой и материалом.

Во-вторых, Кант предполагает, что когнитивные способности всех людей работают одинаково, то есть реагируют на определенные объекты одинаковым образом, даже когда они находятся в «свободной игре».

Эстетическим Кант называет такое суждение, основанием которого является ощущение, вызывающее в субъекте гармоническую игру воображения и рассудка, в свою очередь обуславливающую возникновение чувства удовольствия (мило, прелестно, восхитительно, отрадно и пр.) и неудовольствия. В «Аналитике прекрасного» формулируются основные характеристики эстетического суждения — суждения вкуса [7, с.53].

Кант пишет: «Приятным каждый называет то, что доставляет ему наслаждение; прекрасным — то, что ему нравится; хорошим — то, что он ценит, одобряет, т.е. в чём он усматривает объективную ценность. Приятное ощущают и животные, лишённые разума; красоту только люди» [7, с.62]. Далее Кант напишет, что «вкус есть способность судить о предмете или о способе представления на основании удовольствия или неудовольствия, свободного от всякого интереса. Предмет такого удовольствия называется прекрасным» [7, с.64].

Сравнивая прекрасное с приятным Кант пишет, что каждый человек опирается на свой личный опыт в отношении приятного. Философ приводит следующий пример. Человек охотно мирится с тем, что, «если он говорит, что канарское вино приятно, кто-то другой поправляет это высказывание и напоминает ему, что он должен сказать: оно мне приятно; и так бывает не только в отношении того, что вкусно для языка, нёба и гортани, но и в отношении того, что может быть каждому приятно для глаз и ушей. Для одного фиолетовый цвет нужен и мил, для других мертв и безжизненен. Один любит звук духовых инструментов, - другой струнных». Таким образом, в отношении приятного имеет силу тезис: «Каждый имеет свой вкус». С прекрасным дело обстоит иначе. Человек, представляющий себя ценителем вкуса, эстетом, считает, что предметы, которые нравятся ему и доставляет приятные ощущения должно непременно нравиться окружающим, иначе эти люди попадают в список особ, с отсутствием вкуса. Кант пишет, что это самонадеянность смешна и нелепа [7, с.66].

Кант разграничивает понятия прекрасного и совершенного. Красота целесообразна, совершенство же независимо от внешней целесообразности [5]. Кант описывает два вида красоты — свободную, существующую вне шаблонов, образцов и норм красоты, это мир природных явлений и объектов (к примеру, закат и восход, весеннее цветение и др.) и сопутствующую (мир предметов искусства, созданных с определенной целью, функцией и др.).

В.В. Бычков отмечает, что в качестве важнейшей характеристики XX века в сфере эстетики и художественной культуры должен быть назван дух радикального эксперимента, который привёл к становлению неклассического эстетического сознания [3, с.518-523]. Это сознание было сформировано под влиянием новаторски ориентированных («продвинутых») профессиональных художников, писателей, композиторов, искусствоведов, эстетиков.

Классические понятия эстетики расширили понятия неклассики: абсурд, повседневность, гипертекст, виртуальная реальность, эклектика, артефакт и др. Понятие красоты, прекрасного не исчезает. Его описание, презентация переосмысливается в свете современных достижений науки, технологий.

Резюмируя, стоит выделить три версии прекрасного в имплицитной и эксплицитной эстетике.

1. Для античного мыслителя Платона прекрасное существует как копия подлинной идеи красоты из мира идей [10]. Прекрасные *вещи, предметы* – это копии одной идеи – *идеи прекрасного*.

2. Для Канта красота есть качество вкуса [7]. Когда мы говорим о красоте в эстетическом отношении (по Канту), то речь идёт не о том, на что мы смотрим или о чём мы говорим. Речь идёт о том, кто смотрит, кто и что говорит (*эстетический субъект*). Главным в восприятии красоты является незаинтересованность предмета (его созерцание) без утилитарного применения.

3. Споры о красоте породили мысль о том, что эстетическое представление не исчерпывается предметом, ни взглядом на него. Когда мы говорим о красоте – самым важным является не предмет и не отношение к нему, а эстетический опыт, опыт проживания данного предмета, *процесс*. А.Е. Радеев пишет, что «эстетический опыт — это прежде всего опыт как испытывание». Под «эстетическим опытом» понимается испытывание особой встречи с единичным [9]. Под прекрасным подразумевается именно эстетический процесс, сопровождающийся сложным (порой не передающийся вербальным способом) эмоциональным, психологическим, даже физиологическим состоянием. К примеру, эстетический опыт во время просмотра фильма или посещения концерта, выставки, репетиций танцевальных коллективов. И.Н. Инишев в работе «Эстетизация и современное общество» пишет: «Эстетический опыт — это прежде всего территория свободы. Это уникальное пространство свободы, которым мы сегодня располагаем и которого, как я смею утверждать, не было у нас ещё никогда. Это пространство, на которое не может посягнуть никто извне: ни государство, ни институты, ни исторические каузальности, ни что бы то ни было» [6]. Таким образом, пройдя длительный путь от Платона до современности, испытывая влияние взглядов И. Канта и А.Г. Баумгартена, прекрасное можно трактовать, как психофизиологическое состояние субъекта, связанное с проживанием эстетического опыта вне утилитарных целей и с обретением чувства свободы.

Список использованной литературы:

1. Баумгартен / Электронная библиотека Института Философии РАН <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01ccfa84423c8faa2266b9cc>
2. Britannica, The Editors of Encyclopaedia. "Alexander Gottlieb Baumgarten". Encyclopedia Britannica, 15 Feb. 2024,

<https://www.britannica.com/biography/Alexander-Gottlieb-Baumgarten>. Accessed 15 February 2024.

3. Бычков, В. В. На пути к эксплицитной эстетике // Бычков В. В. Эстетическая аура бытия. - М.: Изд-в

4. Гайер, Пол, «Немецкая эстетика 18 века», Стэнфордская энциклопедия философии (издание осенью 2020 года), Эдвард Н. Залта (ред.), URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/aesthetics-18th-german/>>

5. Длугач, Т. Б. Критика способности суждения // Новая философская энциклопедия / Инст-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. Совета В.С. Стёпин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010.

6. Инишев, И.Н. Эстетизация и современное общество / 24.04.2017. Электронный ресурс <https://postnauka.org/video/75093> (дата обращения: 17.01.2024).

7. Кант, И. Критика способности суждения / Иммануил Кант; пер. с нем. Н. Соколова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 448с.

8. Прозерский В.В. У истоков эстетики // КПЖ. 2015. №4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-istokov-estetiki> (дата обращения: 17.01.2024).

9. Радеев, А. Е. Что же имеется в виду под опытом, когда мы называем его эстетическим? / А. Е. Радеев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2016. – № 4. – С. 53-62.

10. Ситникова, А. К. Концепция прекрасного в эстетике Платона и Аристотеля / А. К. Ситникова, В. С. Лапшина // Великие реки' 2019 : Труды научного конгресса 21-го Международного научно-промышленного форума: в 3-х томах, Нижний Новгород, 14–17 мая 2019 года. Том 2. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2019. – С. 292-294. – EDN KTSQCW.

11. Толстой, Л.Н. Что такое искусство? // Вопросы философии и психологии», 1897—1898 / Источник: Л.Н. Толстой Собрание сочинений в 22 т. — М.: Художественная литература, 1983. — Т. 15. Электронный ресурс: https://medeyko.com/wikisource/CHto_takoe_iskusstvo_-Tolstoj-I.pdf

12. Alexander Gottlieb Baumgarten, Ästhetik (1750–58). Translated, with an introduction, notes, and indices, edited by Dagmar Mirbach. Volume 1: Latin-German. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2007, pp. 11–18.

13. Baumgarten A.G. Metaphysica = Metaphysik. Historisch-kritische Ausgabe / Übers., eingeleitet und hrsg. von G. Gawlick, L. Kreimendahl. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann - Holzboog, 2011. 634 S.

ЛОЙКО А.И.

Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

ФИЛОСОФИЯ И. КАНТА И РОМАНТИЗМ

Тема связи философии И. Канта с культурной традицией романтизма активно обсуждается [1]. В качестве аргумента используется роль И. Канта в концептуальном становлении эстетики. Эта роль проявилась в написании мыслителем труда под названием «Критика эстетической способности суждения». Именно критический период в творчестве И. Канта рассматривается как очевидный поворот европейской философии от эпохи Просвещения к эпохе романтизма. Эстетика фактически демонстрировала этот поворот [2].

В эстетической модификации философия оказалась созвучной романтизму, особенно в возрастной модификации студенческой молодежи. Поэтому университеты стали генераторами новой эстетической антропологии. Тематика романтизма оказалась особенно востребованной молодежью на фоне механистического мировосприятия Просвещения. В этом восприятии не было места чувствам и литературным фантазиям. Одной из первых сформировалась Йенская школа романтизма. Она включала не только городское пространство Йены, но и городское пространство Веймара, в котором творили И.В. Гете и Ф. Шиллер. Они оказали влияние на становление взглядов Ф. Шеллинга [3].

Философия И. Канта стала основой формирования еще одной традиции европейского романтизма через университеты Вильно и Полоцкой иезуитской академии. Эта тема меньше исследована, поскольку связана с особой темой существования до конца XVIII столетия конфедерации Королевства Польского и Великого Княжества Литовского и последующей романтической ностальгией местного дворянства по «хорошим добрым временам». Эта романтическая ностальгия периодически трансформировалась в XIX столетии в восстания, за которыми следовала миграция их участников в США и во Францию, а также, следовали ссылки в Сибирь.

Особую роль в распространении романтической версии философии И. Канта в западных губерниях Российской империи играл университет в Вильно. По приглашению ректора университета с 1804 г. здесь осуществлял преподавательскую деятельность последователь И. Канта И.Г. Абихт. До этого он был профессором Эрлангенского университета. Его лекции, акцентированные на критическом периоде творчества И. Канта, оказали воздействие на студенческую молодежь из Беларуси. В числе студентов был Адам Мицкевич [4]. Он представил в последующем поэтический романтизм полиязычной литературы Беларуси XIX столетия [5]. Этот язык сочетал польский синтаксис с белорусскими диалектизмами. Эти диалектизмы были необходимы, поскольку они осуществляли реализацию романтизма через

описание локальной природы, традиций, быта и особенностей институциональной среды гражданского общества. Ключевой темой была любовь. Это видно по таким поэмам Адама Мицкевича как «Гражина», «Свитязянка», «Конрад Валленрод», «Дзяды» и «Пан Тадеуш».

Поскольку студенты университета в Вильно сочетали интерес к родному краю и малой Родине с участием в организациях филоматов и филаретов, то они подпадали под санкции ареста и высылки в регионы Сибири. Оказавшись в новых регионах, сторонники романтизма и философии И. Канта концентрировались на изучении этнической и религиозной культуры народов Сибири, Туркестана и Дальнего Востока. В числе ссыльных студентов были Т. Зан и М. Ковалевский.

Профессура университета в Вильно активно рефлексировала над философией И. Канта [6]. Это видно по работам Я. Снядецкого и А. Довгирда [7]. Этот критический анализ приобрел форму межуниверситетского диалога через академические издания профессуры университета Вильно и профессуры иезуитской академии Полоцка. Наибольшей критике философия И. Канта подвергалась профессорами иезуитской академии Полоцка [8]. Особенно выделялся критический анализ Джузеппе Анджолини.

Несмотря на критическое отношение к философии И. Канта в академических структурах образования, она через посредство студенческой молодежи в XIX веке стала частью образа жизни белорусского дворянства. Это проявлялось в интересе к археологии, открытии частных музеев, собирании коллекций и открытии библиотек. Эти компоненты романтизма стали частью дворцовых и парковых комплексов. В них важную роль стала играть музыкальная и театральная культура. Символом музыкального романтизма стал полонез Огинского, написанный под впечатлением расставания с родными местами.

Под влиянием романтизма начался возврат высших слоев местного общества к белорусскому языку. Фольклор стал важной частью музыкальной культуры. Это стало видно по творчеству композитора С. Монюшко. Написанная им опера «Галья» пропитана белорусскими диалектизмами и любовью к родным местам.

Но философия И. Канта стала частью культуры не только высших сословий. В числе сторонников и одновременно критиков этой философии оказался в настоящее время всемирно известный философ самоучка С. Маймон. Он родился недалеко от Минска в еврейской семье. Он довольно быстро пришел к ощущению неполноценности местной архаичной жизни, что в последующем и описал в своей автобиографии [9]. Поэтому его путь лежал в Восточную Пруссию, где он надеялся на философский диалог с И. Кантом. Но этот диалог требовал концептуальной подготовки и предполагал изучение философских работ И. Канта.

Для большей основательности диалога С. Маймон расширил свой концептуальный анализ до основных направлений европейской философии. Предметом его рассмотрения стали философские системы Б. Спинозы, Р.

Декарта, Г. Лейбница, Дж. Локка, И. Ньютона и представителей французского Просвещения.

С. Маймон с таким уровнем анализа трансцендентальной философии И. Канта выглядел убедительно в глазах кенигсбергского мыслителя. Их переписка была непродолжительной. С. Маймон понял, что он должен двигаться в направлении собственных оригинальных разработок на платформе немецкой классической философии. Он с этой задачей справился за свою непродолжительную жизнь. Его философия стала предметом изучения в постсоветской Беларуси. Фундаментальный анализ кантианской традиции на Беларуси осуществлен Т.Г. Румянцевой [10]. Также следует выделить исследование А.А. Легчилина и А.Ю. Дудчика [11]. Оригинальным является исследование А.И. Климовича [12].

Творческое наследие С. Маймона непосредственно исследуется в работах А.И. Бархаткова в аспектах психологизма и антипсихологизма [13], этики [14] и феномена гения [15]. Актуальными являются исследования С. Маймона созвучные тематике современных когнитивных наук. Это малоисследованный аспект продолжения идей И. Канта и С. Маймона в неокантианстве на территории Беларуси. Этот аспект проявился в деятельности Невельского кружка в пределах Витебской губернии Российской империи в начале XX века [16]. В этом кружке произошло сопряжение творческих дарований, идущих от немецких университетов. В губернии действовал ценз оседлости, и местная еврейская молодежь получала высшее образование в европейских университетах. В кругу этих людей оказался М.М. Бахтин, который воспринял концепцию эстетического человека И. Канта и его этическое учение, в центре которого оказался феномен поступка.

Эстетика И. Канта в работах М.М. Бахтина получила этическое продолжение, которое явно прослеживалось в романах Ф.М. Достоевского. На это обратил внимание М.М. Бахтин. Основным содержанием эстетического человека стал его моральный поступок, который был направлен против нигилизма. Из тематики эстетического человека морального поступка родилась концепция уроженца города Орша Л.С. Выготского. Ученый связал эстетику У. Шекспира с особенностями романтизма в области музыкальной культуры. Это позволило ему рассмотреть мышление и язык как культурно-исторические феномены среды социализации личности. Психоанализ им категорически отрицается. Акцент делается на когнитивные функции мышления и речи.

Таким образом, философия И. Канта на протяжении ряда столетий формировала концептуальную основу романтизма, не давая ему покинуть платформу рациональности.

Список использованной литературы:

1. Никонова С.Б. Становление и развитие homo aestheticus. О фильме Ф. Коллина «Последние дни Иммануила Канта» // *Studia Culturae*. - 2013. - №17. - С.44-51
2. Калинин, Л.А. Э.Т.А. Гофман и И. Кант. Преодоление романтизма: монография / Л.А. Калинин. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012 – 241 с.
3. Пухова, Н.В. Влияние идей И. Канта, И. Фихте и немецкого романтизма на формирование натурфилософских взглядов Ф. Шеллинга / Н.В. Пухова // *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология* – 2020 – № 2 – С. 67–72.
4. Дарьялова, Л.Н. Интертекстуальные мотивы в дискурсе свой/чужой в поэме А. Мицкевича «Пан Тадеуш» / Л.Н. Дарьялова, Е.А. Плутатырь // *Кантовский сборник* – 2005 – № 5 – С. 208-233.
5. Мякотин, В. А. Адам Мицкевич. Его жизнь и литературная деятельность : [12+] / В. А. Мякотин. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 100 с.
6. Клевченя, А.С. Философские идеи Канта в Белоруссии (к 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума») / А.С. Клевченя // *Веснік БДУ. Сер.3* –1981– № 7 – С. 25-28.
7. Шалькевич, В.Ф., Легчилин А.А. Рецепция философии И. Канта в Беларуси и Литве в первой трети XIX века / В.Ф. Шалькевич, А.А. Легчилин // *Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летия со дня рождения Иммануила Канта: Труды международного семинара и международной конференции: В 2 ч./Под ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – Ч.1 – С. 87-98.*
8. Легчилин, А. А. Немецкая философия в интеллектуальной культуре Северо-Западного края Российской империи: историографический обзор / А. А. Легчилин : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. «Национальные культуры в межкультурной коммуникации (Новая парадигма охраны культурного и природного наследия)», Минск, 11–12 апреля 2019 г.; редкол.: Т. С. Супранкова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2019. – С. 43–50.
9. Маймон, С. Автобиография / С. Маймон. – М.: Книжники, 2016 – 348 с.
10. Румянцева, Т.Г. И. Кант и его наследие в белорусской философии советского и постсоветского периодов / Т.Г. Румянцева // *Кантовский сборник* – 2021 – Т.40 – № 3 – С. 127-149.
11. Легчилин, А.А. Трансфер зарубежных идей в философской культуре Беларуси XIX-XX веков / А.А. Легчилин, А.Ю. Дудчик // *Философские науки* – 2020 – Т.63 – № 10 – С. 88-102.
12. Климович, А.И. Анджолини VS Кант: к философскому наследию Полоцкой иезуитской академии / А.И. Климович // *Кантовский сборник* – 2023 – Т.42 – № 1 – С. 107-131.

13. Бархатков, А.И. Философия Канта в контексте дилеммы психологизма и антипсихологизма // X Кантовские чтения. Классический разум и вызовы современной цивилизации: материалы международной конференции: в 2 ч. /под ред. В. Н. Брюшинкина. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. Ч. 1. С. 173 – 180.

14. Бархатков, А. И. Этические воззрения Соломона Маймона / А.И. Бархатков // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 1 (257). С. 142–145.

15. Бархатков, А. И. Соломон Маймон о понятии гения в науке / Бархатков А. И. // Философия и вызовы современности: к 90-летию института философии НАН Беларуси : материалы Международной научной конференции, Минск, 15–16 апреля 2021 г. : в 3 т. / Институт философии НАН Беларуси ; редкол.: А. А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2021. – Т. 3. – С. 129–130.

16. Лойко, А.И. Диалог в творчестве Ф.М. Достоевского, М.М. Бахтина и Л.С. Выготского / А.И. Лойко // Швейцарские тетради – 2021– №11 – С. 208-221.

ЛОЙКО Л.Е.

**Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь
ФИЛОСОФИЯ ИММАНУИЛА КАНТА И АННАЛЫ**

Иммануил Кант родился в Кенигсберге, в протестантской семье. Получил образование в Кенигсбергском университете, где затем и работал преподавателем философских, математических и физических дисциплин.

В творчестве И. Канта различают два периода: докритический и критический. Первый период творчества философа формировали взгляды Г. Лейбница, в которых особая роль отводилась математике, логике и онтологии, в рамках которой важную роль играла монадология. Выход в пространство мегамира заинтересовал И. Канта. Он увлекся астрономией и стал участником дискуссий о природе туманностей.

Его также заинтересовала космогония, предметом которой стала проблема происхождения Солнечной системы. Сам факт обращения к подобной теме стимулировал интерес И. Канта к диалектике не как к набору категорий, а как к концепции развития природных систем. Однако дискуссия о природе туманностей не дала ожидавшегося учеными однозначного вывода. В результате И. Кант понял, что познанию природных систем должно предшествовать исследование человека и его познавательных способностей. Эта установка стала началом второго периода философского творчества И. Канта.

Предметом его анализа стали гносеология, этика и эстетика. Основные результаты исследований были представлены в работах «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности

суждения». В этих работах И. Кант предпринял критический анализ познавательных возможностей человека, их пределов и границ.

Анализируя разум, он пришел к заключению, что субъект познания активен и нацелен на познавательную деятельность. Субъекту противостоит мир, сущность которого скрыта от первоначального взгляда. И. Кант называет его «вещь в себе».

Раскрыть свойства мира субъекту позволяет его активность и способность к познанию. Эту чистую возможность познания И. Кант называет трансцендентальной (от лат. *transcendo* – перешагивающий, выходящий за пределы) возможностью. Именно трансцендентальные, доопытные предпосылки познания делают познание возможным. Поэтому его учение получило название трансцендентального идеализма.

В структуре познавательного процесса И. Кант выделил отдельные его ступени. Их три – чувственное познание, основанное на ощущениях; рассудочное познание, основанное на формах логического мышления; разум, основанный на идеях.

На первом и втором этапах границы познания относительны, они коренятся в возможностях наших органов чувств и уровне развития науки и техники. Разум направляет рассудок, формулирует умозаключения, приводит все знания к единству, вырабатывает новые знания и общие принципы познания.

Но у разума есть принципиальные границы. Относительно некоторых идей разум не способен судить однозначно. Например, Бог, Душа, бессмертие. Они по своему существу недоступны познанию.

Рассуждая о них, теоретический разум приходит к противоречию. Такие противоречия между двумя одинаково правильными положениями Кант называет антиномиями (от гр. *antinomia* – против и закон).

И. Кант выделяет четыре антиномии:

1. Мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве. – Мир не имеет начала во времени и бесконечен в пространстве.
2. Всякая сложная субстанция состоит из простых частей. – Ни одна вещь не состоит из простых частей. И вообще в мире нет ничего простого.
3. Причинность по законам природы недостаточна для объяснения всех явлений. Существует свободная (спонтанная) причинность. – Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы.
4. К миру принадлежит безусловно необходимая сущность как его причина. – Нет никакой абсолютно необходимой сущности, ни в мире, ни вне мира, как его причины.

Преодолеть их возможно только практически, в действии, общении и поведении людей. Поэтому, обнаружив границы чистого разума, И. Кант перешел к анализу практического разума, что привело к созданию этической концепции.

Она основана на понимании свободы. Условия свободы: достоинство, долг и ответственность перед обществом, культурой, другими людьми.

Сознание людей связывает моральный закон. По словам И. Канта, две вещи восхищают его – звездное небо и моральный закон.

Моральный закон приобретает у Канта форму категорического императива (от гр. *kategorikos* – решительный, безусловный и лат. *imperativus* – повелительный) – безусловного нравственного веления.

Он имеет две формулировки:

1.«поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»;

2.«поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству».

Интегрированная с антропологией этика И. Канта в сочетании с понятием динамического пространства сыграла роль в становлении в XX в. во Франции исторической школы Анналов.

Методология новой французской исторической науки основана на апостериорном понимании пространства и времени [3]. Анналы стремились преодолеть отождествление исторического и физического времени.

В естественных науках время трактуется как однородная длительность, средство измерения конкретного природного процесса. Совершился ли этот процесс сейчас, вчера или тысячу лет назад – не имеет принципиального значения. Все отрезки физического времени равноценны.

Для историка же конкретное время тесно связано с протекающими в нем событиями, поэтому оно содержательно наполнено. Каждому типу исторических явлений присуща своя плотность, своя система счисления, следовательно, равные в физическом отношении отрезки времени могут оказаться неравными в историческом смысле. Более того, для истории нет единого времени, в ней всегда присутствует ансамбль времен. На них как раз и акцентирует внимание Ф. Бродель.

Текущее время отражает видимые события. Длительная временная протяженность, оперирует событиями и процессами в пределах столетий. Эти процессы оказывают неожиданное влияние на события. Так, Ж. Ле Гофф точкой отсчета Единой Европы считает цивилизацию средневекового Запада [4].

Каждая цивилизация вырабатывает свой тип государства и его функций. Для многих древних цивилизаций характерно соединение в верховной власти государственных и сакральных функций. Средневековое государство в Западной Европе строилось на системе вассальных договоров, поэтому его пределы менялись в зависимости от личных судеб властителей, отношений между ними.

Известно, что постоянным спутником цивилизации являются города, а переход человеческого общества к цивилизации иногда называют «городской революцией». В городе сосредоточены функции

политического, религиозного, экономического управления, торговля и ремесленное производство.

Но у каждой цивилизации свой тип городов. Античный город был открыт в сторону сельских поселений. По выражению Ф. Броделя, такой город еще только выделился из деревенской туманности [1. с.33-34]. Для средневековой цивилизации Европы свойственен тип закрытого города. Выйти за крепостные стены в то время – то же самое, что пересечь государственную границу сегодня.

Любое цивилизованное общество представляет собой комплекс взаимодействующих групп, обладающих различным статусом, особыми функциями в социальной иерархии. Тип социальной стратификации складывается под влиянием разнообразных предпосылок [2].

К ним относятся такие факторы, как войны, миграции, «бытовая кастовость», имущественное неравенство, собственность на средства производства. Важную роль в процессах социального расслоения играют правовые нормы и обычаи. Возможно существование групп людей, обладающих единым юридическим статусом, но по-разному относящихся к средствам производства. С другой стороны, группы, имеющие одинаковое отношение к средствам производства, могут принадлежать к разным правовым категориям. Поэтому цивилизация предполагает точное воспроизведение реальной картины социальной стратификации и обусловивших ее причин.

Тип человеческой личности складывается в каждой цивилизации на основе конкретной роли традиций, обычаев, идеалов, ценностей, символов, определяющих человеческое поведение. Следование традиции выступает необходимым условием осмысленного действия социальной общности.

Таким образом, между философией И. Канта и ментальной исторической наукой французской школы Анналов прослеживается прямая связь. Она указывает на то, что в научном пространстве продолжается интенсивное формирование междисциплинарных практик исследований, сформированных критическим периодом философского творчества И. Канта.

Список использованной литературы:

1. Бродель, Ф. Время мира / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1992. -679 с.
2. Лойко Л.Е. Исторические и методологические особенности исследования глобализации: школа Анналов // Научные труды Кубанского государственного технологического университета: по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «Современные социальные процессы в контексте глобализации», 15 мая 2019 г., г. Краснодар. – № 4, 2019. С. 46-52.
3. Лойко Л.Е. Междисциплинарный ресурс категории «время»: социально-исторические исследования школы Анналов // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы V междунар. науч. конф. (19–20

ноября 2020 г., г. Минск). В 3 т. Т. 1 / Ин-т философии НАН Беларуси. Минск: Четыре четверти, 2020. С. 103–106.

4. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, 1992. 376 с.

Т.Е. ЛЯМИНА

Смоленский государственный медицинский университет,
г. Смоленск, Российская Федерация
«ФИЛОСОФСКИЙ НИГИЛИЗМ»
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Период 20-х годов XX в. в нашей стране – время свободы и творчества, поиска новых путей развития общества, выдвижения новых идей в различных сферах общественной жизни. С другой стороны, победившая революция открывает путь к активной общественной деятельности широким массам малограмотных людей, не имеющим политического опыта, что приводило к упрощенной трактовке роли практики в марксизме.

В журнале «Под знаменем марксизма» за 1922 год (№ 5-6, №11-12) были напечатаны статьи С.К. Минина, одна из которых носила яркое название «Философию за борт!». Автор утверждал, что философия – идеологический инструмент буржуазии. Развивать философию марксизма означает вести на мозг рабочих «газовую атаку философией».

Пролетариат, по его мнению, должен не объяснять, а преобразовать мир на основе научных знаний. Определенное влияние на К.С. Минина оказал контовский «закон трех стадий». Он утверждал, что Россия 20-х годов находится в конце теологического периода. «Извлекая сельского работника из мусорной ямы религии, опустить его в чистый бассейн науки, минуя отравленную купель философии» - вот главная задача развития. [10, с. 198].

Взгляды К.С. Минина были сразу же подвергнуты критике. В. Румий (В.А. Ваганян) в статье, напечатанной в том же номере журнала и отражающей позицию редакции, указывает на непоследовательность и недостаточную продуманность позиции С. К. Минина. Действительно, он говорит не о каких-то определенных науках, а о науке вообще, абсолютно противоположной религии, которая «есть диалектический материализм».

Не всякая философия выражает интересы буржуазии, утверждает В. Румий, и далеко не всегда на основе научных открытий делаются правильные мировоззренческие выводы. «Выбросить за борт философию, значит выбросить за борт материализм. А сделать это, значит поднять руку против самого себя, против собственного мировоззрения основным столбом которого и является материализм» - писал он. [11, с. 129].

В советской литературе неоднократно утверждалось, что выступление К.С. Минина было напрямую связано с влиянием идей А.А. Богданова» [12, с. 162] и дало импульс широкому распространению нигилистических

настроений по отношению к философии. Так, например, Б.А. Чагин утверждал, что «на базе богдановской организационной науки возникли различного рода учения, которые нигилистически относились к культуре, созданной человечеством за многие тысячелетия, отвергали философию» [13, с. 23].

В этом отношении Б.А. Чагин прямо опирается на мнение А.М. Деборина и представителей его школы, которые отличались крайней нетерпимостью к инакомыслию. Свою философскую концепцию диалектического и исторического материализма деборинцы считали единственно правильной, ортодоксальным выражением ленинского этапа в развитии марксизма и жестко критиковали оппонентов, выдвигая против них политические обвинения.

Ученик А.М. Деборина Н.И. Карев писал: «Точка зрения на философию, как на идеологию буржуазии, сменяемую наукой, есть смесь Сен-Симона и О. Конта с Богдановым, позитивизма XIX века со стыдливым марксистскообразным идеализмом XX века» [7, с. 31-32].

Г.К. Баммель, видный представитель школы «диалектиков», в статье «О нашем философском развитии за 10 лет революции» (1927) утверждает, что «мининщина» является идейным обоснованием «Рабочей оппозиции» в политике и творчески «сопоставляет «синдикалистский позитивизм» с коммунистической «диктатурой философии» [1, с. 68].

«По стопам Богданова прошла группа товарищей во главе с С. Мининым, который в 1922 г. на страницах «Под знаменем марксизма» выступил с лозунгом «Философию за борт» – писал А.М. Деборин [6, с. 649].

На самом деле «мининцы», так называемые представители «ревизионистского уклона», не были знакомы друг с другом, отрицательно относились как к синдикализму, так и к идеям А.А. Богданова, никогда не принимали участие в деятельности «Рабочей оппозиции». Некоторые из них даже не отрицали философию.

Так, например, профессор Смоленского государственного университета В.Ф. Миллер, которого традиционно причисляют к «мининцам» писал в статье «К вопросу о философском наследстве (Об отношении научного социализма к философии)» (1924) о роли философии: «Философия есть наука наук, есть сумма обобщений, выходящих за пределы отдельных специальных дисциплин. Она есть, следовательно, отрицание, преодоление специализации. Она вносит единство и гармонию в развитие отдельных наук», правильное развитие которых невозможно без направляющего и регулирующего влияния философии [8, с. 27].

Эта работа была написана В.Ф. Миллером еще до революции и посвящена критике ревизионистского кантианства Э. Бернштейна, П.Б. Струве и махизма. А причина резкого неприятия и политических обвинений со стороны деборинцев состоит в том, что В.Ф. Миллер отчасти подверг критике и взгляды Г.В. Плеханова.

В условиях напряженной политической атмосферы конца 20-х годов В.Ф. Миллер написал опровержение в редакцию «Под знаменем марксизма», решительно отвергая приписываемое ему отрицание философии [9, с. 263].

Несмотря на то, что распространение «философского нигилизма» объяснялось тлетворным влиянием богдановщины, никакого нигилистического отношения ни к достижениям культуры, ни к философии у А.А. Богданова никогда не было.

На самом деле мыслитель является автором идеи культурной революции. Он первым пришел к выводу, что для победы социализма недостаточно захватить государственную власть и национализировать средства производства. Нужны еще и культурные изменения, просвещение широких масс, развитие пролетарской идеологии. Пролетариату необходимо усвоить культуру прошлого, преобразованную на новых коллективистских началах, преодолеть пережитки авторитаризма и индивидуализма.

«Задача философии – гармонически единое мышление мира – совпадает с задачей собирания человека, потому что мир есть вся сумма доступного людям опыта» - писал он [3, с. 39]. В исторический период господства специализации философия играет исключительно важную роль, делая попытки объединить разрозненный человеческий опыт.

«Философия, следовательно, может в такой мере организовать общесоциальный опыт, в какой он реально связывается и объединяется самой жизнью. В этих пределах объединяющие схемы философии будут объективны, за этими пределами они неизбежно произвольны, имеют значение лишь для отдельных групп или школ, иногда даже только личностей» - писал А.А. Богданов [5, с. 263].

С этими задачами связаны как важное историческое значение, так и трагизм философии. Задача преодоления специализации и собирания человека должна быть решена в жизни, а не в мышлении. По мере преодоления отрицательных последствий специализации «сама жизнь становится философией».

Мировоззрение А.А. Богданова является исключительно целостным. В «Тектологии» он ссылается на свои ранние работы, утверждая, что уже в них проводится «организационная точка зрения». К всеобщей организационной науке мыслитель приходит в результате развития эмпириомонизма. В ней речь идет о тех же самых элементах, комплексах и активностях-сопротивлениях.

Критики эмпириомонизма неоднократно утверждали, что последовательный эмпиризм ведет к замыканию в системе «чистого опыта» и, в конечном счете, к солипсизму, в результате чего эта философия «абсолютно несовместима с теорией развития» [6, с.56]. Однако, А.А. Богданов отмечал, что не следует отождествлять его понятие «физический опыт» с понятием «природа». Физический опыт – это социально-организованный результат преобразования природы коллективной человеческой трудовой и познавательной деятельностью.

Мыслитель также признает наличие природы независимой от человека и утверждает, что «если называть материалистическими теории, признающие первичность природы над духом, то эмпириомонизм тогда вполне «материалистичен» [2, с.67]. Развитие – включение в коллективный человеческий опыт все новых элементов и тектология выступает как концепция развития, инструмент организации мира.

В приписывании ему идей о вытеснении философии тектологией «виноват» отчасти и сам А.А. Богданов. В статье «От философии к организационной науке» (1921), являющейся своеобразным ответом на критику В.И. Невского, мыслитель писал, что философская полемика начала XX в. была для него «совсем не главным делом, а вынужденным отклонением в сторону» [4, с.115]. Стремясь реализовать на практике свои идеи, он не считает нужным возобновлять старые философские споры, в результате которых каждый остался при своем мнении.

Своей главной задачей в 20-х годах мыслитель считал пропаганду идей тектологии, максимальное внедрение системного подхода в науку, образование и экономику. Философ и его единомышленники всячески подчеркивали ее строго научный характер и обязательность выводов, независимо от решения философских вопросов. Они считали, что практические результаты тектологии заставят обратить внимание и на ее философские предпосылки.

Таким образом, для развития советской философии в 20 –х годах XX в. характерен не «философский нигилизм», а многообразие мнений в рамках марксистской философии. Кроме того, в первые годы советской власти продолжала существовать и немарксистская философия. Революционные события заставили многих глубоких русских мыслителей по-новому развить свои идеи.

Список использованной литературы:

1. Баммель Г.К. О нашем философском развитии за 10 лет революции. // Под знаменем марксизма. 1927. № 10-11. С. 46-88.
2. Богданов А.А. Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). // Вопросы философии. 1991. № 12. С.39-88.
3. Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 28-89.
4. Богданов А.А. От философии к организационной науке. // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 112-118.
5. Богданов А.А. Философия живого опыта. Пг.: Изд-во М.И. Семенова. – 2-е изд., 1916. 272 с.
6. Деборин А.М. Философия и политика. М: Издательство Академии Наук СССР, 1961. 746 с.
7. Карев Н.А. Проблема философии в марксизме. // Под знаменем марксизма. 1924. №8-9. С. 5-43.

8. Миллер В.Ф. К вопросу о философском наследстве. (Об отношении научного социализма к философии). // Научные известия Смоленского Государственного университета. Т. 2. Смоленск, 1924. С. 3-72.
9. Миллер В.Ф. Письмо в редакцию. // Под знаменем марксизма. 1928. № 3. С. 263-264.
10. Минин К.С. Коммунизм и философия. // Под знаменем марксизма. 1922. № 11-12. С.184-198.
11. Румий В. (Ваганян В.А.) Философию за борт? // Под знаменем марксизма. 1922. № 5-6. С. 127-130.
12. Чагин Б.А., Клушин В.И. Исторический материализм в СССР в переходный период (1917-1936). М.: Наука, 1986. 440 с.
13. Чагин Б.А. Очерк истории социологической мысли в СССР. - Л.: Наука, 1971. 243 с.

НАГОРНОВ Е.А.

Самарский государственный университет путей сообщения, филиал
в г. Нижний Новгород, Российская Федерация

НЕОБХОДИМОСТЬ НРАВСТВЕННОГО СУБЪЕКТА

Среди наиболее значимых многочисленных проблем современного российского общества, вновь радикально поменявшего культурную парадигму своего развития в 2022 г., на наш взгляд, является проблема завершающейся «ничтоизации», «обнуления» этического субъекта. В нынешнем «забетонированном» российском общественном поле быть *нравственным* в истинном кантианском объективно-философском смысле этого слова – не принято, не модно и даже опасно. Современная российская власть предпочитает видеть общество – атомизированным, разобщенным на отдельные хаотические ментальности и не объединенным какой-либо общей нравственной платформой. Так, современный политолог И. Будрайтскис отмечает: «Расщепленное на отдельных, противопоставленных друг другу индивидов, такое общество становится послушным материалом в руках элит и принимает собственную беспомощность и неспособность к любому солидарному действию как следствие неизменной исторической судьбы» [2]. Поскольку нравственная платформа всегда предполагает какую-либо личностную инициативу, то закосневшей политической системе, не желающей каким-либо образом меняться, она в качестве общественного института абсолютна не нужна.

Обратимся к кантианской деонтологической системе с ее *категорическим императивом*. В ней наиболее ярко представлены идеи нравственной активности субъекта, свободного нормативного творчества как важной составляющей критической деятельности философии. А также идея абсолютной самооценности каждого человека. Б. Рассел отмечает: «Кант утверждает, хотя, по-видимому, его принцип не влечет за собой это

следствие, что нам следует действовать так, чтобы каждый человек рассматривался сам по себе как цель. Это можно рассматривать как абстрактную форму учения о правах человека...» [4, с. 339]. Далее Рассел добавляет: «Если должна была бы существовать какая-то этика правительства, то цель правительства должна быть одной; и такой единственной целью, совместимой со справедливостью, является благо общества» [4, с. 339].

Все это предельно далеко от интересов современной российской политической элиты, занимающейся строительством сильной Империи и вряд ли желающей рассматривать на этом пути каждого конкретного человека как самоцель, скорее – как *средство*. Элиты, готовой с легкостью пожертвовать «благом общества» во имя торжества государственных идеалов. В результате нравственные смыслы и установки размываются, подменяются. Если и есть государственная система предельно далекая от идеи «категорического императива» – то это современная российская политическая система. Нравственный субъект, как важная производная европейской цивилизации, сейчас там же где и – НКО, независимость судей, оппозиционные партии, нерушимость Конституции, свобода печати, независимые СМИ, конкурентная политика, народное представительство и т.д. При этом не важно, кем является представитель ярко выраженной морально-этической позиции: либералом или крайним консерватором. Отношение власти в любом случае является резко негативным, что мы видим из последних внутри-российских событий.

Почему так происходит? Потому что нравственный субъект действует, сообразуясь со своим пониманием морального закона и следованием моральному долгу. Категорический императив Канта – исходит не из личной выгоды, не из коррумпированных интересов узкого круга, не из достижения внешних благ, но из уважения морального закона, одинакового для всех. Он – вне систем, а потому – опасен для системы. Нравственный субъект в своем максимализме действует без оглядки. В современных же российских условиях это уже невозможно и является определенным «вызовом» сложившемуся статус-кво и новой формирующейся общественной идентичности. Нравственный субъект не действует «по разрешению», «по согласованию», а исходит из внутреннего морального порыва, из общегуманистических установок. А потому мы и видим его постепенное устранение из общественного поля. Из всех видов нравственного проявления допускается только – безоговорочное служение государству и его интересам.

В принципе, нынешняя власть всегда была по большому счету *безнравственной*, лишенной какой бы то ни было морали и идеологии. Уже когда стояла на псевдодемократических неолиберальных позициях в начале нулевых. Прибыль, личная выгода, выкачка сырья, вывоз капитала, силовое доминирование всегда превалировали над интересами отдельного человека. Уже тогда закладывалась «эта холодная циничная бюрократия», эта «бесчеловечная система» (Ю. Шевчук). Сейчас же, в условиях сложившегося

автократического правления – эти тенденции еще больше усилились и проявились на фоне «чрезвычайного положения» и противостояния с коллективным Западом. Получается, что последние 25 лет общество как-то обходилось без нравственности, без деонтологии. Без Сократа, без Спинозы, без Канта. И вроде бы и дальше можно транслировать строительство общества без этих составляющих. Скреплять государство за счет серых коррупционных схем в интересах олигархической элиты, за счет формирования «полицейского государства», подменяя право силой и дальше игнорируя запросы со стороны граждан. И мы видим, что это вполне работает. В последнее время к этим государственным скрепам еще можно добавить колоссальную пропагандистскую машину и усиление чувства национальной идентичности на фоне эскалации анти-западных настроений. Вот только – что это будет за государство, полностью лишенное изначального нравственного фундамента? Будет ли оно человеческим, будет ли оно гуманным? Кто будет бенефициаром подобного государственного строительства? Как скажется в будущем отсутствие нравственных ориентиров, как в политической системе, так и в самом обществе? Вот вопросы, на которые, скорее всего, придется отвечать.

На наш взгляд, без соблюдения *морального закона* не будет никакого справедливого общества. А анти-гуманитарный характер власти, когда власть ради своих личных сиюминутных выгод игнорирует духовные, экологические, исторические, общечеловеческие ценности – ни к чему хорошему не приведет. Поэтому вопрос, например, кантианской этики – нам представляется чрезвычайно актуальным и своевременным в нынешних российских условиях. В свое время именно на этой этике выросло гуманитарное государство с «человеческим лицом» в послевоенной Германии, что выражалось в деятельности таких политиков как К. Аденауэр или В. Брандт. Эту этику транслировал М. Горбачев при создании «общеевропейского дома» (он в отличие от нынешней власти общался с философами, а не давал им тюремные сроки). Это лучше бы сплотило и сориентировало общество, чем эскалация агрессии и негативный пропагандистский образ Другого. Не случайно Н. Бердяев в своих «Размышлениях о русской революции» отмечал: «Нельзя жить негативным чувством, чувством ненависти, злобы, мести. Нельзя негативными чувствами спасти Россию. Революция отравила Россию злобой и напоила ее кровью... Никакая жизнь не может быть создана отрицательным, в основу ее должно быть положено положительное. Наша любовь всегда должна быть сильнее нашей ненависти... Кровь порождает кровь» [1, с. 40].

Кантианская деонтология представляется нам определенным выходом из современной исторической ситуации, в которой оказалась Россия. Необходимо вновь воссоздать права деонтологического нравственного субъекта, как во власти, так и в самом обществе. Философия снова становится политической. Возращение новой деонтологической модели, на фоне размывания и пропагандистской эрозии смыслов, и последующая ее

трансляция на общество – вот важная задача современной российской философии. И задача по-чаадаевски сложная: поднять авторитет нравственных человеческих обще-гуманистических отношений на фоне эскалации негатива и культурного раскола. В условиях, когда политическая элита не ценит гуманистические ценности – философия должна что-то предоставить, что-то создать, дабы разбудить общественный интерес. Необходима новая культурно-философская почва, на которой произошел бы новый, в том числе и *нравственный субъект*. Сейчас он всячески – забит и затоптан. Но – необходим. А где его взять? В том числе и в кантианстве, в его этической модели. Вновь, в условиях очередной архаизации общественного сознания, наступает время гуманитариев через кантианство раскрывающих суть человеческого достоинства и внутренние задачи человека. Нужен устойчивый самостоятельный нравственный субъект, с развитым этическим мироотношением. И развиваться ему в современных российских реалиях будет предельно тяжело. Но он необходим в качестве духовно-нравственного маяка, в качестве вектора развития. Как то, что противостоит «ничтоизации» субъектности. Нужна нравственная *epoche*, приостановка, подвешивание. Из которой бы что-то принципиально новое получилось.

По мнению современного российского писателя Дм. Быкова – гуманитарной интеллигенции слишком долго внушали, что она ничем не может управлять, ничего не способна организовать. Что власть и политика – не ее дело. Что политика – «дело грязное» и ей должны заниматься люди с «грязными руками и холодными сердцами». В итоге мы пришли к чисто силовому характеру полицейского государства и господству автократии. К миру тотального запрета и негатива в отношении основополагающих гуманитарных свобод, что, в частности, противоречит и духу кантианской философии. Сложилась ситуация, о которой прекрасно сказал А. Левинсон, рассуждая о проблемах современной российской интеллигенции: «Так же были разрушены их социальные связи и поддерживаемая этими связями идентичность... Интеллигенты пока остаются в России ли, или уже нет, - но такого социального феномена больше не будет. Руина» [3 с. 13]. Отсюда главная задача российской философии – приостановить дальнейшую маргинализацию нравственного деонтологического философского субъекта и обозначить его этическую позицию посреди нового витка российской истории.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н. Новое Средневековье. М., 1990.
2. Будрайтскис И. Об истоках и сущности путинизма // Сигма. – 2022. 4.10.22 – URL: <https://syg.ma/antiwar> (дата обращения: 28.01.24).
3. Левинсон А. Руина-22 // Неприкосновенный запас. – 2023. - № 1.
4. Рассел Б. История западной философии [В 2 т.] Т. II. Кн. 3. М., 2017.

Назарова М.Г.
Владимирский юридический институт ФСИН России,
г. Владимир, Российская Федерация
**К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ОНТОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ И. КАНТА**

В статье рассматривается проблема формирования гуманистических ценностей с позиции современной педагогики и философии. Дается современная интерпретация онтологического учения И. Канта, осмыслены его философские вопросы и категорический императив.

Проблема формирования мировоззрения современного человека по-прежнему остается актуальной, как и в прошлые исторические эпохи. Мировоззрение как система взглядов человека на мир, должна пройти своеобразную проверку временем, включая чувственно-эмоциональную содержательную сферу и совокупность сложившихся убеждений и ценностей личности. Менталитет общества определенной эпохи тесно связан с мировоззрением личности.

В год 300-летнего юбилея Иммануила Канта мы вновь поднимаем злободневную проблему формирования мировоззрения личности и общества и обращаемся к работам великого немецкого мыслителя, совершившего переворот в философии.

С точки зрения И.Канта субъект самостоятельно конструирует объект, который он познает.

Из четырех важнейших философских вопросов, которые формулирует И.Кант, на первое место он ставит вопрос о познании мира: «Что я могу знать?». Так, рациональное постижение бытия выходит на первую позицию. Но на втором месте вопрос о нравственном постижении мира: «Что я могу делать?». Так, нравственно-практическое освоение мира идет одновременно с рациональным познанием и неотделимо от него. А нравственное, в свою очередь, связано с религиозным, отсюда следующий вопрос: «На что я смею надеяться?».

И четвертый философский вопрос И.Канта связан с постижением самого человека: «Что такое человек?». Итак, антропологическое звучание приобретают все четыре вопроса.

Проблема категорического императива И.Канта, сформулированная им более 300 лет назад в «Критике практического разума», по-прежнему актуальна: «Поступай всегда так, чтобы максима (высший принцип) твоего поведения могла стать всеобщим законом для всех». То есть поступай так, как ты бы мог пожелать, чтобы поступали все».

Категорический императив имеет и другую формулировку: «Относись к человечеству в своем лице (так же, как и в лице всякого другого) всегда только как к цели и никогда – как к средству. В моральном учении И. Канта человек освещается в двух аспектах:

- человек как явление;

- человек как «вещь в себе».

В современном обществе проблема формирования гуманистических ценностей и высоких нравственных идеалов по-прежнему остается актуальной. К данной проблеме обращаются педагоги и психологи, философы и общественные деятели. Так, например, сторонники личностно-ориентированной педагогики акцентируют свое внимание на культурологическом, коммуникативном, субъективном содержании образования. Обозначенная в заголовке проблема тесно связана с вопросами организации культурной и нравственно-эстетической среды в рамках образования, формирования эстетического опыта и эстетической культуры в вузах и школах России. Продолжает развиваться педагогическая парадигма – концепция Педагогики Свободы, которая опирается на идеи гуманистического воспитания и использует понятия: «свобода личности», «гуманистические ценности». Активно развиваются в современной педагогике методы «личностно-ориентированного образования», авторы данной концепции используют в качестве базового понятия термин «саморазвитие личности» [1, с. 8-15]. При этом гуманизм продолжает рассматриваться как важнейшая черта развития современной культуры; гуманизм как идеология утверждает признание человеческой жизни высшей ценностью [6, с. 187-195].

Таким образом, важнейшие вопросы, поднятые и осмысленные И.Кантом более 300 лет назад, остаются также актуальными и сегодня, категорический императив имеет глубокую ценность и непреходящее гуманистическое звучание, так как «человек всегда должен относиться к другому человеку как к цели и никогда – как к средству»! С позиции современных политических коллизий и геополитических военных столкновений, данная фраза приобретает особую остроту.

Список использованной литературы:

1. Газман О.С. Новые ценности образования: содержание гуманистического образования /О.С.Газман, Р.М. Вейсс, Н.Б.Крылова. – М., 1995.
2. Голубева Л.Н. Современная образовательная ситуация в свете феноменологической философии // Феноменологические исследования. Обзор философских идей и тенденций. Ежегодник. 2005. № 6. С. 72-73.
3. Зеленов Л.А. Методология индикации //Человечество в XXI веке: индикаторы развития. Материалы IV Международной ярмарки идей. – Н.Новгород, 2001. С.15-17.
4. Куренкова Р.А. Мир культуры и культура мира // Феноменологические исследования. Обзор философских идей и тенденций. Ежегодник. 2005. № 6. С. 68-69.
5. Назарова М.Г. Модель духовно-нравственного воспитания сотрудника правоохранительных органов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 5 А. С. 70-76.

6. Назарова М.Г. Проблема нравственного формирования личности в современной культурно-образовательной среде //Организация образовательного процесса в вузах: современное состояние, проблемы и перспективы : сб. материалов науч.-метод. конф. (Рязань, 30-31 марта 2017 г.). – Рязань: Академия ФСИН России, 2017. – 324 с. С.187-195.

ПЕТЕВ Н.И.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация

**УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ, ВСЕОБЩНОСТЬ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ
ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА И.КАНТА**

Время и пространство являются и в настоящее время предметом споров и дискуссий. Их качество и специфика всегда интересовали индивида, и они являются объектами интереса не только физиков, космологов, но и философов. Обыденный язык, как и мышление, часто указывает на то, что время способно «идти», «бежать», «кончаться», «проходить», «останавливаться» и т.д. Добавление глаголов в качестве некой способности времени не случайно. Если существительное отражает настоящее и прошлое, то глагол – будущее [1, с. 211-213]. Подобно прилагательному, последний может служить обоснованию девальвированного существительного (понятия). Применительно к времени глаголы в повседневности используются для установления его объективности, постоянного присутствия, самостоятельности, наделяя его автономией. Аналогично и с пространством: одного эмпирического факта достаточно, чтобы определять его как реально наличествующее. Но вместе с тем оба слова (понятия), – время и пространство, – при более глубоком осмыслении подвержены инфляции. Условная дефиниция хоть и освещает определяемое, но оно остаётся прозрачным, тусклым и рассыпающимся при попытке конкретного, всецелого, объективного её построения.

Стоит указать, что законы движения Ньютона И. покончили с абсолютным пространством (абсолютным положением в пространстве), а теория относительности освободила исследователей от абсолютного времени [5, с. 49]. Таким образом, оба этих феномена стали рассматриваться относительно, в частности в парадигме работы естественных физических законов. В философии Кант И. выдвигал принцип субъективности времени и пространства. Они являются двумя субъективными условиями чувственности (созерцания) [3, с. 69, 74], благодаря которым вообще возможна фиксация предмета (точнее феномена) вне человека. Он также исключает их из сферы рассудка, т.е. они не мыслимы им и не могут быть выражены в форме рассудочных понятия. Кант И. тем самым решает проблему инфляции понятия, как и времени, так и пространства. Однако, в данном случае возникает следующая проблема: если время и пространство не являются чем-

то внешним (ни предметом, ни вещью, ни явлением), то каким образом можно определить их, а также назначить им место в системы познания.

Пространство, данное заранее (a priori), позволяет фиксировать ощущения чего-то находящегося вне. Оно разрешает не только определить их местоположение, но и различие. Время же, хоть и аналогично пространству, представляет собой внутреннее состояние чувствующего (созерцающего). Более того, представление о пространстве не может быть заимствовано из внешних отношений [3, с. 66], так и время не определяемо внешними явлениями [3, с. 74]. Они независимы от вещей, и более того невозможно представить вещь (явление) вне времени и пространства. Кроме того, и время и пространство не являются свойствами или качествами, которые присущи вещам как таковым. Они не могут быть также и эмпирически объективными. Если было бы именно так, то и время и пространство являлись ноуменами («вещами-в-себе»), а потому были бы недоступны. Отсюда же проистекает положение о невозможности их приравнивания к феноменам.

Таким образом, Кант И. избегает объективизации времени и пространства, и исключает необходимость четкого определения в парадигме рассудка (как понятие). Однако вместе с тем он не избавляется от объективности окончательно. Итак, время объективно в отношении к явлениям (но не вещам) [3, с. 75-76], а пространство имеет объективную значимость для явлений [3, с. 70]. Будучи условием любого чувственного восприятия (созерцания), и данные a priori, они должны в одинаковой степени быть присущи всем индивидам. В противном случае, при наличии разности чувственности, имелась бы вариативность результатов при обработке категориями рассудка. Будучи своеобразными «фильтрами» или «компрессорами» время и пространство объективны и всеобщы в аспекте универсальности в рамках процесса восприятия (чувственности) каждого индивида. Даже если и имеет место различие, то его степень, в частности в качественном аспекте, должна быть таковой, что ей можно пренебречь. В ином случае подобная аномальность приводила бы к затруднениям, в частности в процессе коллективного восприятия, оценки и передачи информации о том или ином явлении.

Кант И. отмечал, что на основе времени индивид и имеет понятие изменения и движения [3, с. 73]. Вместе с тем, время и пространство, а конкретнее чувственное созерцание, отражает внешнее отношение, в частности протяжение, движение, движущие силы и т.д. При этом необходимым является фиксация следующих друг за другом событий. Но всегда ли время «работает» одинаково? Ярким примером является модель восприятия одного события разными наблюдателями в состоянии покоя и равномерного движения. Для одного наблюдающего события будут одновременны, для другого – последовательны [4, с. 80-81]. В первом случае чувственная фиксация обоих событий происходит без воздействия, во втором – на неё влияет фактор движения наблюдателя. Событие – это нечто

происходящее в определённой точке пространства и в определённый момент времени [5, с. 39]. Любое событие представляется в парадигме изменения этих компонентов (чисел, координат, систем отсчётов и т.д.), или производных/модифицированных от них. Таким образом, в движении, например, одно событие происходит раньше по причине приближения нему («сигналу», например свету необходимо преодолеть меньшее расстояние). Поэтому событие один будет раньше события два. Отдаляясь, необходимо будет возникать иная картина: событие, от которого мы отделились дальше будет восприниматься с запозданием. В данном случае также будет некая последовательность событий.

Физические законы в определённой степени не просто влияют на наши ощущения, но и предполагают плюрализм выводов и суждений. Некая универсальность времени и пространства как форм чувственности (созерцания) не только относительна, но и субъективна в аспекте наблюдающего. Истоком этой субъективности вместе с тем являются объективные условия и качество того материала, который доставляется индивиду. Интересно, что вычисление скорости света, а точнее того, что она не зависит от скорости перемещения наблюдающих связано как раз с отсутствием корректировки ощущений. Дело в том, что их восприятие времени и пространства различны, их часы будут идти по-разному, а часы мозга также будут работать не абсолютно идентично [4, с. 120]. Таким образом, случайная фиксация замедления времени не может быть обнаружена, т.е. для индивида время шло бы как «обычно». Кроме того, специальная теория относительности предполагает, что чем выше скорость (относительная) тем выше замедление времени движущегося относительно наблюдателя, находящегося в стационарном состоянии. При этом, при приближении к скорости света время предположительно должно остановиться.

Другой пример связан с влиянием гравитации. Вблизи массивного тела время должно течь медленнее [5, с. 48-49]. Иными словами, чем выше масса тела, тем сильнее гравитация, и чем ближе к гравитирующей массе находится наблюдатель/фиксатор, тем время для него течёт медленнее. Таким образом, предположим, что имеется массивное тело с сильной гравитацией, вокруг которого имеется два разно удалённых объекта (планеты), то течение времени на них будет различно. Сторонний наблюдатель, находящийся вне вышеуказанной системы, сможет определить разницу, вместе с тем, размещённые наблюдатели на данных объектах не смогут определить «отставание» времени. Иными словами, на ближайшем объекте к гравитирующей массе может пройти один час, на втором – месяц, а для внешнего наблюдателя – год.

Ещё один интересный пример: парадокс близнецов. Один из них остаётся на Земле, второй – отправляется в долгое путешествие на космическом корабле со скоростью, близкой к скорости света. По возвращению путешественник предположительно должен быть значительно

моложе своего брата [5, с. 49]. Таким образом, предположительно, что «замедление» это не просто лишь ощущения, но и непосредственное состояние, связанное с иным течением физических законов.

Данные примеры необходимы для презентации следующей идеи: с одной стороны, время и пространство действительно подчиняется субъективности (например, наблюдающего), с другой – они не являются лишь компонентами психической особенности индивида, т.е. они связаны с некоторыми силами вне индивида. Итак, Кант И. отмечал, что время есть условие явлений внутренних явлений, и тем самым косвенным условием внешних явлений [3, с. 74]. Это вполне соответствует представлению о том, что даже при изменении условий (замедлении времени), индивид не будет фиксировать перемены, в отличие от наблюдающего со стороны (вне воздействия силы, манипулирующей ходом времени).

Далее же Кант И. указывал, что различные времена суть лишь части одного и того же времени, и первоначально время должно рассматриваться как неограниченное [3, с. 72]. Но теория относительности низвергла идею абсолютного времени. Каждый индивидуум имеет свой собственный масштаб времени, зависящий от того, где он находится и как он движется [5, с. 49]. Гипотетически имеются системы с более «быстрым», или более «медленным» временем. Таким образом, время является неравномерным, если рассматривать разные её масштабы по ту его сторону, а также в соотношении друг с другом. Вместе с тем, для каждого индивида «его собственное время» будет нормальным, и не будет характеризоваться как «медленное» или «быстрое». Подобное положение вещей аналогично спору движущегося и стационарного наблюдателей о том, одновременно произошли события или разнесены во времени и пространстве [4, с. 121-122]. Но это время всегда для индивида будет его, и в рамках привычной системы исчисления. Кант И. писал, что определённая величина времени возможна лишь путём ограничения одного, лежащего в основе (бесконечного) времени [3, с. 72]. Если подобное верно, то и «замедление» и «ускорение» времени есть аналогичный процесс, поэтому это также будет тем же самым временем, не выбивающимся за пределы процесса временности (единого для индивида течения времени). Если было бы наоборот, то аномалия не позволяла бы совершать никаких актов восприятия, или же они были бы разрозненными (не целостными). В данном случае, снова вскрывается та же субъективность, которая присуща всем индивидам, т.е. представляет собой объективность, всеобщность и универсальность.

Аналогично времени, множество пространств есть продукт ограничения одного-единого пространства [3, с. 66]. Каково бы ни было разнообразие отношений и специфика внешних явлений, пространство всегда остаётся для индивида тем же, т.к. в ином случае не было бы возможно целостное созерцание. Стоит указать, что в физике существует гипотетическое представление о Мультивселенной. Оно предполагает, что существует огромное количество альтернативных реальностей, которые

могут быть похожи на наши или даже кардинально отличаются. Но возможно ли, чтобы индивид мог воспринимать подобные реальности? Возможно ли в них чувство (созерцание)? Интересно, что многомировая интерпретация (ММИ) предполагает наличие параллельных миров, в которых действуют одни и те же законы природы и мировые постоянные. Возникающие ощущения при таком положении вещей могут быть тем материалом, который удовлетворял бы кантовские требования для возможности восприятия. В противном случае, оно было бы невозможным, т.к. не только не существовало возможности отнесения ощущений к чему-то вне меня, а также установления их многообразия и различия, но и само внешнее явление соответственно невозможно. Субъективность в данном случае также приобретает объективность, всеобщность и универсальность.

Любое явление фиксируется в рамках дифференциации его элементов, а также в рамках установления последовательности, т.е. через пространство и время. Эта последовательность эмпирически имеет один вектор (направленный в будущее). Совершенно естественным для нашего восприятия будет ситуация, при которой, упавший с подоконника горшок разбивается на части, или когда оторванная деревянная ручка остаётся в руке человека. Но мы явно признаем аномальным, если разбившийся горшок «магическим» образом «соберётся» и «запрыгнет» на подоконник, или деревянная ручка вновь обретёт свою первоначальную целостность. Фейнман Р. приводит примеры с разделением окрашенной и чистой воды с течением времени, а также с механизмом движения колеса только в одну сторону, для презентации соотношения настоящего и будущего. Он отмечает, что во всех законах физики до сих пор не обнаруживается различие между прошлым и будущим [4, с. 148]. Аналогичное мнение можно встретить у Хокинга С. [5, с. 174]. Таким образом, физические законы не противоречат идеи обратного направления времени. Физические законы, определяющие отношения явлений, не будут влиять на парадигму чувственного созерцания (времени и пространства), а потому сохранялись бы кантовские требования для возможности восприятия.

Подобное положение вещей возможно, если стрелы времени (термодинамическая, психическая и космологическая) направлены в одну (обратную) сторону, а энтропия уменьшается (например, при сжатии Вселенной). Но если эти условия не соблюдены, тогда вышеуказанное невозможно [5, с. 181, 183]. В таких несоответствующих обстоятельствах, даже учитывая наличие априорных времени и пространства, будет отсутствовать материал для формирования ощущений. При наличии формы, ей нечего было бы обрабатывать и упорядочивать, а соответственно также отсутствовал бы ресурс для «работы» рассудка и разума. Реверсивная последовательность событий (движение назад) вызывает больше вопросов и сомнений, чем потенциальных возможностей для чувственного созерцания. Более того, слабый антропный принцип в рамках осмысления направления стрел времени может исключать жизнь вообще [5, с. 182-183]. Всё

вышеуказанное позволяет нам также установить объективность, всеобщность и универсальность для субъективных форм созерцания как время и пространство.

Возвращаясь к принципу альтернативных реальностей, стоит выделить гипотезу модального реализма (Льюис Д. [6]). Она предполагает, что все возможные миры реальные. Действительность и возможность – это два дополняющих свойства одного и того же мира. Для этих миров должны соблюдаться определённые условия, но одно из самых интересных: альтернативный мир отличается по содержанию, но не по виду. Иными словами, должны существовать фундаментальные, общие положения и принципы. При этом, подобные миры должны быть изолированы друг от друга. Важным в данном случае является то, что альтернативная реальность должна отличаться по содержанию, что не будет по сути влиять на аспект субъективности: в таких условиях формы времени и пространства должны быть аналогичны, или даже тождественны (как модифицированное требование индексной актуальности – требование «здесь» и «сейчас»). Всё вышеуказанное приводит к следующим выводам. Во-первых, для всех возможных миров должны соблюдаться общие условия (аналогично ММИ), в ином случае это мир другого рода, т.е. невозможный, в частности для восприятия даже как возможного. Во-вторых, изолированность альтернативных реальностей исключает смешение актуальностей этих миров, т.е. невозможность однозначно установить какой из них «мой» и каковы их границы. В-третьих, смешение индексации приведёт к коллапсу единичности (собственно индивида и его мира). Но вместе с тем, и для данной гипотезы соблюдается некий субъективный принцип, который имеет всеобщее распространение и объективные условия.

Опираясь на указанную гипотезу, можно предположить, что любой акт (реализация выбора) порождает некие альтернативные реальности. Реализуемое таким образом становится элементом индексации. И даже для данного гипотетического построения должны сохраняться всё те же субъективные компоненты, в том числе формы чувственного созерцания. Однако, сделанный выбор, при котором альтернативы остаются нереализуемыми (в состоянии «свернутости», «в-себе»), вызывает проблематику сведения возможности к действительности.

Также необходимо отметить интересную гипотезу о существовании мнимого времени. Оно аналогично пространству, поэтому для него нет существенной разнице движения в противоположных направлениях [5, с. 173]. Если реальное время имеет движение только вперёд на координате реального времени, расположенная вертикально координата мнимого времени открывает возможность альтернативных положений (прошлого и будущего, «впереди» и «позади» и т.д.). Существует мнение, что именно мнимое время является реальным (фундаментальным), тогда как реальное – субъективным (воображаемым) [3, с. 170]. В таком случае может работать принцип Канта И., что конкретное время есть ограничение бесконечного

времени. Можно предположить, что реальное время – это редуцированное мнимое время, что утверждает некую субъективность в форме объективности, всеобщности и универсальности. Стоит отметить, что принцип мнимого времени позволяет схематизировать возможность существования нереализуемых событий (в состоянии «свернутости», «в-себе») как находящихся в отношении с реальным, но не локализуемой на его координате (т.е. не имеющих место в локальных времени и пространстве).

Подводя итоги, стоит отметить, Кант И., аналогично Ньютону И. и Эйнштейну А., осознавал то, что абсолютное время и пространства не существуют. Это привело к их субъективизации. Однако немецкий мыслитель идёт дальше. Он констатирует отделение времени от пространства и отрицает их как «вещи-в-себе» (реально наличных). Физика же указывает, что время и пространство не отделены полностью друг от друга [5, с. 38; 4, с. 123], они влияют на всё во Вселенной, но и сами испытывают от них влияние [5, с. 50]. В действительности Кант И. не смог полностью отказаться от объективности, всеобщности и универсальности времени и пространства. Гегель Г.В.Ф. отмечал, что превратно понимать объективность и субъективность как противоположность, они диалектичны [2, с. 392]. Кантовские время и пространства также остались жесткими условиями созерцания и восприятия, без которых невозможно обработать материал. Они также объединены как формы чувственного созерцания, и именно через их совокупность возможен данный процесс. Кроме того, они присущи всем людям без исключения. Вышеуказанное же разногласие может быть объяснено тем, что взгляды Канта И. могут интерпретироваться только в рамках психологической стрелы времени.

Хотя вышеуказанные примеры из физики относятся к области рациональности (рассудка и разума, и не являются эмпирически абсолютно доказанными), а не чувственности, тем не менее, они подходят для выявления некой относительной (психической) объективности, всеобщности и универсальности времени и пространства, которая в изолированном (локальном) состоянии всегда будет субъективностью.

Список использованной литературы:

1. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2014. 351 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Логика. М.: АСТ, 2022. 448 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2014. 736 с.
4. Фейнман Р. Характер физических законов. М.: АСТ, 2020. 256 с.
5. Хокинг С. Краткая история времени: От Большого взрыва до чёрных дыр. СПб.: Амфора, 2017. 231 с.
6. Lewis D. The Possible and the Actual: Readings in the Metaphysics of Modality. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1979. 334 с.

РОЗНОВА М.А., ЯКСЯРГИН Л.М.

Арзамасская центральная районная библиотека им. И.Н. Сахарова

МБУК «МЦБС» городского округа город Арзамас

Нижегородской области, г. Арзамас, Российская Федерация

**РОМАН С. ЛЕМА «СОЛЯРИС» И ГНОСЕОЛОГИЯ И. КАНТА:
НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЛОСОФИИ**

Станислав Лем не был доволен обеими известными экранизациями своего романа «Солярис». И дело здесь не в слишком вольном прочтении литературного первоисточника, к этому писатель относился вполне благосклонно: «Пока экранизация не выходит открыто за пределы духа оригинала, не искажает и не противоречит содержащейся там интерпретации мира, любой создатель имеет право направиться своей собственной дорогой». Роман «Солярис», по мнению писателя (если судить по его высказываниям об обеих экранизациях), не был понят на сущностном уровне ни Тарковским, ни Содербергом. В обоих фильмах отсутствует то, ради чего писалась книга, а акценты смещены на «фоновые» вопросы. Удивительное разночтение в понимании главной идеи романа свойственно также книжным рецензиям и читательским отзывам на роман «Солярис».

В числе «принципиальных претензий» к фильму Андрея Тарковского Станислав Лем замечает: «он снял совсем не "Солярис", а "Преступление и наказание"», явления же главному герою фантома Хари использовались писателем «для реализации определённой концепции, которая восходит чуть ли не к Канту. Существует ведь *Ding an sich*, непознаваемое, Вещь в себе, Вторая сторона, пробиться к которой невозможно». И тут же писатель прямым текстом указывает на значимость в романе именно философских проблем человеческого познания: «В моей книге необычайно важной была сфера рассуждений и вопросов познавательных и эпистемологических, которая тесно связана с соляристической литературой и самой сущностью соляристики, но, к сожалению, фильм был основательно очищен от этого. Судьбы людей на станции, о которых мы узнаём только в небольших эпизодах при очередных наездах камеры, — они тоже не являются каким-то экзистенциальным анекдотом, а большим вопросом, касающимся места человека во Вселенной».

Примечательно, что не только кинорежиссеры, но также авторы рецензий и читательских отзывов на книгу главную идею романа нередко склонны усматривать во взаимоотношениях Криса Кельвина и Хари, отмечая особенный психологизм и драму. При этом сам писатель указывал здесь на кантовскую гносеологию. Попробуем разобраться, каким же образом гносеология Иммануила Канта может быть связана с романом «Солярис».

«Солярис» вышел в свет в 1961 году, на заре «золотого века научной фантастики». К нему принято относиться как к одному из самых ярких и выдающихся произведений этого жанра. Между тем, «Солярис» - роман очень нетипичный для жанра в целом. И дело не в том, что научная фантастика в основной своей массе – «лёгкий жанр» массовой литературы, а Станислав Лем под видом научно-фантастического художественного произведения представляет практически в строгом смысле слова философский трактат. Научная фантастика оказалась продуктом своего времени, ее «золотой век» состоялся на взлете научно-технической революции, стремительно менявшей повседневность. В ее основе - сциентистский познавательный оптимизм, уверенность в познавательном и практическом всемогуществе разума, технического и общественного прогресса, независимо от того, каким он представлялся по обе стороны от «железного занавеса». На этом фоне «Солярис» Лема, словно плывя против течения, не просто демонстрирует нотки возможного скептицизма, а буквально сталкивает несущееся к прогрессу человечество будущего с прочной, глухой и непреодолимой стеной абсолютного познавательного бессилия.

Причем не где-нибудь. Станислав Лем бьет по самому святому – мечте о контакте с внеземной жизнью и разумом, ставшей в научной фантастике XX столетия едва ли не сакральной мечтой. В кульминационном для романа монологе-рассуждении главного героя этот Контакт пишется с большой буквы: «Я вовсе не считаю себя, того, из будущего, хуже, чем тот Кельвин, который был готов на все для дела, названного Контактom». И это в пассаже рассуждений, который главный герой начинает с вопросов о том, есть ли у него дом, может ли он считать им Землю и осмысленности своего существования.

И не как-нибудь. Описываемая ситуация вовсе не из разряда «и вдруг Человек столкнулся с неизведанным...» с подразумеваемой надеждой его разрешения как загадки, для разгадывания которой необходимо всего лишь чуть-чуть проявить смекалку. Нет. Перед этой стеной человечество встало за 130 лет до описываемых в романе событий. Соляристика давно уже перестала восприниматься потенциально полной интриг и открытий наукой, наконец-то, на академическом уровне изучающей внеземную разумную жизнь, о встрече с которой человечество так грезило еще столетия назад во времена «золотого века научной фантастики». Ко времени описываемых в романе событий соляристика стала дисциплиной со 130-летней историей, покрывшейся пылью библиографией, превратившейся из науки об изучении чужой планеты и ее разумной жизни в дисциплину, занимающуюся слепой классификацией «мимойдов».

Наука, призванная изучать чужую планету, а в плане возлагаемых практических ожиданий – установить контакт с внеземной разумной жизнью, утратила актуальность именно потому, что не отвечала на фундаментальные исследовательские вопросы и не приносила ожидаемых

практических результатов. Но с познавательными пределами столкнулась не методология соляристики, а познавательные возможности человеческого разума. Обнаружив в далеком космосе экзопланету Солярис, люди поняли, что полностью покрывающий ее поверхность океан с невиданной ранее физической активностью (создание причудливых фигур-мимойдов, в том числе имитирующих формой знакомые человеку физические объекты, «знание» о которых каким-то невероятным способом Океан «считывает» из памяти или мышления людей, находящихся на ее орбите) – это форма жизни. Причем такая форма жизни, которую можно было бы сопоставить с разумной.

Форму контакта людей и живого океана планеты Солярис можно охарактеризовать как интерактивное взаимодействие, но из которого не получается коммуникация даже формата межвидовой коммуникации, какая возможна между человеком и многими видами животных или между разными видами животных. Нет намека не только на зачаток коммуникации, но и на любые другие (симбиотические и прочие) «бездружные», т.е. предполагающие информационный обмен, связи, какие возможны в природе. Существует лишь интерактивное взаимодействие разных форм жизни, обладающих когнитивной системой, которому наделенный разумом человек не может дать объяснение.

Самой удивительной формой подобного интерактивного взаимодействия живого Океана с человеком стало явление ученым с исследовательской станции, парящей над поверхностью планеты, фантомов, живых материализованных клонов тех людей, с которыми связаны не самые простые (трагические, постыдные) воспоминания. Ученые осознают это как контакт, но не могут понять даже его смысл: внеземная жизнь пытается изучить людей, установить коммуникацию, проводит свой эксперимент или что-то такое, недостижимое человеческим разумом?

И здесь любопытно обратить внимание на то, что столь пессимистичный взгляд Станислава Лема на возможность коммуникации с внеземной разумной жизнью созвучен если не с пессимизмом, то как минимум с неожиданно сдержанным допущением науки второй половины XX века по самим перспективам однажды хотя бы просто обнаружить живой разум за пределами нашей планеты.

Именно в XX веке сложилась парадоксальная ситуация, когда на фоне первых шагов освоения космоса и появления мощного запроса в общественном сознании и массовой культуре на дискурс о предвосхищении контакта с внеземной разумной жизни, наука словно не проявляла к этому вопросу серьезный «взрослый» интерес. Нет, конечно, и космос «слушают», и «Вояджеры» с посланием человека покинули пределы Солнечной системы, и в самой Солнечной системе ведутся поиски хотя бы следов ранее существовавших простейших форм жизни, а ученые гипотетически стараются предположить, на скольких из более чем 5 тысяч

открытых на сегодняшний день экзопланет могут быть благоприятные условия для зарождения жизни и эволюции, и на скольких сотнях миллионов планет из не менее чем 100 миллиардов потенциально существующих только в нашей галактике возможна жизнь. И тем не менее, вопрос о возможном контакте с внеземным разумом - это удел преимущественно массовой культуры, вненаучного знания, а в науке – специфический вопрос узкоспециальной или междисциплинарной области исследований о возможностях и поисках свидетельств хотя бы простейших форм жизни за пределами Земли, не сопоставимая с соответствующим массовым дискурсом и не резонирующая с ним.

Причины у этого парадокса могут быть разными, но нас интересует только та, которая проливает свет на понимание романа «Солярис», и, в частности, почему в отзыве на экранизацию Андрея Тарковского писатель указывал на гносеологию Иммануила Канта.

Станислав Лем выделялся среди других представителей жанра научной фантастики трепетным вниманием к актуальным веяниям науки. Сам писатель, рассказывая о работе над «Солярисом» замечал: «В те годы я был особенно хорошо информирован о новейших научных течениях. Дело в том, что краковский кружок был чем-то вроде коллектора научной литературы, поступавшей во все польские университеты из США и Канады. Распаковывая эти ящики с книгами, я мог "позаимствовать" заинтересовавшие меня труды». И хотя сам писатель в числе книг, оказавших в то время влияние на его творчество, называл «Кибернетику и общество» Норберта Винера, имеет смысл обратиться к значимому с точки зрения влияния на теорию познания научно-философскому направлению второй половины XX века – к эволюционной эпистемологии, выводы которой оказались полностью созвучными с теми взглядами, которые представлены в «Солярисе» как главный идейный стержень.

В 1941 году вышла в свет положившая начало эволюционной эпистемологии статья австрийского биолога, основоположника этологии и будущего лауреата Нобелевской премии Конрада Лоренца «Кантовская доктрина априори в свете современной биологии» (в другом переводе – «Кантовская концепция а priori в свете современной биологии»), в которой было предложено посмотреть на гносеологию Иммануила Канта с точки зрения современной эволюционной биологии. В окончательно оформленном виде основные идеи этого научно-философского направления будут представлены Лоренцом в книге «Оборотная сторона зеркала: опыт естественной истории человеческого познания», изданной в 1973 году.

С точки зрения эволюционной эпистемологии естественная эволюция – это фактически эволюция средств информационного взаимодействия живых организмов с окружающим миром, иными словами – эволюция средств познания (в некотором смысле даже геном - тоже «средство познания»). У самых простейших живых организмов «познание» окружающего мира осуществляется на уровне биохимических реакций, но

некоторые уже реагируют на свет, а гидра из школьного учебника биологии – на прямые раздражители, так как у неё уже имеется простейшая нервная система. Условный дождевой червь также видит свет (но по принципу: свет есть – света нет) и обладает тактильными ощущениями. Дождевой червь «умнее» амёбы, но до эволюционной ступени млекопитающих (например, наших домашних кошек и собак) в вопросах познания окружающего мира ему очень и очень далеко. И если кошка с собакой живут в мире, где существуют причинно-следственные связи, то некоторым видам приматов уже доступна символическая коммуникация и целеполагание. Но никому из этого списка, от амёбы до шимпанзе, мы не сможем рассказать, как устроен космос. На человеческой ступени эволюции мир «выглядит» (а точнее – познаётся) так, как невозможно ни на одной из предыдущих ступеней эволюции. Мы не можем познакомиться с дождевым червём, потому что у червя нет эволюционно обусловленных когнитивных возможностей обработки этой информации. Дождевой червь познаёт мир на доступном только его биологического вида уровне и формате. И здесь важен нюанс: эволюционный этап (а точнее – этап и направление на ветвящемся древе эволюции) – это не некая диалектически закономерная стадия развития, «прогресса», а всего лишь функционально адаптивный инструмент, появившийся в ходе естественной эволюции в ответ на витальные вызовы.

Разум (Лоренц использует понятие «мышление»), сквозь который мы смотрим на мир, – не кристально чистая линза эволюционного «прозрения», а точно такой же, пусть и качественно более совершенный, но всё же инструмент познания, появившийся в ходе естественной эволюции. Примерно так же, как в ходе эволюции рыб появились плавники. И человеческое мышление – не «прозрение», как бы нам не хотелось написать слово «разум» с большой буквы, а на весь наш биологический вид нацепить корону, поставив в центр мироздания. Человек – один из биологических видов, и наше разумное познание окружающего мира в масштабах глобальной естественной эволюции ограничен.

Да, нам неизвестна жизнь, у которой форма информационного взаимодействия с миром качественно отличалась бы от человеческого (вида *Homo sapiens*) мышления. Но мы можем предположить её гипотетически: в будущем, где-то в космосе или просто в теории. И у нас нет ни одной причины считать разум абсолютным «прозрением». Точно так же, как мы не можем рассказать о себе дождевому червю. Какой-то опыт и коммуникацию не можем воспринимать и мы.

Станислав Лем в «Солярисе» как раз и показал такую ситуацию, когда на далёкой планете люди наткнулись на форму жизни, возможно, «разумную», с которой невозможно выстроить коммуникацию. Но в «Солярисе» люди были в состоянии понять, что это – жизнь. А для дождевого червя мы даже не существуем. Точно так же, как дождевой

червь не существует для инфузории. Жизнь где-то в космосе, если она и существует за пределами нашей планеты, может оказаться настолько другой, что мы ее просто не идентифицируем как жизнь, то есть вовсе не заметим.

Теоретически на одной из множества миллиардов планет может существовать форма жизни примерно на схожей с нашей ступени эволюции познания. Но эта «многомиллиардность» в первую очередь увеличивает вероятность того, что если где-то на другой планете и существует эволюция жизни, то это будет такая жизнь, с которой нам не о чем будет пообщаться. Точно так же как нам не о чем общаться с дождевым червем.

В связи с этим примечательны слова Станислава Лема, озвученные им от имени главного героя «Соляриса» в диалоге с Хари, которые очень важны для понимания главной идеи романа: «Контакт означает обмен какими-то сведениями, понятиями, результатами... Но если нечем обмениваться? Если слон не является очень большой бактерией, то океан не может быть очень большим мозгом». Не менее интересен и один из финальных и кульминационных диалогов Кельвина и Снаута об «эволюционирующем Боге, который развивается во времени и растет, возносясь на все более высокий уровень могущества, дорастая до сознания своего бессилия».

Существует ли человек для аквариумных рыб, подплывающих к стенке аквариума в надежде на то, что приблизившееся по ту сторону «Нечто» снова станет причиной их кормёжки? Таким же «Нечто» в романе «Солярис» предстали ученым земной формы жизни вида *Homo sapiens sapiens* и сформированные на материале их памяти и мышления «мимойды», фантомы на исследовательской станции и история Криса Кельвина с фантомом Хари, в которой читатели часто усматривают наполненную особенным психологизмом и сложной моралью драму.

«Солярис» Лема был издан спустя двадцать лет после статьи Лоренца «Кантовская доктрина априори в свете современной биологии» и за двенадцать лет до выхода в свет «Оборотной стороны зеркала». В связи с этим интересно сравнить, как очень похожие идеи были представлены в научно-философской и художественной литературе.

САВИНОВ А.Б.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ДИАЛЕКТИКА РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАРАДИГМ БИОЛОГИИ)

Исходя из имеющихся философских представлений [10, с. 444; 19, с. 174], рациональным следует считать то, что находится в пределах разума, постигаемо им, мышлением и выразимо в логических понятиях, а иррациональное является полной альтернативой сказанному. Представляется, что такой подход оставляет понятия рационального и иррационального дискуссионными, даже если пытаться [1, с. 261] характеризовать понятие «рациональное» его признаками (логичность, доказательность, истинность и т.п.), а иррациональное – их полярностями, что лишь свидетельствует о вторичности иррационального в историческом плане.

В силу биологических (в частности генетических [24, с. 70]) причин, а также специфики той или иной социальной сферы, географического фактора [2, с. 36; 5, с. 70] сознание и мышление каждого человека сугубо индивидуально, эти феномены обусловлены неповторимыми особенностями восприятия информации и ее обработки мозгом у разных людей. Это обуславливает онтологически и исторически ограниченную (ни в какой степени не абсолютную) рациональность, хотя форма рациональности в разные исторические периоды и воспроизводит себя, несмотря на изменение содержания [18, с. 58].

С философских позиций представления о каждом неисследованном предмете считаются во многом иррациональными, но они рационализируются по мере изучения данного предмета, и в этом смысле наука, символизирующая собой высший тип рациональности, «есть уходящий в бесконечность процесс рационализации, а не ... законченная система рационального знания» [8, с. 124]. Эта система «полна непрерывных изменений, исправлений и противоречий, подвижна чрезвычайно, как жизнь, сложна в своем содержании; она есть динамическое неустойчивое равновесие» [3, с. 38].

Знание о предмете является целью и итогом познания, оно олицетворяет достижение истины – такого представления о реальности, которое адекватно действительности, и положенное в основу поведения человека, его практической деятельности, дает возможность получить прогнозируемый результат [10, с. 449; 19, с. 176; 23, с. 131]. В философской литературе указывается [6, с. 216; 19, с. 176], что абсолютная истина, в отличие от относительной, представляется полным, исчерпывающим знанием о каком-либо объекте действительности, которое не может быть опровергнуто в будущем. Исходя из этого, процесс научного познания, образно говоря, есть возникновение взаимосвязанных, непрерывно уточняемых, углубляемых относительных истин, содержащих элементы

абсолютной истины. Таким образом, можно полагать, что научное познание представляет собой процесс движения к абсолютной истине путем уменьшения доли элементов неистинного знания в относительных истинах, интегрируемых в научную картину мира. При этом неистинами = заблуждениями следует считать альтернативы истины, т.е. непреднамеренные несоответствия представлений той или иной объективной действительности [7, с. 114; 23, с. 131].

В этой связи важно отметить, что, как правило, именно характер того или иного философского решения научной проблемы определяет направление разработок научных методологий и методов получения истинного знания. А философские решения в свою очередь в значительной степени «уже изначально зависят от того, какое мировоззрение имеет тот или иной философ» [22, с. 19]. В частности, история развития человеческой мысли свидетельствует, что истинность знаний и возможность их получения по-разному определяется с позиций материализма и идеализма [6, с. 216].

Показательны в этом отношении подходы к рассмотрению проблемы активности материальных систем, которая многими исследователями давно признана важнейшим свойством материи. Так, например, по мнению известного антидарвиниста Ю.В. Чайковского [20, с. 219; 21, с. 99], стоящего на идеалистических позициях, активность есть фундаментальное, но не поддающееся определению понятие, выражающее лишь интуитивные представления о «некотором свойстве мира», лежащем в основе его существования и развития. Критикуя материалистическую позицию [12, с. 34] автора данной статьи в отношении научных исследований, Ю.В. Чайковский [21, с. 99], между тем оставил без внимания то обстоятельство, что именно альтернативная философская позиция критикуемого позволила ему и сформулировать определение понятия «активность», и развивать на этой основе исследования активности в разных группах растений и животных в экологическом и эволюционном аспектах [13, с. 106; 14, с. 49; 15, с. 140; 17, с. 29].

Конечно, истина «уточняется» в исторической перспективе в связи с совершенствованием орудий и средств труда, используемых для осуществления научных исследований эмпирического и теоретического характера. В свою очередь истина в теоретической сфере научного познания «уточняется» по мере накопления новых эмпирических данных, получаемых при использовании усовершенствованных или принципиально новых орудий и средств научного труда. Так, использование модернизированной с использованием цифровых технологий микроскопической техники, новых методов и приборов на основе информационных технологий в молекулярной биологии обусловили лавинообразное накопление важных эмпирических данных о симбиозе в разных царствах живых организмов, что обусловило параллельно с популяционной парадигмой в биологии развитие принципиально иного, симбиотического подхода, согласно которому эукариоты биосферы состоят не из «стерильных» индивидуумов (т.е.

лишенных симбионтов – паразитов, мутуалистов, комменсалов) и образуют не популяции и виды в традиционном понимании, а являются симбиотическими системами организменного (аутоценозы, холобионты) и надорганизменного уровней: деоценозами (популяционный уровень) и специоценозами (видовой уровень) [16, с. 38].

Иррациональное побуждает к рациональной деятельности, иррациональные начала человеческой психики порождают «ту глубину, из которой вновь и вновь появляются новые мысли, идеи, творения», т.е. иррациональное – это важная философская категория для фиксации проблематичности объекта исследования и характеризующая «предпонимание объекта» [8, с. 124, 125]. Но ученому нельзя «застывать» в догматическом иррационализме, также, как и в догматическом рационализме. Абсолютизированный рационализм порождает в науке догмы – «истины в последней инстанции», а абсолютизированный иррационализм – источник агностицизма и мистицизма, систематических, а не случайных ошибок [4, с. 151]. Напротив, диалектический подход не допускает односторонности взглядов исследователя. В частности, он крайне необходим в сложных вопросах организации, функционирования и эволюции биосистем всех уровней (от молекулярного до биоценотического). Например, в аспекте диалектической логики неправомерно выделять у живых организмов отдельно адаптивные (полезные) и неадаптивные (вредные, нейтральные) признаки в рамках имеющейся парадигмы, поскольку любой признак биосистемы есть противоречивое единство адаптивных и инадаптивных качеств [11, с. 35]. При использовании диалектического подхода не могла бы десятилетиями поддерживаться и другая парадигма – изначально несостоятельная, антидиалектичная «центральная догма» молекулярной биологии, противоречащая кибернетическим принципам и запрещающая любые обратные информационные связи в системе ДНК→РНК→белок [11, с. 52]. Поэтому и происходит ревизия указанной «догмы» [25, с. 7; 26, с. 34].

Таким образом, диалектический подход позволяет интегрировать рациональные элементы альтернативных концепций, что предотвращает длительные гносеологические коллизии, тормозящие развитие науки. «Уделять внимание только одной стороне – значит исказить истину, впасть в неистину»: истинный путь познания должен прокладываться единством рационального и иррационального, которые неразрывно связаны и обуславливают существование друг друга [8, с. 125]. Целостность познания и бытия человека «предполагает диалог рациональных и иррациональных факторов» [2, с. 45].

Однако по-прежнему высказываются крайне спорные мнения о том, что выявление характеристик рациональности мышления людей наиболее плодотворно при обращении к феноменам (понятиям) реализма и релятивизма, поскольку якобы «истина перестает играть ведущую эпистемологическую роль в процессе познания» и потому разные концепции, теории, сферы культуры являются равноправными, т.е. результаты

изысканий различного рода (научных, религиозных и др.) якобы равноценны [18, с. 58]. При этом реализм определяется как мировоззрение, постулирующее существование окружающего мира (онтологический реализм) и возможность познания его таким, каким он есть (гносеологический реализм), а релятивизм – как позиция признания многообразия мира и равноправности всех существующих методов его описания. Исходя из этого, рациональность предлагается понимать как «форму мышления, позволяющую целенаправленно организовывать мир опыта» [18, с. 58], что вряд ли способствует разграничению рационального и иррационального и по признанию самого автора такого подхода в итоге «ведет к неизбежной релятивизации истины», т.е. по существу иррационализирует познание.

Сама специфика психических процессов такова, что психическое в человеке имеет причинно-следственную обусловленность, выступает как отражение бытия, является функцией мозга и регулятором поведения, включает в себя природное и социальное, сознательное и бессознательное, поэтому в сфере методологии науки намечается тенденция диалектического понимания рациональности, «вбирающей в себя иррациональное как момент своего движения, как свое другое», позволяющее человеку, мыслящему рационально, «через призму иррационального ... соизмерять себя с миром» [9, с. 110, 111].

Вследствие этого, в актах познания рациональное и иррациональное диалектически взаимосвязаны, при этом происходит противоречивое движение от иррационального к рациональному и наоборот. Хотя иррациональными и решающими источниками познания признаются чувства, инстинкты, интуиция, но их «информационные продукты» разрабатываются разумом, причем «бессознательное не всегда иррационально, а сознание не обязательно рационально»; поэтому, очевидно, рациональная составляющая в познании «перетекает» в иррациональную, стимулируя рациональную – и так бесконечно [9, с. 152]. При этом рациональность познания реальна, если иррациональная составляющая в актах познания не будет превосходить некоторую меру. Хотя контроль выполнения этого условия проблематичен, но степень рациональности, несомненно, определится результатами познавательной деятельности [9, с. 152].

Список использованной литературы:

1. Бабина В.Н. Понятия "рационального" и "иррационального": проблема демаркации // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 5 (109). С. 260-266.
2. Бабина В.Н. Проблема соотношения рационального и иррационального в историко-философской традиции: онтогносеологический аспект // Изв. Вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (23). С. 36-46.

3. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн. 2. М.: Наука, 1977. 191 с.
4. Заостровцев А.П. О рациональной иррациональности // Журнал НЭА. 2017. № 1 (33). С. 151-156.
5. Картунов В.В., Гозалова М.Р., Краснова О.Н. Феномен иррационального в восточном стиле мышления // Сервис plus. 2020. Т. 14. № 1. С. 68-76.
6. Краткий словарь по философии. М.: Политиздат, 1979. 413 с.
7. Краткий философский словарь. М.: Изд-во Проспект, 2004. 496 с.
8. Кускарова О.И. Понятие иррационального в философии // Вестн. ОГУ. 2007. № 7 (71). С. 123-127.
9. Нагибина Н.Л., Артемцева Н.Г. Рациональное и иррациональное познание в структуре психики // Психологические и психоаналитические исследования. М., 2009. С. 110-154.
10. Новый энциклопедический словарь. М.: РИПОЛ классик. БРЭ, 2005. 1456 с.
11. Савинов А.Б. Биосистемология (системные основы теории эволюции и экологии). Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 205 с.
12. Савинов А.Б. Метаморфозы эволюционной идеи в России (на фоне проблем естествознания, философии и социума) // XXVI Любимцевские чтения. Ульяновск: УлГПУ, 2012. С. 34-42.
13. Савинов А.Б. Активность материальных систем, ее информационно-эволюционная роль, количественная и качественная оценка // XXIX Любимцевские чтения. Ульяновск: УлГПУ, 2015. С. 104-111.
14. Савинов А.Б. Эволюционная теория активности систем // XXX Любимцевские чтения. Ульяновск: УлГПУ, 2016. С. 44-51.
15. Савинов А.Б. Теория активности систем и познание эволюции глобальных процессов // Эволюция: срез, правила, прогнозы. Вып. 8. Волгоград: Учитель, 2016. С. 162-180.
16. Савинов А.Б. Аутоценоз и деоценоз как симбиотические системы и биологические категории // Журн. общ. биологии. 2012. Т. 73. № 4. С. 284-301.
17. Савинов А.Б., Никитин Ю.Д. Развитие представлений об активности растений, ее экологической роли и способах оценки в экосистемах // Принципы экологии. № 3. Т. 6. 2017. С. 20-39.
18. Ускова Е.В. О рациональности человеческого мышления // Вестн. Пермск. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2017. № 1 (29). С. 57-62.
19. Философский словарь. М.: Политиздат, 1987. 590 с.
20. Чайковский Ю.В. Активный связный мир. Опыт теории эволюции жизни. М.: Т-во науч. изданий КМК, 2008. 726 с.
21. Чайковский Ю.В. Эволюционное братство // Lethaea Rossica. Рос. палеоботанический журнал. 2019. Т. 19. С. 88-108.

22. Чумаков А.Н. Философия как индикатор культурно-цивилизационного развития общества // Гуманитарные науки. Вестн. Финансового ун-та. 2011. № 1. С. 18-23.
23. Чумаков А.Н. От правды к истине: на пути познания // Философские науки. 2015. № 2. С. 129-141.
24. Шевцова В.М. Гены и социальная эволюция. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 280 с.
25. Koonin E.V. Does the central dogma still stand? // Biol Direct. 2012. V. 7(1). P. 1-7.
26. Miller W.B., Baluška F., Reber A.S. A revised central dogma for the 21st century: all biology is cognitive information processing // Prog. Biophys. Mol. Biol. 2023. V. 182. P. 34-48.

САРАСОВ Е.А.

**ООО «ЧТЗ-УРАЛТРАК», г. Челябинск, Российская Федерация
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЧЕЛОВЕК»
И «ГРАЖДАНИН» В УЧЕНИИ И. КАНТА**

Великий философ эпохи Просвещения Иммануил Кант рассматривал в своем учении вопросы политического устройства государства, гражданского общества, гражданства. Соответственно, он тщательно разрабатывает понятия человека и гражданина и раскрывает содержание данных понятий, в частности, через исследование тех прав и обязанностей, которые должны быть у них в идеале.

С целью дальнейшего раскрытия понятия «гражданин» и его содержания, необходимо определить, как И. Кант определял человека как такового?

В природе, сущности, человека он выделяет естественное начало и моральное. При этом именно второе определяет человека как такового, как явление. По мысли Канта, человек – это разумное существо, которое относится к миру чувственному и к миру умопостигаемому [3].

Человек отличается от всех других вещей одной способностью, которую мыслитель называет «разум». «Разум показывает под именем идей такую чистую спонтанность, что благодаря ей выходит далеко за пределы всего, что только ему может дать чувственность, и выполняет свое важнейшее дело тем, что отличает чувственно воспринимаемый мир от умопостигаемого, тем самым показывая, однако, самому рассудку его границы» [3].

При этом, по Канту, человек – это разумное, следовательно, мыслящее существо, принадлежащее не к чувственно воспринимаемому (подчиненное законам природы), а скорее к умопостигаемому миру (существо, подчиненное законам, основанным не эмпирически, а только в разуме, не зависимым от природы). Как представитель эпохи Просвещения, ученый

полагает, что человек изначально способен действовать разумно, то есть в соответствии с идеалами и принципами морали. Другими словами человек способен сам различать добро и зло в соответствии с высшими целями своего существования.

И для определения содержания понятия «человек» Кант вводит категорию свободы, которую определяет как «независимость от определяющих причин чувственно воспринимаемого мира» [3].

В этом видится полемика с Аристотелем, который считал, что человек – это естественное существо (*zoon politikon* – общественное животное) и различные формы политического общения, в том числе гражданское состояние ему присущи по природе.

Определяя природу человека, Кант вводит понятие «автономии», с которым связан всеобщий принцип нравственности, который, согласно Канту, «в идее точно так же лежит в основе всех действий разумных существ, как закон природы в основе всех явлений» [3].

Логика рассуждений Канта такова: если люди мыслят себя свободными, то переносят себя в умопостигаемый мир в качестве его членов и познают автономию воли вместе с ее следствием – моральностью; если же люди мыслят себя имеющими обязанности, то рассматривают себя как принадлежащих к чувственно воспринимаемому миру и, однако, также к миру умопостигаемому [6, с. 27-29].

В философском учении Канта прослеживается полемика с учением Аристотеля, который придерживался принципов эвдемонизма в своей политической философии. Данные принципы он положил в основу определения важных понятий, в частности, человека и гражданина, идеального государства и т.д. [7, с. 123-128].

Кант же в основу своей политической философии и основных понятий, в отличие от Аристотеля, кладет рационалистический подход и учение о морали, а если говорить конкретно, то категорический императив (правило): «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [2, с. 195]. Для Канта долг превышает естественного стремления человека к счастью. «...человек живет лишь из чувства долга, а не потому, что находит какое-то удовольствие в жизни» [1, с. 479].

Во взглядах кенигсбергского мыслителя Канта о природе, сущности, человека заложены основания, в корне отличающиеся от взглядов Аристотеля. В частности, Кант как представитель эпохи Просвещения в природе человека наиважнейшим определяет разум, но не стремление к счастью. По Канту, если истинной целью природы было бы счастье человека, то вряд ли бы она возложила задачу достижения этой цели на разум, ведь вернее с этой задачей справился бы инстинкт, но не разум [2, с. 163].

Таким образом, ученый определял человека как рациональное существо, обладающее способностью к самопознанию, моральному выбору и действиям, основанным на разуме. Философ рассматривал человека как

субъекта универсальной морали, который способен к общему и абсолютному познанию нравственного закона.

Однако Кант признает, что человеческий разум несовершенен. И философ обращается к воле человека, мотивируемой моральным законом. Этот закон он формулирует в виде своего знаменитого категорического императива: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Основанием существования категорического императива Кант называет свободу [1, с. 375]. Для философа человек обладает способностью к автономии, то есть способностью самостоятельного принятия моральных и этических решений, на основе категорического императива.

Определение понятия «человек» можно вывести из тех главных целей, которые, по мысли философа, он должен преследовать. Это суть: «собственное совершенство и чужое блаженство (счастье)». [4, с. 319].

Эти цели не связаны с естественными стремлениями человека к собственному счастью, блаженству. Они предполагают усилие над собой, проявление автономии воли. Думается, что высшие цели человека заключаются в исполнении долга – моральной, умопостигаемой категории, которая лежит за границами области естественного. Долг – вот та цель, которая определяет понятие человека, исходя из его сущности. Эссенция этого долга состоит в том, чтобы рассматривать другого человека не как средство, а как самодостаточную цель.

Думается, что кантовское понимание сущности человека основывается во многом на христианском мировоззрении и может быть сформулировано в виде библейской заповеди: «Возлюби ближнего своего как самого себя».

Понятие «человек» у мыслителя включает в себя важную идею о его достоинстве и цельности, что делает его носителем особых прав и обязанностей.

Соответственно разработка понятия «гражданин» у Канта опирается на его понятие человека. Практически философ раскрывает содержание понятия «гражданин» в своем учении о праве, представленном в работе «Метафизика нравов», применительно к сфере государственного права, международного права (права во время войны, в частности), права гражданина мира (права государства народов) [4, с. 229-304].

С целью выделения понятия «гражданин» философ раскрывает понятие «гражданское состояние». По мысли Канта, это прежде всего правовое состояние отдельных индивидов в составе народа по отношению друг к другу, основанное на системе законов, изданных для народа, т. е. для множества людей, или для множества народов, которые, оказывая друг на друга влияние, в правовом состоянии, когда действует одна объединяющая их воля, нуждаются в конституции, чтобы пользоваться тем, что основано на праве» [4, с. 231]. Вслед за Аристотелем Кант говорит, что гражданское состояние возможно именно в государстве [4, с. 231].

Определяя понятие «гражданин» и его содержание, Кант исходит из сформулированного им философского вопроса: «Что я должен делать?». Этот вопрос относится к области морали и касается сознательного выбора человеком своей линии поведения. Как известно, Кант сформулировал еще два основных вопроса философии: «Что я могу знать?» (область метафизики) и «На что я смею надеяться?» (религии). Все эти вопросы предназначены для познания человека.

Согласно мыслителю, человек должен сделать сознательный выбор, чтобы перейти в гражданское состояние. По мысли Канта, «...надо выйти из естественного состояния, в котором каждый поступает по собственному разумению, и объединиться со всеми остальными (а он не может избежать взаимодействия с ними), с тем чтобы подчиниться внешнему опирающемуся на публичное право принуждению, т. е. вступить в состояние, в котором каждому будет по закону определено и достаточно сильной властью (не его собственной, а внешней) предоставлено то, что должно быть признано своим, т. е. он прежде всего должен вступить в гражданское состояние» [4, с. 232].

Побудительной причиной перехода из естественного в гражданское состояние является «внешнее моё и твоё» [4, с. 232], то есть появление личной и частной собственности и необходимости ее правового регулирования.

Каков же механизм, правовая природа перехода из естественного состояния в гражданское? Согласно учению Канта, это первоначальный договор, согласно которому «все (*omnes et singuli*) в составе народа отказываются от своей внешней свободы, с тем чтобы снова тотчас же принять эту свободу как члены общности, т. е. народа, рассматриваемого как государство (*universi*)» [4, с. 237].

Философ различает понятия подданный и гражданин. По мысли Канта, при автократическом правлении, когда народ пассивен и подчиняется одному лицу, которое стоит над ним, подданные не становятся гражданами. Объединение народа посредством принудительных законов не приводит к рождению гражданского общества. По мысли философа, настоящими гражданами становятся при республиканской форме правления: «Всякая истинная республика есть и не может быть ничем иным, как представительной системой народа, дабы от имени народа путем объединения всех граждан обеспечить их права через посредство их уполномоченных (депутатов)» [5, с. 391]. Говоря о гражданском состоянии, Кант поднимает тему народного суверенитета: «...объединенный народ не только представляет суверена, но он сам есть суверен; ведь именно у него (у народа) в руках первоначально находится верховная власть, производными от которой должны быть все права отдельных лиц» [5, с. 391]. То есть согласно взглядам мыслителя права граждан – это производные составляющие от народовластия.

Мыслитель считает, что верховная власть (суверенитет) в лице законодателя должна принадлежать объединенной воле народа.

Объединенные для законотворческой деятельности члены данного общества, то есть государства, могут называться гражданами. В данном случае Кант выделяет один из важнейших признаков гражданина: участие в делах государства, а именно в реализации верховной власти.

Следующий признак гражданина – это гражданское равенство. Кант определяет его как право «признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него» [4, с. 235].

Далее философ выделяет атрибут, который обозначает как «гражданская самостоятельность»: способность «быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам как член общности, следовательно, в правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим» [4, с. 235].

По мысли Канта, квалификацию (качественную характеристику) гражданина составляет способность голосовать, что в свою очередь предполагает самостоятельность человека в составе народа. Человека, который намерен быть «не просто частицей общности, но и ее членом, т. е. ее частицей, действующей по собственному произволу совместно с другими» [4, с. 235].

Самостоятельность как таковая – это один из главных признаков гражданина в учении Канта. «...все те, кто вынужден поддерживать свое существование (питание и защиту) не собственным занятием, а по распоряжению других (за исключением распоряжения со стороны государства), – все эти лица не имеют гражданской личности, и их существование – это как бы присущность» [4, с. 235]. «Подручные люди» общности, то есть те, кем должны командовать и те, кого должны защищать другие индивиды не обладают никакой гражданской самостоятельностью [4, с. 235-236]. По Канту к данной категории людей относятся, в частности, приказчик у купца, подмастерье у ремесленника, слуги не на государственной службе, оброчный крестьянин, домашний учитель, женщины, дети и т.д.

Ученый уделяет особое внимание личной самоопределенности и свободе в принятии моральных решений. Гражданин, согласно Канту, должен обладать способностью к самостоятельному моральному выбору и самоуправлению без внешнего принуждения.

Только самостоятельные индивиды могут быть полноценными (активными) гражданами, то есть людьми, способными участвовать в делах государства: имеющими право голоса и участвующие в законотворческой деятельности.

При этом у граждан отсутствует право на возмущение, тем более – на восстание. Они лишены права посягать на особу правителя и на его жизнь под предлогом, что он злоупотребляет своей властью. Кант считает, что любая попытка в этом направлении является государственной изменой

(*proditio eminens*), и данный «изменник может караться только смертной казнью как за попытку погубить свое отечество» [4, с. 242].

Гражданин, совершивший преступление (нарушение публичных законов), превращается в «холопа», то есть в раба, и лишается звания гражданина [4, с. 254].

В случае если подданный совершил преступление, которое делает всякое общение с ним сограждан пагубным для государства, государь имеет право изгнания его в какую-нибудь провинцию за границы, где он будет лишен всех прав гражданина [4, с. 265].

Важным признаком гражданина в государстве для Канта является его подчинение законам общества и готовность признавать и соблюдать их, особенно основные принципы моральности, лежащие в основе правовой системы.

По мысли философа, государству, которому объявлена война, разрешены всевозможные средства защиты, за исключением тех, которые делают из его подданных не граждан. К этим средствам относятся: «использование своих подданных в качестве шпионов, а шпионов, даже иностранных, в качестве убийц, отравителей <...> или же лишь для распространения ложных слухов; одним словом, нельзя пользоваться такими вероломными средствами, которые могут уничтожить доверие, требующееся для создания будущего прочного мира» [4, с. 274-275]. Победенное государство или его подданные, согласно Канту, не теряют в результате завоевания страны свою гражданскую свободу, так что государство это «не низводится на положение колонии, а подданные – на положение рабов; в противном случае война была бы карательной, а такая война противоречит себе самой» [4, с. 275-276].

Состояние вечного мира, по Канту – это право людей и государств. Философ считает, что народы, равно как и отдельные люди, должны выйти из своего естественного состояния и вступить в законное состояние. До этих пор любое право народов и все «внешнее моё и твоё» государств, приобретаемое или сохраняемое посредством войны – временны. «... и только в общем союзе государств (аналогичном союзу, благодаря которому народ становится государством) это право может стать окончательно действительным и истинным состоянием мира» [4, с. 277-278].

«Право гражданина мира», согласно Канту, предполагает, что каждый индивид должен иметь возможность своего признания как члена возможного мирового государства, в котором правосудие стоит над борьбой и взаимоотношениями между отдельными народами и государствами. При этом каждый человек должен рассматривать других как равных членов глобального сообщества, уважая их права и свободы, подчиняясь всем общепризнанным мировым законам и принципам, а не отдельным правительствам [4, с. 279-280].

Моральным и политическим идеалом Канта является гражданин, который как автономный субъект и в то же время как моральное существо

обладает правами и свободой, но, с другой стороны, несет ответственность перед обществом и законом.

Проведенный анализ показал, что в учении И. Канта понятия человека и гражданина строятся на отличных от учения Аристотеля основаниях. Кант избегает естественного подхода и эвдемонизма, определяет исследуемые понятия на основе рационализма, а также при помощи собственной философской системы, включающей априорные категории познания, природу морали, принципы этики, а также социально-политическую философию. Философ видел человека как рациональное, моральное и общественное существо, способное к самоопределению и автономии. У Канта определение человека основано на личной ответственности и моральных возможностях последнего в контексте общественных отношений. Ключевой методологической основой, на которой философ опирался при определении понятия «гражданин», была его этическая концепция, включающая категорический императив и идею автономии. По мнению Канта, понимание «гражданина» должно быть неразрывно связано с моральной автономией человека. Он утверждал, что каждый гражданин должен действовать согласно моральным законам, которые должны лежать в основе политических устоев общества.

Список использованной литературы:

1. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: «ЧОРО», 1994. – Т. 4. – 630 с.
2. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: «ЧОРО», 1994. – Т. 4. – 630 с.
3. Кант И. Основы метафизики нравственности [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/kant_i/osnovi_metafiziki_nravstvennosti.html#266240 (дата обращения: 20.12.2023).
4. Кант И. Сочинения в шести томах. М.: «Мысль», 1965. – Т. 4. Ч. 2. – 478 с.
5. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках Т. 5. Метафизика нравов: под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 1120 с. – С. 391.
6. Кругликова Г.Г. Проблема человека в философии Иммануила Канта и философско-педагогических концепциях русских мыслителей второй половины XIX –первой трети XX века. Диссер. ... канд. филос. наук. Специальность 09.00.03 – «история философии». Нижневартовск., 2002. – 137 с.
7. Сарасов Е.А. К вопросу об определении понятий человека и гражданина в учении Аристотеля// Мировоззренческая парадигма в философии: политика между апологией и критикой (к 2300-летнему юбилею Аристотеля) [Электронный ресурс]: Сборник статей по материалам XVIII Международной научной конференции (18 января 2023 г.) / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т; редкол.: М. М. Прохоров (отв. редактор),

СЕМЕНОВ И.А.

**ВЮИ ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация
ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАРИТАТИВНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ ЦИЦЕРОНА К КАНТУ**

В философском дискурсе, рассмотрение вопроса мировоззренческой парадигмы, которая формирует образ каритативности не нов, однако изучение онто-гносеологического дискурса в диахроническом аспекте от Цицерона (лат. Marcus Tullius Cicero, 106 года до н. э. – 43 года до н. э.) до Иммануила Канта (Immanuel Kant, 1724 – 1804) в полном объеме не проводилось. Дефицит научных данных в указанной области стимулировал нас провести анализ философской парадигмы Цицерона, Иеронима Стридонского и Иммануила Канта на предмет каритативности.

Марк Тулий Цицерон, знаменитый римский философ и политический деятель, одаренный оратор и мастер эпистолярного жанра. Известно, что часть философии Цицерона представлена в материалах, основанных на диалектических столкновениях с учениями Эпикура. В своих философских трактах и «Письмах», Цицерон раскрывает особенности идеального и реального бытия своего времени, излагает отношение эпикурейцев, стоиков и ряда других ученых античности по вопросам природы богов, Высшего блага, морали и нравственности. С присущим римским прагматизмом [2, с. 22], Цицерон декларировал наличие у гражданина моральных обязательств. Важно, что, не смотря на то, что с религиозной позиции Цицерона часто идентифицируют как язычника [5, с. 203], он осознавал, что блаженное место (рай) существует, а путь к нему надо искать добрыми делами здесь, на земле, при этом, исполнение человеком добродетелей будет прямым путем в блаженное место. В связи с этим, философ констатировал наличие понятий, которые в совокупности образуют группу основных человеческих добродетелей: *cognitio* (познание); *iustitia* (справедливость) и *beneficentia* (благотворительность) – данные двуединые категории получили отождествление с образом каритативности, которая в свою очередь означает проявление милосердной любви и заботы о ближнем [7, с.142]. Так же, к подобным добродетелям можно отнести *magnitudo animi* (влечение духа) и *decorum* (благопристойность/умеренность).

В каритативной философии Цицерона прослеживается рецепция коллективистской идеологии Аристотеля и Платона, согласно которой Высшее счастье – это добродетель и обязанность человека, таким образом – отдать собственную жизнь за государство, поскольку родина для гражданина – дороже собственной жизни [9, с. 171].

Каритативность Цицерона, как совокупность всех добродетелей кристаллизуется в представления об идеальном гражданине, и выражается

понятием «*Vir bonus*» [3, с. 73], оно же в свою очередь противоположно Эпикурейскому гедонизму, согласно которому, приоритет нужно отдавать собственному удовольствию души. Такие воззрения, по мнению Цицерона, развращают личность гражданина, которая так необходима для участия в политическом процессе и служению общему благу. Вместо этого, постулатом каритативной философии Цицерона, изложенного в книге «Об обязанностях» (лат. *De officiis*, 44 г. до н.э.), стало публичное стремление к соблюдению меры во всем том, что относится к внешнему впечатлению благородства и достоинства [1, с. 419]. Здесь же, философ выдвигает теорию, относительно моральной человеческой честности и аморальных поступков, первые в свою очередь должны строиться на основе реальных образцовых действий. Подобные практические воплощения человеческих добродетелей, позже получили название каритативная деятельность.

Таким образом, каритативную философию Цицерона можно описать как «активный гуманизм», в котором практическая активность человеческих добродетелей воплощена в идеальном гражданине, чьи моральные действия поддерживают сеть социума и формируют благородное отношение к государству. Идеи Цицерона стали фундаментом морального и социального ориентира того времени. Сегодня, реципируя эти взгляды, можно сказать, что каритативность, как антипод автономному индивидуализму, является преобладающей онто-антропологической парадигмой некоторых граждан, она (каритативность) к тому же, ослабляет аксиоматическую приверженность главенству личного интереса над интересом большинства.

Теорию каритативности, как воплощения человеческих добродетелей, поддерживал Иероним Стридонский (лат. *Sophronius Eusebius Hieronymus*, ок. 345 – ок. 419) – один из подвижников и учителей Римской Церкви, внесший огромный вклад в укрепление и становление христианства, а также в распространение милосердно-каритативной деятельности. Тракаты Иеронима Стридонского были наполнены рассуждениями на тему каритативной любви, которую философ отождествлял с любовью к Богу. Иными словами, объектом философско-теологического дискурса Иеронима, была именно сакральная сторона понятия «*Caritas*».

Каритативная философия в трудах Иеронима Стридонского сводится к двум ипостасям. Во-первых, к аскетической аксиологии, то есть добровольному отказу от богатства, во-вторых к милостыне – распределению этого богатства между нуждающимися. Догматической основой подобного воззрения является Евангелие, где вопрос милостыне трактуется следующим образом: «...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим...» (Мф. 19:21); «...пойди, всё, что имеешь, продай и раздай нищим...» (Мк. 10:21); «...еще одного недостает тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим...» (Лк. 18:22).

В рамках нашего исследования, в упомянутой экзегетике видится антиномия, в основе которой лежит вопрос о том, в чем выражается каритативная деятельность: в том, чтобы быть бедным или в том, чтобы

оказывать милосердие в пользу нуждающихся? Из этой антиномии следует другая: до какого предела оказывать помощь нуждающимся и расточать свое имущество и, «*Cui bono*», то есть, кто получает выгоду из акта милосердия. Иероним призывает оказывать «эгоистичное» милосердие, то есть не думать о выгодоприобретателе, а действовать из соображения спасения собственной души, подтверждая это Евангельской притчей о неверном управителе (Лк. 16:9): «И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители», добавляя комментарий, «...Отдавай свои богатства тем, которые едят не фазанов, а простой хлеб; утоляй голод, а не размножай роскошь» [8, с. 95], тем самым отмечая вопрос поставленной ранее антиномии о субъекте каритативного воздействия.

Анализируя воззрения Иеронима Стридонского, уместно отметить некоторое манифестальное сходство с идеями Цицерона. Так, *Caritas* для Цицерона – это дружественная любовь и взаимосвязь с ближним, в основе которой была политическая мудрость, а св. Иероним видит в этом понятии «*timor domini*» (Гнев Божий) [11, с. 129], т.е. следование принципам *Caritas* – это Божья заповедь. При этом если для Цицерона – это добродетель, которая поддерживает и сохраняет дружбу, то для Иеронима дружба и милосердие – это дело каждого последователя Христа, которое раскрывается: в помощи ближнему, распространении дружбы, жизни в праведном страхе перед Господом, изучении Священного Писания.

Иммануил Кант – немецкий философ XVIII века, в своих трудах обращается к проблемам аксиологии добродетели, акцентируя внимание на этическую составляющую социально-каритативной деятельности. Данный феномен следует рассматривать сквозь призму категорического императива Канта [с. 19], и определять как феномен, индивидуального неэгоистического поведения, выходящего за пределы альтруизма. Гипотеза кантовского каритативного поведения основана на идеи морального начала, в том смысле, что в основе всего бытия индивида лежит его моральный долг, воплощённый в максиме действий. Часто, подобная моральная максима выражается в духовном росте, через материальные потери: пожертвования, подать, безвозмездное оказание услуг и выполнение бесплатных работ.

Каритативность Канта стимулирует индивида заботиться о моральной стороне своих действий, думать о том, как его поступки скажутся на других. Здесь, также не может идти речи о прагматичной составляющей, ведь, если человек совершает добрые поступки с какой-либо целью, это не есть нравственная максима. Данные действия будут противоречить моральной философии Канта, согласно которой, действие должно быть реализовано, потому что оно само по себе хорошо, а не потому, что позволяет достичь цели и реализовать какой-либо потенциал, что говорит о этиконравственном аксиологическом компоненте [7, с. 96].

Таким образом, рассмотрев онто-гносеологический аспект каритативной деятельности в трудах Цицерона, Иеронима Стридонского и

Иммануила Канта, мы пришли к выводу о разных парадигмальных основаниях ее изучения. Если для Иеронима каритативность – это выражение Божественного начала, то для Цицерона и Канта – нравственность. В одном основании философы схожи, что добродетельные акты зиждутся в корне человеческого бытия.

Список использованной литературы:

1. Волкова К. А. Философия гедонизма // Россия и мир в исторической ретроспективе, к 320-летию основания Санкт-Петербурга: матер. XXIX-й междунар. науч, 2023. С. 419.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности. Соч, 1999. Т. 4. №. ч 1. С.19
3. Кудратов А. О. Представления об идеальном гражданине в период кризиса римской республики на примере образа Катона Цензора // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2020. №3. С.72-82
4. Пичугина В. К. Греческие приусадебные Академии римского интеллигента: педагогическое измерение писем Цицерона // НУРОТНЕКАІ. 2017. №1. С. 9-32
5. Полякова М. А. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и проблема его рецепции в педагогическом наследии XVI века // НУРОТНЕКАІ, 2017. №1. С. 191-205
6. Семенов И. А. Каритативная философия в традиционных боевых искусствах Японии / И. А. Семенов // Вестник Гуманитарного университета, 2020. № 2(29). С. 142-144
7. Семенов И. А. Вовлеченность граждан в благотворительную деятельность: результаты эмпирического исследования / И. А. Семенов // Социальные отношения, 2022. № 4(43). С. 95-101.
8. Творения блаженного Иеронима Стридонского. 1880-1903. (Библиотека творений св. отцов и учителей церкви западных...) / Т. 2: Письма [44-86]. Изд. 2-е. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1884. 430 с.
9. Федоров Д.А. Социально-философские воззрения Марка Туллия Цицерона...дисс.док.фил.наук...09.00.03 История философии, 2018. – С 171
10. Цицерон М. Т. Об обязанностях //М.: Изд-во АСТ. – 2003. – С. 28
11. Фиске Адель М. «Иероним Цицероновец». Труды и материалы Американской филологической ассоциации, № 96, 1965. – С. 129

ТИМОЩУК А.С.

Владимирский юридический институт ФСИН России,
г. Владимир, Российская Федерация

ИММАНУИЛ КАНТ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПОЗНАНИЕ

Оценивая с высоты 300 лет деятельность великого мыслителя мы, прежде всего, учитываем, как много он сделал для формирования культуры мышления современного человека. Ведь дискурс сомнения, агностицизма, самоограничения напрямую связан с честной позицией методолога, чьё захоронение Россия имеет честь хранить на своём западном рубеже. Причём польза от критической философии заключается не только в пересмотре старой метафизики с её гипостазированием категорий и идей, но и в понимании пределов экспериментальных возможностей, осознании границ технократизма [1, 2].

И. Кант внёс вклад в создание конструктивизма социокультурного познания, которое, как и опытное знание, укоренено в методологических установках, предварительных условиях, аксиомах и принципах [3].

Трансцендентальный подход исследования общества и культуры плодотворен в том, что позволяет конструировать новые свойства социокультурного. Трансцендентальный субъект и познаваемый объект принадлежат к социальной системе. Субъект не просто редуцирует свойства, а выявляет эмерджентные свойства социокультурной системы, которая конституируется в процессе обращения к ней [4].

Кант повлиял на процесс формирования критической рациональности, что оказалось абсолютно необходимым как для старых иллюзий, связанных с религиозными мифами, так для новой технократической идеологии прогрессизма [5]. Поэтому гносеология противоречий Канта (единство / делимость, простота / сложность, предельность / бесконечность, свобода / необходимость, условность / безусловность) звучит сегодня бодро, дополняя усложняющуюся реальность новыми антиномическими посылами: традиционное / целерациональное, теоретическое / практическое, родовое / национальное, экономическое / экологическое, институциональное / человеческое, юридическое / фактическое, моральное / правовое, транзакционное / инфляционное, либидозное / ресурсное, властное / подвластное, потребительское / мощностное, высокопеределное / стоимостное, сложное / рискогенное, медийное / регуляторное, пропагандистское / подлинное, частное / государственное, корпоративное / общественное, публичное / приватное, финансовое / производственное и т.д. Кант продемонстрировал, что мы не можем вырваться из антиномий, обречены на контрадикторность существования социальных порядков. Военная диктатура, суверенная демократия, парламентская республика, абсолютная монархия, теократия, и иные формы государственности не могут выйти из парадоксов.

СВО произвела сверку в различных областях деятельности – информационной, производственной, инвестиционной, культурной, военной, идеологической [6]. Новый круг политософских дискуссий вокруг путей развития страны показал смену оценок. Горбачёва и Ельцина стали представлять как наивных конъюнктурщиков, а Ленина и Сталина – реалистичными государственниками. Личностные оценки, террор и репрессии отодвигаются на второй план, а на первый выходят государственные достижения. Годы либеральных реформ стали восприниматься негативно, деятельность по приватизации вызывает негодование присвоением народного богатства. Беспрецедентная угроза Белгороду, Курску, Брянску, Санкт-Петербургу и Москве стала восприниматься как результат недалёкой своекорыстной тщеславной борьбы Горбачёва и Ельцина, сдавшими контур безопасности государства. Им вменяется разрушение великой державы и последовавший геноцид советских людей. Естественно, при этом забывается, что рыночные механизмы, кредитование, потребительское разнообразие, частная собственность, законная индивидуальная экономическая деятельность не были бы возможны без акторов либерализма [7].

Произошли переоценки деятельности НКВД и СМЕРШ, холодной войны и перестройки, создание СССР переосмысливается в логике борьба с западным империализмом [8, 9]. Коммунистическая партия, имевшая низкий рейтинг в первые годы правления Ельцина, снова стала получать высокие оценки в связи с тем, что в обществе на первый план стали выходить темы стабильности развития, плановой экономики, преодоления разрыва между бедными и богатыми, национализации природных богатств.

Монетаристская экономика подвергается критике за масштабную коррупцию, разрыв между трудом и капиталом, прожектёрство, избыточный пиар, «трубу форсайтов» и «чёрную дыру инноваций» (Роснано, Сколково, 5/100, ПМЭФ, «Армата», «Азарт» и т.п.) [10, 11].

Некритическое распространение опыта либерализма стран западной демократии воспроизводит ошибки старой религиозной метафизики. Когда вера в прогрессивизм, эгалитаризм и рынок затмевает критическое мышление запускаются те же механизмы утопизма. Критическая программа Канта создаёт опорные пункты для новой метафизики нравов, способности суждения, эстетики, религиозного сознания. Постоянное самоочищение разума от иллюзий необходимо на каждом этапе развития человечества.

Критический взгляд со стороны на свою историю часто приходит со стороны, от человека из другой среды, где ещё более остро ощущается социальная несправедливость, где не кончается череда кризисов и гражданских войн. Не случайно, Ленин в своём ретроспективном выступлении перед рабочей молодёжью Швейцарии «Доклад о революции 1905 года», оценивая борьбу с буржуазно-либеральными эксплуататорами, предвидел передовую роль отсталой России и Азии в революционном движении, в отличие от развитых Англии, США и Германии [12].

Так, общий контекст выживания Шри Ланки сегодня даёт мало оснований для социального оптимизма: бюджетный дефицит, неоправданные социальные траты, диспропорция торгового баланса, 60 % инфляция. Закономерно, что трудовой голос в защиту критики империализма пришёл от сингалезского профессора, который проводит ревизию ревизионистов СССР, указывая на то, что образ будущих советских оппортунистов (Маленков, Хрущёв, Горбачёв, Ельцин) проиграл стратегическому видению коммунистических консерваторов (Каганович, Молотов, Гречко, Ахромеев) [13].

Ретроспективно, Кант выглядит более осторожным и непафосным мыслителем, по сравнению с Гегелем. Его добросовестность в том, что он ограничивает веру, чтобы дать место проверенному знанию и ограничивает знание, чтобы оставить достойное место вере. Материализм в экономике и реальной политике – это одно, но делать из материализма новое кредо, означает творить ещё одну иллюзию прогресса. Сопоставление рационализма и метафизики проводились в марксизме, но осуществлялось оно не в пользу Канта [14, 15], что сегодня можно скорректировать, вернуть к исходному положению – разум не может познать трансцендентное.

Выводы. Гуманитарное познание по-прежнему находится в поиске универсальной логики описания действительности. Были разработаны классическая (аристотелевская, формальная) логика, так и несколько неклассических моделей описания мира (диалектика, синергетика, нечёткая логика, логика констелляций, постмодерн, квантовая теория, плюралистическая онтология Лейбница, процессуальная онтология Уайтхеда и т.п.).

В статье рассматривается проблема априоризма в социальном познании. Автор доказывает тезис, что априоризм неизбежен в научном познании, особенно в познании социальной реальности. И, напротив, объективность социального познания вполне сравнима с естественнонаучным, однако, она имеет принципиально иной характер, обусловленный спецификой социальной реальности, включённостью субъекта социального познания в эту реальность и, соответственно, методами ее познания.

Сталкивая антиномии, Кант приближает нас к практике, порой лишь отдали напоминающей теоретические универсалии. Его, на первый взгляд субъективный идеализм, содержит ценные образцы диалектического и практического мышления, преуспевающий даже в постмарксистские времена. Если марксизм содержал много утопического, некритического, то Кант, стоявший на фундаменте гносеологии, ещё более радикален в своём скептицизме, он не держится за крипторелигиозные ориентиры прометеизма. Трансцендентальная диалектика Канта ничему не поклоняется, она недогматическая и революционная. Кант углубляет критическое мышление, важнейшее направление философии, т.к. критическое мышление сохраняет за

собой парадигмальное место и проявляется сегодня в виде деконструкции догм, утопий, проверки фактов, самокоррекции, сомнения в авторитете.

Иммануил Кант актуализировал философию в условиях её отставания от естественных наук. Он также продемонстрировал ценность философии для критики мистического опыта. Философия получила новое признание благодаря Канту, который увидел опасность схематического мышления в нарождающемся естествознании, когда некритическая активность разума создаёт технократических чудовищ, не менее ужасающих, чем хтоническая укоренённость в мифе или фанатическая религиозность.

Список использованной литературы:

1. Минасян Л.А., Минасян С.А. Кант и современность // Известия Северо-Кавказского региона. 2005. № 12. С. 11-16.
2. Складова А.М. Критическая философия И. Канта // Дискурс. 2016. № 2. С. 5–16.
3. Чупров А.С. Априоризм в социальном познании // Социум и власть. 2010. № 2. С. 95-96.
4. Кускова С.М. Трансцендентальный подход к обоснованию социального познания // Основы экономики, управления и права. 2021. № 5. С.18-22.
5. Бронзино Л.Ю. Классическая и неклассическая рациональность в социальном познании: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010. № 1. С. 54-63.
6. Гофман А.А., Тимошук А.С. СВО как великий аудитор // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8 (183). С. 519-520.
7. Почему народ лучше относится к Ленину и Сталину, чем к Горбачеву и Ельцину? Православные священнослужители о данных социологического опроса // https://ruskline.ru/news_rl/2013/05/17/pochemu_narod_luchshe_otnositsya_k_leninu_i_stalinu_chem_k_gorbachevu_i_elcinu/
8. Гофман А.А., Тимошук А.С. НКВД, СМЕРШ, 58 статья в контексте ХМСП-методологии и СВО // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. Т. 6. № S (92). С. 29- 35.
9. Гофман А.А., Тимошук А.С. Актуализация сталинских методов управления в контексте СВО // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Новокузнецк: КИ ФСИН, 2022. С. 335-339.
10. Тимошук А.С. Инноватика: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра, к 280-летию со дня рождения российской просветительницы княгини Е.Р. Дашковой. СПб: СПбГУПТД, 2023. С. 377-382.
11. Тимошук А.С. Цена мира, антихрупкость, будущее России // Социальные отношения. 2023. № 4 (47). С. 67-77.

12. Никифоров В.Н. В.И. Ленин о Китае и китайской революции // Вопросы истории. 1952. № 1. С. 65-81.

13. Джаятиллека Д. Сто лет после Ленина: нужна глобальная ленинистская стратегия // <https://globalaffairs.ru/articles/sto-let-posle-lenina/>

14. Павлов Т.Д. Кант и Гегель, Маркс и Ленин. К Международному гегелевскому конгрессу – Лиссабон 1976 г. София : Болг. акад. наук, 1976. 18 с.

15. Ойзерман Т.И. К вопросу о знаменитом тезисе Канта: «...мне пришлось ограничить (aufheben) знание, чтобы освободить место вере...» // Кантовский сборник. 2005. Выпуск №1 (25). С. 3-13.

ТИМОЩУК Е.А.

Владимирский государственный университет,
г. Владимир, Российская Федерация

КАНТ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

Когда мы говорим о феноменологическом подходе к знанию, обязательно включаем одного из первых в список Иммануила Канта, помимо Платона, Аристотеля, Бэкона, Юма, Гегеля, Фихте, Кассирера, Гадамера, Мерло-Понти и Гуссерля.

Иммануил Кант – крупный мыслитель, который открыл много направлений в философии, до сих пор не потерявших актуальность. Продолжая тематику Просвещения и Нового времени, Кант в особенности повлиял на гносеологию, этику, эстетику и социальную философию. Он примирил рационализм и метафизику, естествознание и этику, сохранив за философией роль генератора новых значений и идей.

Кант стал одним из первых философов, который последовательно нагружал феноменологическую зону разными смыслами и создавал пролегомены к этому концепту. То, что мы называем феноменологией сегодня находилось в процессе сборки во времена Канта. Три программы феноменологии (кантовская, гегелевская и гуссерлевская) имеют свои особенности, но все укоренены в «археологии достоверности» [5].

Феноменологическое прочтение философии Канта связано с общим конструктивистским трендом Нового времени. Так, феноменологическая интерпретация его этики начинается с Другого и рефлексивно-интенционального принципа отношения к нему. «Долг», если понимать его феноменологически как естественную установку, звучит оригинально и вдохновляющее. Переживание долга как трансцендентного смысла морального контрастирует с миром фактов и наличных вещей. Вместе с тем, говоря о феноменологической экспликация морали Канта, можно отметить, что подобное эйдетическое прочтение требует особого нозматического воображения. Феноменология позволяет заглянуть в трансцендентные

смыслы морального и превзойти действия, погруженные в мир фактов и наличностей [8].

Можно ли сказать, что от Канта до Гуссерля остаётся один шаг? Маловероятно. И дело не только в работах Гегеля, Фихте, Brentano, подготовивших дальнейшую почву выхода феноменологии на новый уровень. Малоаметным остаются частные исследования, где кантианско-феноменологическая мысль работает на сложном уровне осмысления идеального. Так, Рудольф Отто (1869 – 1937) толковал религию как состояние священного живого существа, предстающего перед Великим. У нас не может быть позитивного-эмпирического познания Бога с точки зрения науки, но мы можем зафиксировать субъективные чувства возвышенного, духовного, благоговейного. Якоб Фриз (1773-1843) применил критическую философию Канта к познанию феномена религии и открыл экономный способ синтетического познания априори священного через фиксации *sensus numinis* которое не может быть фальсифицировано, в отличие от рациональных теологических конструкций [4, с. 59-74].

Отто продолжил кантианско-фризовскую модель описания «Ganz Andere» как возвышенного, несоизмеримого, непостижимого, мистического, трансцендентного. Нуминозный опыт превосходит классические отношения субъекта и объекта, разрушая границы между духовным и материальным, индивидуальным и всеобщим, видимым и невидимым, индивидуальным и коллективным [1].

Другие феноменологические проблемы философии Канта касаются проблемы соотношения репрезентизма и дескриптивности, единства сознания и дискретности ощущений; ума как формы времени, собирающей впечатления в их многообразии; сознание времени как устойчивого единства; особенность генеалогии логики [9, 10]; особенности обоснования морали у Гуссерля [11]; эволюция феноменологии от Платона к Канту и Гуссерлю и преодоление эпистемологических проблем в феноменологии [12]; кантианское толкование Гуссерля [2, 3]; «феноменологической редукции» философии Канта [6]; параллелизм этики и логики [1].

Вывод. Таким образом, «критики» Канта пронизаны фундаментальными феноменологическими категориями – схема синтеза воображения, автономия воли, самозаконотворчество, поиск архе, основоположения, Альтер эго (Другой). Оппозиция «*ding für sich*» и «*ding an sich*» повторяет трек феноменально-ноуменального.

Трансцендентализм Канта неизбежно касается вопросов эпистемического фундамента знаний. Если Юм и Кант в XVIII доводят до рационального предела агностицизм в отношении манифестаций мира вещей, то Гуссерль, Ингарден, Шюц, Бергер и Лукман создают в XX веке дескриптивное наполнение для аскетичного мира *êloχή*.

Метод дескрипции Гуссерля, вместе с тем, отличается от философских методов Канта. Кант сохраняет определённый натурализм, пытаясь совместить позиции эмпиризма и рационализма. Чтобы примирить сознание

и опыт Кант был вынужден прийти к странному выводу о существовании двух видов реальности и существовании неизвестной стороны объектов. Гуссерль полностью преодолевает этот натурализм. Сознание и опыт больше не являются своего рода естественным объектом, а законы сознания и опыта больше не являются законом индукции. Сознание и опыт имеют свое собственное интенциональное измерение. Гуссерль принял идеал, который Кант хотел понять, но не смог достичь его полностью, – тщательное исследование субъективности. Вектор философии Гуссерля только приближает нас к Канту. Мы можем даже сказать, что Гуссерль – это новый кантианец, который больше, чем другие, возвращается к Канту.

Кант также достоин своего наследника немецкой классики. Философия Гуссерля выступает за возвращение приоритета сознания для решения основных проблем науки и проблемы этических норм. Таким образом, Гуссерль, фундированный в интенциональность Brentano, реализует кантовские идеалы неосознанно, следуя общим философским трендам Нового времени.

Список использованной литературы:

1. Лаврухин А. В. Практическая философия И. Канта и Э. Гуссерля // Кантовский сборник. 2017. С. 61-76.
2. Орлова Ю.О. Понятия апперцепции и рефлексии у Канта и понятие рефлексии у Гуссерля // Между метафизикой и опытом. СПб: СПбФО, 2001. С.226-251.
3. Орлова Ю.О. Кантианские стратегии интерпретации феноменологии Гуссерля (на примере современных исследований в Германии) // Актуальность Канта. СПб: СПбГУ, 2005. С. 193–204.
4. Пылаев М.А. Философия религии в феноменологии Рудольфа Отто // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2011. № 6 (38). С. 59-74.
5. Разеев Д.Н. Учение о феноменальности (феноменология) Канта // Альманах «Метафизические исследования», Метафизические исследования: Понимание. Выпуск 1 : Издательство СПбГТУ, 1997. С. 38-74.
6. Счастливцев Р.А. Вперед, к Канту! Феноменология чистого разума // Преподаватель XXI век. 2014. № 2. С. 26-33.
7. Тимощук Е.А. Наследие Рудольфа Отто в феноменологии культуры // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 1. 4–12.
8. Финдлер Р. Феноменологическая этика Канта // Топос. 2002. № 1 (6). С. 29–50.
9. Kinkaid J. Phenomenology, idealism, and the legacy of Kant // British Journal for the History of Philosophy. 2019. 27:3. P. 593-614.
10. Morrison R. Kant, Husserl, and Heidegger on Time and the Unity of "Consciousness" // Philosophy and Phenomenological Research. 1978. Vol. 39, No. 2. P. 182-198.

11. Peucker H. Husserl's Critique of Kant's Ethics // Journal of the History of Philosophy. 2007. № 2 (45). P. 309-319.

12. Rockmore T. Kant and Phenomenology. University of Chicago Press, 2011. 257 p.

ШАМИН И.В.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ «ПРОЕКТА РАЗВИТИЯ» РОССИИ В 2020-е – В НАЧАЛЕ 2030-х гг.

Особенности той модели геополитического и геоэкономического расклада сил между США и всеми другими существующими ведущими мировыми государствами, сложившейся на международной арене к началу XXI в. в рамках постбиполярной системы международных отношений (СМО), по своему «методологическому измерению», как можно сделать вывод, полностью соответствуют, той же сущностно-стратегической и причинно-следственной конфигурации подобных факторов, которая во многом способствовала возникновению Первой мировой войны, Второй мировой войны, а также «холодной войны 1». И уже к концу 1990-х гг. мир, следовательно, тоже оказался фактически на грани начала очередного открытого глобального противоборства между образовавшимися к этому времени главными мировыми «центрами силы».

Зарождение на международной арене подобных геополитических и геоэкономических процессов, стратегически ориентированных на дальнейшее разрушение Ялтинско-Потсдамского мирового порядка, во многом было обусловлено в первую очередь спецификой геополитических, торгово-экономических, финансовых и инвестиционных устремлений ведущих мировых держав на международной арене в 1990-е – начале 2000-х гг. – США, ЕС, Японии, а также КНР, РФ, Индии, Бразилии и наиболее развитых государств АТР. В результате этого к началу XXI в. практически всё так называемое «постбиполярное пространство планеты» было полностью разделено на сферы геополитического и геоэкономического влияния между этими государствами.

Кроме того, именно в данный период прежде всего США, а также страны ЕС и Япония очутились, как можно сделать вывод, в такой геоэкономической ситуации, суть которой следует охарактеризовать как фактически уже «абсолютно полное финансово-экономическое освоение» имеющихся в распоряжении у представителей крупного бизнеса данных государств подконтрольных «пространственных сфер влияния» в рамках современной постбиполярной СМО. Вследствие чего в «экстенсивной экономике» США и других ведущих западных стран в конце 1990-х – начале

2000-х гг. стали формироваться достаточно масштабные кризисные явления, связанные в первую очередь с товарным перепроизводством, перепроизводством услуг, масштабным переизбытком финансового капитала, не произошедшей новой технологической революции, а также падением прибыльности практически всех отраслей западной экономики и др. Это означало также, что в первую очередь США и «Большой Запад» в целом уже достигли к началу XXI в. определенного предела в своем геополитическом и геоэкономическом развитии.

В итоге США и другие страны «Большого Запада», как следует констатировать, оказались в состоянии затяжного и тяжелого системного экономического кризиса, который разразился летом – осенью 2008 г. и фактически продолжается до сих пор. Причем такого рода негативные процессы в экономике ведущих западных государств существенно обострились весной 2020 г., когда началась пандемия, вызванная заболеванием COVID-19. По своему характеру, а также по причинам возникновения данный кризис практически является аналогом так называемой «Великой депрессии», которая возникла сначала в США в 1929 г., а затем охватила и другие капиталистические страны в 1930-е гг. Поскольку природа современного экономического кризиса на Западе та же, что и в период «Великой депрессии». Это – фактически полное отсутствие экономического роста в США и других ведущих западных государствах.

Основная причина складывания подобной ситуации заключается в отсутствии в настоящее время на Западе самой базы для обеспечения этого экономического развития, и в первую очередь *спроса*, который является самым главным необходимым условием для стимулирования экономического роста в условиях рынка. Вследствие чего экономика в США, а также странах ЕС и Японии к началу 2010-х гг. практически полностью утратила свою рентабельность, что, в свою очередь, неизбежно привело к обесцениванию на Западе имеющихся активов и падению цен на нефть, а также сжатию *коммерческого спроса* в целом и падению уровня «*коммерческой эффективности*» глобальных западных монополий [3].

Чтобы избежать срыва в «социально-экономический хаос», правящие круги ведущих стран Запада были вынуждены активно замещать «сжимающийся коммерческий спрос» фактором так называемого «постоянно растущего спроса со стороны государства». Однако такого рода стратегия, как следует подчеркнуть, никаких значимых результатов в части обеспечения реального и при этом устойчивого экономического и социального роста ни в США, ни в странах ЕС и Японии в целом обеспечить уже не могла. Поскольку в самых развитых западных государствах, в том числе США, а также в подконтрольных Западу странах «второго» и «третьего» мира просто отсутствовали в силу указанных выше причин условия и возможности для реализации каких-то крупных и прибыльных геоэкономических проектов.

В результате этого в начале XXI в. для США, а также стран ЕС и Японии возникла острая необходимость в получении тех новых и при этом

масштабных реальных активов, потенциал которых можно было бы использовать в качестве необходимого ресурса для обеспечения дальнейшего количественного и качественного развития экономик данных государств в долгосрочной перспективе, преодоления кризисных процессов и явлений в данной сфере, а также обеспечения экономического перехода на новый, так называемый «шестой технологический уклад (ТУ)».

Поэтому стало вполне закономерным, что правящие круги США в конце 1990-х – начале 2000-х гг. резко форсировали темпы и значительно расширили масштабы своей экспансии в рамках существующей СМО, и стали использовать для решения подобных задач в первую очередь так называемые «военно-силовые технологии» ведения геополитической борьбы. Весной 2014 г. правительство США во главе с президентом Б. Обамой, продолжая реализацию такого рода агрессивных геополитических и геоэкономических планов на международной арене, развязало «холодную войну 2», направленную против РФ [1. С. 41 – 98; 2. 124 - 167]. После прихода к власти в 2017 г. президента Д. Трампа США стали практически вести уже сразу несколько «холодных агрессивных войн» стратегического измерения одновременно – в первую очередь в отношении России, а также КНР и Ирана [4. С. 297 – 298].

Вследствие этой геополитической и геоэкономической эрозии Ялтинско-Потсдамского мирового порядка Россия к началу 2020-х гг. оказалась в очень сложном положении, специфика которого стала определяться воздействием трёх ключевых и при этом взаимосвязанных факторов.

Во-первых, это деструктивное геополитическое и геоэкономическое давление на РФ, которое целенаправленно стало осуществляться со стороны США и других государств «Большого Запада» в процессе ведения против России «холодной войны 2». Следует также указать, что подобного рода подрывные усилия Вашингтона и его союзников в отношении РФ резко усилились после начала Москвой СВО на Украине в феврале 2022 г. [5].

Во-вторых, вследствие резкого ухудшения вследствие мирового финансово-экономического кризиса положения в сфере экономики в ведущих странах Запада и КНР к началу 2020-х гг., т. е. в государствах, которые, в свою очередь, являлись для России главными внешнеторговыми партнёрами, взаимодействие с которыми играло ведущую роль в процессе обеспечения экономического развития нашей страны.

В-третьих, по своим главным приоритетам в процессе генезиса, а также алгоритмам текущего функционирования сложившаяся в рамках РФ к началу 2000-х гг. системно-стратегическая модель государственности была изначально ориентирована уже не на конфронтацию с западными государствами во главе с США, как это было характерно для СССР, а на формирование тесного политического союза с этими странами и интеграцию в систему мировой экономики, подконтрольную «Большому Западу». И кроме того, на самое тесное взаимодействие России в рамках

постбиполярного мира со всеми теми международными экономическими, политическими и военно-политическими организациями, которые были созданы ведущими странами Запада или действовали под их эгидой. Поэтому после развязывания США «холодной войны 2» против России, а также резкого обострения противостояния между Москвой и государствами «Большого Запада» с февраля 2022 г., существующая государственно-геополитическая модель устройства РФ по своему функциональному потенциалу сил и средств оказалась априори просто не способной эффективно «решать» в совокупности все те общегосударственные проблемы, которые стали главными для руководителей РФ в период «холодной войны 2» и начавшегося нового витка глобального экономического кризиса.

Первая – осуществление эффективного геополитического и геоэкономического противоборства с США и другими государствами «Большого Запада» на международной арене.

Вторая – обеспечение за счет внешнеэкономической деятельности в рамках мирового рынка финансово-экономических интересов представителей ведущих группировок правящей элиты России и поддержание, одновременно, на должном уровне требуемых параметров «уровня жизни» в отношении остальной части российского общества. И таким образом, сохранение политической и социально-экономической стабильности внутри страны, а также возможностей для ее дальнейшего поступательного развития.

Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что в ближайшее время под воздействием указанных внешних и внутренних факторов должна неизбежно произойти прежде всего качественная и глубокая трансформация самой системно-стратегической модели устройства российского государства. И как следует подчеркнуть, такого рода тенденция, безусловно, станет носить объективный и необратимый характер.

В этой связи одной из важнейших политических задач для высшего руководства РФ в складывающейся ситуации в начале 2020-х гг. будет являться прежде всего недопущение начала в России так называемого «стихийного политического и социально-экономического хаоса» системного уровня путем осуществления опережающей «стратегической модернизации» российской государственной системы, адаптированной при этом к вызовам глобального кризиса «постбиполярного капитализма», а также к геополитическим и геоэкономическим угрозам «холодной войны 2».

Главный инструмент для реализации данной векторной программы действий – это разработка российским правительством и его практическое воплощение в жизнь такого нового «стратегического проекта развития» нашей страны, рассчитанного на период 2020-х – начало 2030-х гг., а также создание соответствующих организационных механизмов, использование которых позволяло бы в итоге поддерживать эффективный государственный контроль над этими «процессами внутренней трансформации» РФ и

целенаправленно управлять ими, а также обеспечить «успешность» прежде всего экономического, социально-политического, демографического и культурного развития российского государства и общества как минимум в обозначенной среднесрочной перспективе.

При этом одним из ключевых приоритетов для такого рода «управляемого» качественного преобразования нашей страны должно быть формирование в итоге такой системной модели организации РФ как государства, которая окажется приемлемой уже для всех социальных групп российского общества в целом.

В этой связи следует также констатировать, что «проект развития» России как государства в 2020-е – в начале 2030-х гг. по своему сущностному содержанию должен иметь так называемый «двойственный характер». Другими словами, по своей онтологической основе данный общегосударственный проект неизбежно станет иметь две ключевые составляющие, находящиеся при этом в тесном диалектическом взаимодействии друг с другом. Первая составляющая проекта – это собственно «стратегическая программа развития» российского государства и общества. Вторая – «стратегический план по ведению Россией эффективной геополитической борьбы против США и других стран «Большого Запада»» в рамках продолжающейся «холодной войны 2».

Поэтому можно утверждать, что для руководства РФ главной проблемой при формировании онтологической базы данного российского «стратегического проекта развития» неминуемо встанет поиск наиболее разумной в очень сложной для нашей страны внешнеполитической ситуации так называемой «концептуальной модели сбалансированности» между этими двумя главными организационными структурами данного проекта: между «стратегической программой развития» и «стратегическим планом по осуществлению геополитического противоборства против ведущих западных государств»; причём с обязательным учётом при решении данной онтологической по своей сути задачи прежде всего специфики направленности и динамики происходящих событий «холодной войны 2». Однако осмысление этого вопроса требует уже специального исследования.

Список использованной литературы:

1. Глазьев С.Ю. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. – М.: Книжный мир, 2016. – 512 с.
2. Глазьев С.Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия – США – Китай. Семь вариантов обозримого будущего. – М.: Книжный мир, 2017. – 352 с.
3. Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Рах Americana». – М.: Вече, 2003. – 368 с.
4. Сила принуждения (Р2С). Подготовлено для армии США // Егорченков Д. Необъявленная война. Россия в огненном кольце. – СПб: Питер, 2018. – С. 296 – 301.

ШУТОВА Е.А.

СПб ГБ ПОУ Колледж «Звёздный»,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

**«КРИТИКА СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ» ИММАНУИЛА
КАНТА: ТЕЗИСЫ О СЛОВЕСНЫХ ИСКУССТВАХ**

Введение. Иммануил Кант как знаковая фигура для философии в целом и для эстетики в частности, привлекает внимание исследователей, поскольку в процессе разработки собственной философской системы формулирует основные эстетические принципы, свойственные искусству, которое мы сейчас называем классическим; он излагает их в своей работе «Критика способности суждения». Многократно пересмотренные и подвергнутые критическому анализу с позиций современности, они, тем не менее, остаются значимой вехой на пути философской рефлексии, и сегодня невозможно вести диалог об искусстве, не вступая в диалог с автором, создавшим концентрат эстетических идей VIII века. В «Критике способности суждения» И. Кант касается трех теоретических проблем, посвященных непосредственно литературе, среди которых - проблема воплощения духовной свободы в поэзии и красноречии, проблема образности как сущности литературного метода, а также проблема преемственности и новизны в литературном творчестве. Артикулируя их сегодня, мы сопоставим их с современной культурной практикой, с теоретическими исследованиями наших дней, а также с фактами истории литературы, достижениями философии, филологии и эстетики.

Содержание. Литература как «свободная игра воображения» принадлежит миру искусства, а искусство выражает свободу от целесообразности. Размышление о литературе как о свободной игре воображения можно найти в §§41, 51, 53 «Критики». Красота в искусстве есть выражение эстетических идей, которые вызывают понятия об объекте; для деления искусств используется коммуникативный принцип, подразумевающий, что полноценная передача информации происходит при сочетании трех средств (слово, жест, тон), которым соответствует искусство словесное, изобразительное и искусство игры ощущений, и высшее положение в этой иерархии занимают искусства словесные, а из словесных искусств (поэзии и красноречия) первое место принадлежит поэзии. Свободная игра воображения в отношении к рассудку в поэзии выступает содержанием, а в красноречии - формой: идеи оратора обличены в привлекательную форму, чтобы влиять на слушателей, «вводить в заблуждение с помощью красивой видимости» [§ 53], поэт же с видимой

непринужденностью играет идеями, создавая впечатление, что они призваны доносить что-то важное. Принудительность в искусстве, ограничение духа как механизм его оформления существует в литературе за счет законов языка и формальной организации поэзии, владение которой составляет суть литературного труда в противоположность игре [§ 43].

Искусство существует как свободное от корысти дело - не труд, а свободное действие, не профессия, а игра, не полезное занятие, а выражение свободы, потому ораторство - не столь высокое занятие [§ 51]. Поэзия - искусство, максимальное свободное от ограничений, его продуцирует гений, который способен выбрать из бесконечного разнообразия форм ту единственную, что позволит выразить все богатство мыслей, невыразимых в языке - таково, по мнению Канта, эстетическое возвышение до мира идей, недоступных в опыте, неподвластных рассудку, чтобы «использовать природу для сверхчувственного, как бы в качестве его схемы». Поэзия честна и не стремится к ухищрениям ради убеждения в чем-либо.

Красноречие, в отличие от поэзии, лишает суждение свободы, и «его не следует рекомендовать ни в суде, ни на кафедре», поскольку потворствует искажению максим в интересах субъекта, вместо установления истины. Достаточно привести примеры и выразить мысль «благопристойно» и разумно (то есть, красноречиво!), не прибегая к уговорам [§ 53].

Кантианское понимание свободы искусства приводит к «заточению» искусства в музеях и библиотеках, выключая его из общественной практики. Современная эстетика обращает внимание исследователей на то, чтобы отделить эстетическое от мира объектов искусства и обратить его фокус на ситуацию, в которую погружены объекты, и на их активное восприятие - и со стороны творца, и со стороны зрителя. Это происходит потому, что классическое понимание искусства как мира художественных произведений - объектов - возникло и получило развитие во времена Баумгартена и Канта, то есть в XVIII веке. В XX веке, в связи с интенсивным изменением роли искусства и сопряжённым с ним изменением искусства как такового, требуется новая эстетическая теория, которая объяснила бы, как существует искусство вне выставочных залов, вне артефактов, вне разделения сцены и зрительного зала, в новом интерактивном пространстве, где зритель или читатель становится со-творцом.

Арнольд Берлеант [2] заявляет о необходимости выработки эстетической концепции, адекватной и реалиям современного мира, и способной дать “правильное представление об искусстве других периодов”. Он выдвигает и критически осмысливает следующие тезисы: 1) Искусство прежде всего состоит из объектов, 2) Объект искусства обладает особым статусом, 3) Объект искусства должен рассматриваться уникальным образом. Вывод касается превосходства искусства над “экспансию стилей, материалов и техник”. Именно в отношении к искусству “происходит большинство глубоких изменений, потому что художник задевает нашу настоящую способность определять, что есть искусство и нашу способность иметь опыт

искусства”. Объект искусства теряет свою важность, поскольку именно воспринимающий человек наделяет объект свойствами, составляющими его принадлежность искусству. Важны не объекты, а ситуация, в которой случается эстетический опыт.

В некоторых современных подходах художественная форма - прежде всего, способ осуществления свободной связи между людьми, воплощенная в произведении. Так, в капиталистическом мире, где люди разобщены, а все отношения являются товарно-денежными, и закрепощены узкой специализацией, искусство остается способом бескорыстного общения, осуществляемого в форме игры [4]. “Искусство – это состояние встречи” (М. Дюшан). Тем не менее, определяя искусство как коммуникацию, мы игнорируем другие его аспекты. Ведь если кино можно полноценно смотреть только коммуницируя другими людьми в кинозале, почему для его просмотра мы упорно пользуемся смартфонами и ПК? Что это за коммуникация, при которой лучшее чтение книги - чтение в тишине? Да, общение с автором посредством искусства - тоже коммуникация через века и океаны, но можно ли назвать такое общение объединяющим социум в пространстве игры? И в этом смысле идеи И.Канта все так же значимы, поскольку освобождение от всего, кроме коммуникации - своего рода закрепощение в коммуникации. Ведь искусство, по И. Канту, свободно само по себе .

Размышление об образе как основном орудии литературы выражено в § 49. Духовность - то, что делает литературное произведение прекрасным. Дух как «оживляющий принцип в душе», обеспечивает движение - так называемую самоподдерживающуюся игру, которая активизирует необходимые для достижения цели силы. Духовность противоположна (находится в «обратном соответствии») идее разума, понятие не идентично образу как свободному «представлению воображения» - идее, которая существует за пределами опыта и приближается к интеллектуальной идее - идее разума, благодаря творческой силе воображения.

То, что можно назвать символической функцией художественной формы выражается, по Канту, в форме эстетических атрибутов, отражающих «в качестве дополнительных представлений воображения лишь связанные с понятие следствия и его родственность другим понятиям», которые невозможно адекватно выразить через понятие. В отличие от логических атрибутов, выраженных в понятиях, например, «о возвышенности и величии творения», эстетические атрибуты отражают дополнительные смыслы и то, что сегодня мы можем назвать коннотациями - «то, что дает воображению повод распространиться на множество родственных понятий, которые позволяют мыслить большее, чем может быть выражено в понятии» и логическом рассуждении.

Словесные искусства одухотворяются с помощью эстетических атрибутов, сопутствующих логическим атрибутам и придающих изображению размах, который «заставляет мыслить больше, хотя и в

неразвитом виде, чем может быть охвачено понятием, то есть определенным словесным выражением».

Современные исследования, в целом, признают особое положение искусства и образа как его основного художественного средства. Форма существует как образ, наполненный смыслом, это “горизонт, в котором образ обретает смысл, создавая желанный мир” [4]. Ребенок, наблюдающий за спичкой, находит наслаждение в этом непродуктивном и разрушительном движении, считает Ж.-Ф. Лиотар, связывая это с фрейдовским влечением к смерти; и это - базовое выразительное средство кино, существующее на грани пристойности. Лиотар пишет о своеобразном «пиротехническом императиве», который, по его мнению, представляет собой требование избыточности движения, нарушающего форму зрелища. [1, с.119], и превосходит этику «красоты», «истины» и «блага». Важно, какие свойства восприятия учитываются при создании произведения искусства - воспринято оно может и должно быть совершенно особенным образом, считает С. Дарсель, дело в «понимании сложного и многообразного смысла художественного нарратива» [6; с.8]

Образ способен вызывать целостный, живой, эмоциональный опыт; этих свойств понятие не имеет. В статье Р. Шустермана “Эстетический опыт: от анализа к эросу” [8] анализируется исторически сложившаяся связь удовольствия и ценностей, феноменологический характер эстетического опыта, телеология создания эстетических теорий, единство и интенсивность эстетических чувств. Чувственная вовлеченность признается мерилем художественного, самым надежным из критериев принадлежности миру эстетического. Восприятие как активное проявление чувственности, не похожее на отстраненный, свободный от интереса взгляд, присущий классической эстетике, подразумевает вовлеченность, участие, в идеале - экстатическое, отражающее концепцию познания как опыта, родственного эротическому.

Однако полностью ли современное искусство осуществляется за счет использования образа как культурного средства? Касательно литературы, все вовсе не так однозначно, ведь литература оперирует словом, которое несвободно от давления законов язык: понятие нагружено множеством смыслов и коннотаций, в их бесконечных сочетаниях порождающих сложный эстетический образ.

Преемственность и новизна в литературе - проблема, сформулированная Кантом в § 32. Юный поэт должен самостоятельно высказывать суждение вкуса, даже без опоры на суждения других, ведь суждение вкуса «не основывается на понятиях». Опыт трансформирует его суждение, сформирует вкус, возможно, заставит отказаться от ранних суждений. Шедевры прошлого не должны подавлять самостоятельность творчества: путь авторов былого - указание на необходимость самостоятельности в творческом поиске. Деятельность предшественников направлена не на то, чтобы сделать тех, кто следует за ними, просто

подражателями, но чтобы своими действиями указать им, что они должны искать принципы в самих себе и идти собственным, подчас лучшим путем.

В современных эстетических концепциях новизна и преемственность - вовсе не определяющие идеи. Современное искусство, пишет Н. Буррио, не нуждается в новизне, которую модернисты возводили в главный принцип, потому что протестовали против прежних, устоявшихся форм отношений. Оно - встреча, промежуток времени, наполненный социальным экспериментированием и живой дискуссией; оно - событие, стягивающее отношения [4]. В постмодернистских концепциях новизна заменяется цитированием, аллюзиями, иронией и, опять-таки, ценность художественного произведения начинает измеряться идеологическим контекстом. Однако господствующее как тенденция в современной литературе стремление рассказать старую историю так, как может рассказать только данный конкретный автор - это стремление к уникальности можно рассматривать как трансформированное стремление к новизне, которое «смирилось» с невозможностью оторваться от наследия прошлого.

Заключение. Современные исследователи искусства так или иначе касаются проблем, выдвинутых И. Кантом, и формируют свою позицию относительно его идей. Формалисты (Белл, Фрай) унаследовали внимание к свободной форме, эмотивисты (Толстой, Дюкасс) акцентировали интерес к эстетическому переживанию, интуитивисты (Кроче) признали активную роль творческого воображения, органицисты (Бредли) и волюнтаристы (Паркер) обсуждали проблемы восприятия как эстетические проблемы [5]. Этих теорий не существовало бы без идей И. Канта, которые при поверхностном взгляде могут представляться архаичными и неактуальными.

Проблемы, сформулированные И. Кантом относительно словесных искусств, получили развитие в современном мире, трансформировались в соответствии с изменениями культурной и общественной жизни. Литература сегодня не может рассматриваться как искусство, полностью свободное от рационального интереса, но в ней сохраняется свободная игра воображения, основанная на образах, понимание которых усложнилось и наполнилось новыми смыслами и значениями; сама по себе новизна не является целью создания современного произведения литературы, но стремление к новизне как проявлению уникальности авторского отношения к миру и своему месту в нем формирует новые установки в творческом процессе, а также в исследовании словесного творчества.

Список использованной литературы:

1. Аронсон О.В. Обыденное возвышенное (кино по Жан-Франсуа Лиотару) // Философский журнал. 2009. №1 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obydennoe-vozvyshennoe-kino-po-zhan-fransua-liotaru> (дата обращения: 13.06.2020).

2. Берлеант А. Историчность эстетики // Феноменология искусства. М.: ИФ РАН, 1996. URL: <https://iphras.ru/page50021798.htm> (дата обращения: 13.06.2020)
3. Боровикова Н.М. Агрессия и насилие: проявление в современных кинофильмах военной тематики (на примере российских и англо-американских кинопродуктов) // Общество: философия, история, культура. 2019. №5 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-i-nasilie-proyavlenie-v-sovremennyh-kinofilmah-voennoy-tematiki-na-primere-rossiyskih-i-anglo-amerikanskih-kinoproduktov> (дата обращения: 13.06.2020).3.
4. Буррио Н. Реляционная эстетика / Постпродукция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016
5. Вейц М. Роль теории в эстетике // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века - антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология. Под ред. Б. Дземидока и Б. Орлова. Одиссей, Деловая книга. 1997.
6. Вирен Д. Г. «Моральное беспокойство» в кинематографе стран «восточного блока»: уникальность и универсальность // Славянский мир: общность и многообразие. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralnoe-bespokoystvo-v-kinematografe-stran-vostochnogo-bloka-unikalnost-i-universal-nost> (дата обращения: 13.06.2020).4.
7. Кант И. Критика способности суждения. Москва. 1994,- 367 с.
8. Richard Shusterman. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. Vol. 64, No. 2 (Spring, 2006), pp. 217-229

ХОЗЕРОВА Т.П.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИММАНУИЛА КАНТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Из множества этических теорий ведущими направлениями нравственной философии всегда считались два подхода. Один называется *телеологическим* и определяет, что правильно, а что нет, исходя из последствий действий человека. Наиболее известной версией этого подхода является **консеквенциализм**, зачастую между ними даже ставят знак равенства.

Второй подход - *деонтологический*. Рассуждения его приверженцев строятся на понятии долга. Деонтологи основывают свои решения на таких понятиях, как честность, преданность, справедливость, права человека, а

соблюдение моральных принципов считают обязательным безотносительно к его последствиям.

Консеквенциональные аргументы сфокусированы на последствиях решений или действий. Важный вопрос, который встает при этом: последствия для кого или для чего - и какие именно последствия? Можно оценивать последствия для лица, принимающего решения, последствия для компании, местного сообщества, государства, всей планеты и т.д. В зависимости от того, кто является получателем результатов, меняется и оценка последствий. Внутри консеквенциалистского подхода выделяется несколько основных течений.

Эгоизм - это подход, сконцентрированный на индивидуальном интересе. Обычно он отождествляется с личным интересом человека, но концепция эгоизма может быть применена также и к интересам организации. Цель решения, основанного на эгоизме, - благоприятные последствия для носителя интереса независимо от того, каковы они будут для других. Это не значит, что последствия обязательно будут плохими, просто в процессе принятия решения интересы других не учитываются. Интересы могут быть как краткосрочными, так и долгосрочными. Принятие решений с учетом долгосрочных интересов часто называют просвещенным эгоизмом. В процессе принятия такого решения учитываются его непосредственное и косвенное воздействие в течение длительного периода времени, а также его последствия для ключевых партнеров и их реакция. Например, решение увеличить прибыль за счет несправедливого лишения работников каких-либо ранее предоставленных благ нанесет ущерб их мотивации, и в конечном итоге издержки этого решения могут превысить первоначальную выгоду.

Концепция эгоизма отражена в философии Адама Смита (1723 - 1790), который считал, что каждый человек будет пытаться найти наиболее выгодное применение для своего капитала. Несмотря на то, что он будет принимать во внимание свою собственную выгоду, это неизбежно приведет к выбору того занятия, которое больше всего выгодно обществу. При этом основным допущением Смита было то, что каждый будет стараться вложить свой капитал в поддержку отечественной промышленности, что в конечном итоге увеличит доходы всего общества. По сути Смит провозглашал принципы просвещенного эгоизма. [5, С.332]

В современном обществе также широко представлен **утилитаризм**. Согласно его принципам, решение этично, если оно обеспечивает наибольшую конечную пользу, чем любое другое. Тот, кто принимает решение, должен оценить каждый вариант, определить все его положительные и отрицательные последствия, а затем выбрать тот, который принесет максимальное благо для максимального числа людей.

Деонтологическое учение провозглашает основной категорией морали долг, и он не зависит от последствий поступков человека. Некоторые действия могут рассматриваться как неправильные, даже если их последствия были хорошими. Деонтологическим является традиционный

подход к морали, характерный для иудаизма и христианства. Яркий представитель деонтологического подхода - немецкий философ Иммануил Кант (1724 - 1804). Влияние его идей и деонтологического подхода в целом в нашем обществе очень сильно.

Основной постулат кантианской этики заключается в том, что человек в своих действиях должен руководствоваться универсальными принципами, которые применяются независимо от последствий. Кроме того, действие может считаться моральным только тогда, когда оно предпринято как обязанность, а не в ожидании поощрения. С точки зрения Канта принципы существуют априори. Набор принципов не зависит от ситуации, в которой принимается решение. Часто для иллюстрации негибкости кантовской этики используется его отношение ко лжи. По Канту принцип говорить только правду, даже если в конкретном случае ложь спасет жизнь человека, должен соблюдаться без исключений.

Одним из основных понятий кантианской этики является категорический императив. Императивы (принципы, команды) делятся на два вида:

1. Гипотетические - относительные, условные. Они требуют, чтобы наши действия были полезны (целесообразны). Например, это советы врача пациенту.

2. Категорические - безусловные - предписывают поступки, которые хороши сами по себе, безотносительно какой-либо цели. Категорический императив требует соблюдения долга. Долг - это необходимость действия из уважения к нравственному закону, даже если это и противоречит интересам конкретного индивида. Как использовать деонтологический подход на практике? Как определить, каким правилам и принципам следовать? Можно положиться на так называемое «золотое правило» - базовый нравственный принцип, известный большинству религий. «Золотое правило» этики Конфуция гласит: делай для других то, что ты хочешь, чтобы они делали для тебя, и наоборот.

Самая большая проблема в применении деонтологического подхода - решить, какой долг, какую обязанность, правило или принцип предполагать, потому что этические дилеммы основаны на конфликте принципов. Лояльность компании может столкнуться с другими ценностями, такими как честность, справедливость, сострадание. Например, вам предстоит уволить своего лучшего подчиненного, прекрасного работника, только на основании принципа «последним нанят - первым уволен». И представьте, что этот подчиненный потеряет медицинскую страховку, а его ребенок серьезно болен. Другой подчиненный не имеет семейных обязательств, но он проработал в компании дольше, при этом тоже отличный работник. Каким будет наиболее этическое решение?

Теоретики этической мысли обычно строят свои рассуждения так, чтобы они не выходили за рамки одного подхода. Но возможно ли это при принятии управленческих решений - ведь мы знаем, что оба подхода

несовершенны? Тех, кто совмещает два подхода, называют «этическими плюралистами». При этом возникает проблема - какой из подходов выбрать в каждом конкретном случае?

Некоторые деонтологические теории больше, чем на долге, сфокусированы на правах человека. Концепция прав ведет свое начало от классического греческого понятия естественного права, обозначающего совокупность неотъемлемых принципов и прав, вытекающих из природы человека и независимых от социальных условий. Центральное место в этих концепциях занимает понятие справедливости.

Основной из современных теорий справедливости является подход Джона Ролза (1921 - 2002). Он обобщает различные уровни и аспекты справедливости и предлагает некую идеальную модель для либерально-демократических обществ. Теория основана на двух принципах. В соответствии с первым каждому разрешено обладать тем же максимальным объемом равной основной свободы, который совместим с такой же свободой других. Второй - социальные и экономические неравенства допустимы, только если они выгодны всем. Ролз считает, что если неравенства и возникают, то при этом человек, имеющий от них минимум выгоды, все равно оказывается в лучшем положении, чем то, в каком он был до возникновения неравенства.

Теория Ролза касается так называемой дистрибутивной (распределительной) справедливости - распределения благ и тягот среди членов общества. Блага - это доходы, рабочие места, богатство, образование, свободное время. Тяготы - труд, налоги, социальные и гражданские обязанности. Исторически выработаны три принципа дистрибутивной справедливости: всем поровну, каждому по заслугам, каждому по потребностям. На сегодня в большинстве обществ мира господствующим является принцип «каждому по заслугам». [7, с.45] В бизнесе он реализуется различными способами, например, в том, что вознаграждение (зарботная плата и бонусы) зависит от количества и качества труда.

Другой подход к дистрибутивной справедливости выработали либертарианцы (последователи Джона Локка). Они считают, что справедливость гарантирована только при условии максимальной свободы индивида. Современная позиция либертарианцев сформулирована Робертом Нозиком (1938 - 2002) в книге «Анархия, государства и утопия» [3, С.205]. В соответствии с его «теорией распределения прав» справедливость распределения основывается на том, как была обретена собственность, независимо от подлинной природы распределения. Справедливым считается такое распределение, при котором «каждый имеет право на то, чем владеет».

Следующим важным подходом является нравственный релятивизм.

Многие люди, особенно в бизнесе, считают, что нравственность - личное дело каждого. У каждого свои собственные моральные принципы, и никто не имеет права навязывать их другим. Все должны соблюдать закон, но сверх этого каждый вправе руководствоваться лишь собственными

представлениями о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Такая же точка зрения часто выражена по отношению к другим странам и культурам: в каждой стране существуют свои критерии нравственности, и, делая бизнес в другой стране, надо придерживаться местных обычаев.

Этический релятивизм часто возникал как ответ определенных социальных групп на господствовавшие нормы нравственности, которым придавалось значение догм. Во взглядах этических релятивистов нет ничего общего и закономерного, такие воззрения возникали уже в рабовладельческом обществе. Софисты подчеркивали относительность добра и зла, определяя добро как то, что полезно отдельным людям, а также указывали на различия в нравственных представлениях разных народов (то, что считалось добродетелью у одних, порицалось как порок у других).

Некоторые крайние формы этического релятивизма полностью отрицают какие-либо объективные основания нравственности. Сторонники неопозитивизма - эмотивистской теории - считают, что нравственные суждения не имеют никакого объективного содержания, а выражают лишь субъективное мнение тех, кто их высказывает. По их мнению, нельзя и судить об истинности или ложности этих суждений, следовательно, в морали оправдана любая точка зрения. По сути это оправдание этического нигилизма.

На наш взгляд, этическая теория И.Канта является базисом в обществе. В современных условиях она дает возможность каждому принимать правильные решения и наполнять свою жизнь глубинным смыслом.

Список использованной литературы:

1. Кант И. Критика чистого разума//Сочинения в шести томах. Т.3, М., «Мысль», 1964
2. Мартынов А.С. Конфуцианство. Этапы развития. Конфуций. С-Пб., 2006.
3. Нозик Р. Анархия, государство и утопия, Москва, 2008. С.205
4. Скрипник А.П. Категорический императив Иммануила Канта-М.:Изд-во Моск.ун-та, 1978,189 с.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1961. С. 332.
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1961. С. 651.
7. Ролз Д. Теория справедливости. М., 2010. С.20-30.

Раздел III

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ: ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

АСТАПКОВИЧ А. Э.

Академия Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Рязань, Российская Федерация

ВЫРАЖЕНИЕ НРАВСТВЕННОЙ ТЕОРИИ И. КАНТА В СОДЕРЖАНИИ ПРОЦЕССА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Уголовное наказание представляет собой целенаправленную государственно-правовую деятельность. В ее основе лежат понятия законности, справедливости, гуманизма и другие нравственные категории, которые, будучи выраженными в праве, приобретают характер правовых ценностей.

Примечательно, что в ч. 1 ст. 9 УИК РФ впервые на законодательном уровне дается определение понятия исправления осужденных. Нравственное позитивное преобразование личности является одним из необходимых условий восстановления, нарушенных совершением преступления доверительных и открытых отношений в обществе.

Под исправлением осужденных традиционно понимается формирование у них уважительного отношения к личным и социальным ценностям. С. Х. Шамсунов считает, что процесс исправления осужденных - «именно отсутствие устойчивых нравственных начал приводит людей к преступлению» [8, с. 31]. По мнению Т. И. Помыткиной, «ресоциализация и возвращение преступников к право послушному образу жизни немислимы без духовно-нравственного перерождения личности осужденного» [6, с. 11]. С. В. Познышев указывал на то, что «цель тюремного воспитания заключается в формировании у осужденных разносторонней психики, изменении их прежнего образа жизни, в формировании нового плана жизни, в воспитании способности задерживать и обсуждать мысли об противоправных деяниях посредством религиозного и нравственного просвещения» [5, с. 6].

Очевидно, что исправление состоит в постоянном, непрерывном, системном воздействии на личность осужденного средствами, заложенными в самом уголовном наказании. Оно включает в себя несколько направлений. Одним из самых значимых и сложных является привитие осужденному уважительного отношения ко всему что его окружает, это люди, природа, общество. Согласно статье 5 указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и

ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Очевидно, что принятие и развитие данных ценностей определяют наличие духовного потенциала всего народа, способствуют повышению сплоченности российского общества, преодолению идеологического кризиса, ведущего к утрате человечеством нравственных ориентиров и моральных принципов.

Процесс взросления и воспитания человека подразумевает необходимость разграничения таких оценочных категорий, как «хорошо» и «плохо», этических понятий «добра» и «зла», которые существуют в обществе.

К сожалению, совершение преступления всегда связано с нарушением не только закона, но и правил морали, нравственности, а иногда и человечности. Общественно опасное деяние угрожает нормальной жизни личности, общества, государства. Уважение к человеку и социальным нормам основывается на общем приятии и толерантности, присутствующих в любом социуме для исключения ситуации нестабильности и хаоса.

Различные ученые и философы поднимали вопросы и рассуждали о понятии нравственности, зле и добре, отношении к близким. Один из известных немецких философов И. Кант, рассматривал эти вопросы в своей книге «Метафизика нравственности» [4, с. 99]. Всесторонние и систематические работы Канта в области эпистемологии, метафизики, этики и эстетики сделали его одной из самых влиятельных фигур в западной философии Нового времени.

Относительно уважительного отношения между людьми примечательно следующее суждение И. Канта: «Соблюдением же долга уважения я обязываю исключительно самого себя, – я удерживаю себя в соответствующих рамках, дабы ничего не отнять у другого от того достоинства, которое он как человек вправе сам себе придать» [4, с. 120]. То есть презюмируется наличие морального основания в поведении человека. Воздействие категорического нравственного императива, действующего в отношении каждого человека, безусловно, следует учитывать при организации исполнения и отбывания наказания в отношении осужденных, лишенных свободы.

Долг уважения, как его именует И. Кант, представляет собой этическую обязанность. Она предполагает необходимость относиться к людям с почтением и достоинством, признавая их уникальную ценность как разумных существ. В отличие от любви, симпатии или солидарности, уважение основано не на личных привязанностях или симпатиях, а на универсальном принципе признания человеческого достоинства.

Следует согласиться, что уважение к другим проистекает из их способности к рациональному мышлению и самосознанию. Справедливость

подобного подхода основывается на человеческой способности мыслить, чувствовать и принимать решения, что наделяет их особой ценностью и значимостью.

Также уважение требует признания автономии и свободы воли других людей. Каждый человек имеет право на свои собственные убеждения, ценности и жизненные выборы.

Очевидно, что уважение связано с признанием и сохранением достоинства всех людей. Оно является неотъемлемым качеством человеческого существа, которое не зависит от его социального статуса, происхождения или способностей. Каждый человек обладает достоинством просто потому, что он человек.

Долг уважения лежит в основе концепции прав человека. Права человека – это неотъемлемые права, присущие каждому человеку просто потому, что он человек. Они включают в себя право на жизнь, свободу, равенство, безопасность и достоинство. Уважение к другим требует соблюдения и защиты этих прав.

Уважение побуждает нас проявлять сочувствие и эмпатию к другим людям, понимать их чувства и переживания, даже если они отличаются от наших собственных. Это помогает нам строить более тесные и значимые отношения с окружающими. Известный американский этик М. Слоут в этой связи назвал эмпатию «цементирующей силой моральной вселенной» [7, с. 13].

Во втором приложении к произведению «Вечный мир: вклад в политическую науку» И. Кант писал: «И любовь к человеку, и уважение к праву людей есть долг; первое, однако, только обусловленный, второе же – безусловный, абсолютно повелевающий долг» [1, с. 56].

Уважительное отношение осужденных к личным и социальным ценностям имеет существенное правовое значение. Согласно УК РФ (статья 79) применение условно-досрочного освобождения применяется только в случае, если суд убежден, что осужденный способен исправиться до конца отбывания полного наказания. В таком случае, мы имеем дело с оценочным понятием, которое зависит от степени исправления осужденного и определяется соответствующими учреждениями и органами, осуществляющими исполнение уголовных наказаний. Также, для изменения вида ИУ, на осужденного делается характеристика, в которой в зависимости от своего поведения и отношения к труду в течение всего периода отбывания наказания осужденным к лишению свободы может быть применена такая мера. В характеристике должны содержаться данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию и о том, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления.

В УИК РФ (УИК РФ) применяются различные термины для определения степени исправления осужденного. Например, ч. 3 ст. 108 УИК РФ указывает, что отношение осужденных к получению начального профессионального образования и профессиональной подготовке учитывается при определении степени их исправления. Наличие высокой степени развития интеллектуальных качеств и гибкости мышления имеет существенную роль в оценке и регулировании своего поведения осужденными.

При определении понятия исправления, законодатель акцентирует внимание на формировании у осужденных реально достижимых качеств личности в процессе исполнения и отбывания наказания. Одной из таких качеств является привитие элементарных знаний, умений, навыков и привычек поведения в обществе, таких как уважение к другим людям, труду и соблюдение норм и правил общежития.

И. Кант в различных своих трудах поднимал вопрос о нравственности, правилах поведения, отношения людей друг к другу, о нормах жизни общества [3, с. 40]. Его подходы помогают переосмыслить понятия «исправление», «уважение», «достоинство» с нравственной стороны, с точки зрения субъективного восприятия и объективного чувствования.

Список использованной литературы:

1. «К вечному миру» И. Канта / вступ. ст. и заключение А. В. Гулыги. - Москва: Моск. рабочий, 1989. - 75 с.
2. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. / Конституционное право России // учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Велби: Проспект, 2007.
3. М. Иммануила Канта / Наблюдения об ощущении прекрасного и возвышенного, в рассуждении природы и человека вообще и характеров народных особенно // Санкт-Петербург: театральная типография, 1804, 141 с.
4. Основы метафизики нравственности: / Иммануил Кант; перевод с немецкого Б. Фохта, Н. Соколова. - Москва: АСТ, сор. 2023. – 382 с.
5. Познышев С.В. / Основы пенитенциарной науки // С. В. Познышев. М.: КноРус, 2017. 200 с
6. Помыткина Т. И. / Общественные организации и уголовно-исполнительная система России: историчность и перспективы сотрудничества // учеб. пособие. Новокузнецк, 2010. 196 с.
7. Слоут М. / Моральный сентиментализм // Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2010. 163 с.
8. Шамсунов, С.Х. / Теоретические аспекты проблемы социализации личности осужденного к лишению свободы на современном этапе развития российской пенитенциарной системы // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. - М., 2004. - С. 29.

ЖИХАРЕВА А.А.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

*Научный руководитель: В.С. Лапина, кандидат философских наук,
доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии ННГАСУ*

ВЗГЛЯД И. КАНТА НА АРХИТЕКТУРУ

Тема архитектуры всегда освещалась философами разных эпох. Поднимались разговоры о её месте в системе искусств, об её целях, значении, критериях, которым она должна соответствовать. Так, например, Платон рассматривает архитектуру как строительное искусство, которое «пользуется точными инструментами и представляет собою прямое применение чистой арифметики», а Рене Декарт говорил, что «здания, задуманные и исполненные одним архитектором, обыкновенно красивее и лучше устроены, чем те, в переделке которых принимали участие многие, пользуясь старыми стенами, построенными для других целей». Архитектуре давались определения, кроме того, она использовалась как система для философского знания. В таком случае понятие «архитектура» имело метафорический характер и начинало функционировать в качестве парадигмы, как, например, у М. Хайдеггера в его статье «Вещь», где он указывает на «выставленность внутренней конструкции чистого разума», которая является его «чертежом». Здесь речь уже заходит об архитектонике разума. Конечно, представители классической немецкой философии тоже не могли оставить архитектуру без внимания, в том числе и Иммануил Кант.

Кант излагает свои эстетические идеи, в том числе и об архитектуре, в своем труде «Критика эстетической способности суждения». По мнению Канта «вкус есть способность судить о предмете или о способе представления посредством благорасположения или отсутствия его, свободного от всякого интереса. Предмет такого благорасположения называется прекрасным» [1, с. 78]. Таким образом, чтобы назвать что-либо прекрасным, необходимо быть незаинтересованным в этом предмете изначально – не быть заинтересованным в его пользе для нас. Если же мы можем извлечь эту пользу или тем более создаем что-то с конкретной целью, ставим задачи, которые объект должен выполнять, то наши размышления и суждения о красоте и «прекрасности» становятся предвзятыми и перестают быть свободными: «Каждый согласится, что суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес, пристрастно и не есть чистое суждение вкуса. Для того чтобы выступать судьей в вопросах вкуса, надо быть совершенно незаинтересованным в существовании вещи, о которой идет речь, и испытывать к этому полное безразличие» [1, с. 72].

Основываясь на этом суждении Кант подразделяет саму красоту на две категории: свободную (*pulchritudo vaga*) и сопутствующую (*pulchritudo adhaerens*). Свободная красота не предполагает, каким должен изначально быть предмет, и подразумевает под собой красоту самой вещи.

Сопутствующая же красота предполагает, каким должен быть конкретный предмет, и приписывается вещам, которые соответствуют своей заданной цели [1, с. 98]. Свободная красота – это красота сама по себе, она не связана ни с какой целью. Кант приводит пример цветов как свободной красоты природы, потому что в понимании этой красоты отсутствует принцип целесообразности. Суждение о свободной красоте по Канту это чистое суждение вкуса, которое не предполагает какой-либо цели.

Что касается видов искусства, то здесь философ следует сложившейся традиции классической философии и в качестве примера свободной красоты приводит музыку, точнее, музыкальную импровизацию, которая не следует заданным ранее правилам. Архитектура же не подходит под понятие свободной красоты. Красота «здания (церкви, дворца, арсенала или беседки) предполагает понятие цели, определяющей, какой должна быть вещь, т.е. предполагает понятие её совершенства и, следовательно, есть сопутствующая красота» [1, с. 99]. У архитектурного сооружения всегда есть конкретная задача, у каждого помещения есть своя конкретная функция. Таким образом, архитектура – это лишь сопутствующая красота, а такая красота наносит ущерб чистоте суждения вкуса, поскольку в ней доминирует, прежде всего цель. И мы не можем оценивать красоту здания, закрывая глаза на его функциональность и на соответствие его основной задачи, так как в таком случае смысл здания теряется, каким бы визуально прекрасным оно нам не представлялось [2, с. 236].

Следовательно, мы действительно не можем объективно судить прекрасно ли конкретное архитектурное произведение или нет, ведь мы всегда будем думать о его целесообразности. Мы заинтересованы в том, чтобы оно выполняло ту функцию, под которую оно создавалось, и соответствовало нормам и правилам, заданными конкретной типологией. И нас мало будут интересовать изысканность и утонченность форм церкви, где нет пространства для молитвы. Кроме того, здание не только должно выполнять свою функцию фактически, но и создавать впечатление, соответствующее его задачи: дворец должен выглядеть величественно и внушительно, чтобы проецировать власть правительства, арсенал должен иметь толстые стены с небольшим количеством отверстий, чтобы служить надежным бастионом, летний дом, напротив, должен быть легким и воздушным, (протестантская) церковь должна быть простой, чтобы вызывать соответствующее настроение смирения, и так далее [3, с. 15].

Из этого следует вывод, что мы можем судить о том прекрасно ли здание перед нами или нет, только если мы вовсе не заинтересованы в его назначении, словно мы случайный прохожий, взор которого был поражен объектом архитектуры, о котором мы совсем не имеем представления.

Однако в этом случае мог бы появиться человек, учитывающий цель и задачу сооружения, который бы возразил на утверждение о том, что это здание прекрасно, ведь функцию оно свою выполняет не в полной мере или не выполняет совсем. И нельзя в таком случае сказать, что чье-то суждение

верно, а чье-то нет. Просто «один судит о свободной красоте, другой – о сопутствующей, что один вынес чистое суждение вкуса, другой – прикладное» [1, с. 100].

В данном случае эстетическое соединяется с интеллектуальным, а из этого следует, что прекрасное существует уже не само по себе, а используется в качестве орудия для достижения другой цели – цели доброго. В данном случае, по Канту, «доброе – то, что ценят, одобряют, то есть то, в чем видят объективную ценность». Кант в начале своего труда описывает архитектуру, как нечто утилитарное и служащее в первую очередь заданной цели, а не созданное для получение эстетического удовольствия [2, с. 237].

Также интересным является размышление И. Канта о форме: «В живописи, в ваянии, вообще во всех видах изобразительного искусства, в зодчестве, садоводстве, поскольку они – прекрасное искусство, существенное – рисунок, в котором основой для склонности вкуса служит не то, что радует в ощущении, а то, что нравится только своей формой. Краски, расцвечивающие контуры, относятся к привлекательности; они могут, правда, сделать предмет сам по себе более живым для ощущения, но не достойным созерцания и прекрасным; более того, их очень часто ограничивает то, чего требует прекрасная форма, и даже там, где привлекательность допускается, благородство ему придает только прекрасная форма» [1, с. 94]. Красота здесь заключается именно в цельной форме объекта изобразительного искусства, в том числе зодчества (Рис.1, 2).

Рис.1. Церковь Преображения Господня – величайший памятник русского деревянного зодчества в составе храмового комплекса Кижского погоста на территории музея-заповедника «Кижи»

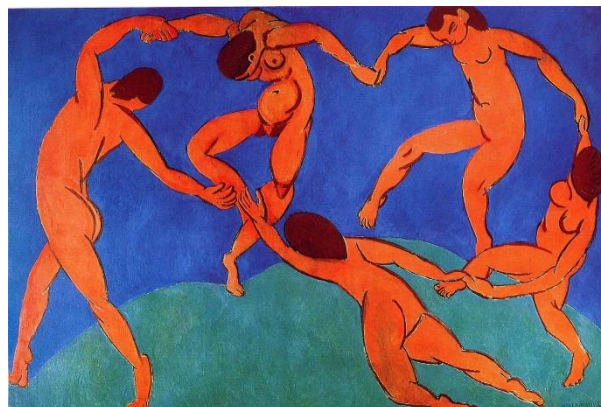

Рис.2. Танец – картина французского художника Анри Матисса, созданная в 1910 г.

«Краски», которыми в зодчестве могут выступать декоративные элементы или цветовой решение, конечно, могут преобразить здание, добавить ему особой прелести. Однако именно в форме заключается красота, именно по форме мы можем судить, прекрасно ли сооружение перед нами или нет. Забегая вперед, можно сказать, что эта же мысль повторится в эпоху конструктивизма, когда сама форма станет главным украшением здания (Рис.3). Кроме того, стоит заметить, что здесь Кант относит зодчество к прекрасному искусству.

Рис.3. Дом Наркомфина — один из знаковых памятников архитектуры советского авангарда и конструктивизма. Построен в 1928 — 1930 годах по проекту архитекторов Моисея Гинзбурга, Игнатия Милиниса и инженера Сергея Прохорова для работников Народного комиссариата финансов СССР

Рис. 4. Дом Костей – памятник модерна, созданный Антонио Гауди в Барселоне в 1904—1906 гг.

Мысль о том, что архитектура, несмотря на наличие цели при её создании, все же является прекрасным искусством, обладающим красотой, развивается и далее. Кант часто говорит о природе как об объекте, обладающем свободной красотой (ранее приводился его пример с цветами) и выражает мнение, что прекрасное искусство должно походить на природу: «Природа прекрасна, когда она похожа на искусство, а искусство может быть лишь тогда названо прекрасным, когда мы сознаем, что это искусство, но вместе с тем видим, что оно выглядит как природа» [1, с.179]. Следовательно, архитектура так же может обладать свободной красотой, отражая в себе красоту природную, но при этом трансформируя её, а не слепо копируя (Рис. 4). Упорядоченное проявление природы, подчиненное целесообразности и идеи, в прекрасном искусстве, в нашем случае в

архитектуре, и будет наделять архитектуру свободной красотой, не игнорируя при этом цель. Но как же это достигается у Канта?

Для этого есть гений – «талант (дар природы), который дает искусству правила» [1, с. 180]. Кант считает, что прекрасное искусство возможно только как продукт гения. Производство успешного искусства по Канту определяется концепциями, включая технические правила, но зависит от врожденной «оригинальности», «природного дара», который выводит художника за рамки его собственных правил таким образом, что он не может их сформулировать, и позволяет ему передавать последующим художникам образцы оригинальности, но не детерминированные правила. Его теория содержания успешных произведений изобразительного искусства – это его теория «эстетических идей». По мнению Канта, прекрасное произведение искусства должно обладать «духом»: «Стихотворение может быть весьма красивым и изящным, но без духа. Рассказ точен и хорошо организован, но без духа». А дух, «оживляющий разум принцип», возникает из «эстетической идеи», под которой он понимает «представление воображения, которое вызывает много мыслей, хотя и не может быть адекватным никакой определенной мысли, т.е. понятию, и которое, следовательно, никакой язык не достигает в полной мере и не может сделать понятным. Легко заметить, что это аналог (pendant) идеи разума, которая, наоборот, является понятием, которому никакая интуиция (представление воображения) не может быть адекватной» [1, с. 187].

В конечном счете, Кант понимает красоту искусства не как строго формальную красоту, о которой он говорил в первых пятнадцати разделах «Аналитики прекрасного». Его концепция заключается в том, что прекрасное искусство всегда предполагает глубокое интеллектуальное содержание, но делает это с помощью формы и материи, настолько богатых, что они не могут быть сведены к каким-либо правилам, а вызывают неиссякаемое и приятное «движение» или свободную игру в сознании зрителей [3, с. 16]. Следовательно, красота искусства заключается так же и в его идеи, в форме, которая воплощает эту идею, и между ними существует неразрывная связь (Рис.5). Таким образом, оценка красоты архитектуры без учета идеи будет неполноценной.

Далее Кант говорит о делении прекрасных искусств. Он считает, что существует только три вида прекрасных искусств: словесное, изобразительное и искусство игры ощущений. К изобразительным искусствам относятся пластика и живопись, а к пластике как первому виду прекрасного изобразительного искусства относятся ваяние и зодчество. Также Кант говорит, что в основе обоих прекрасных искусств лежит эстетическая идея, о которой говорилось ранее [1, с. 194-196].

Кант определяет зодчество как «искусство представлять понятия вещей, возможных только в искусстве, форма которых имеет для этого своим определяющим основанием не природу, а произвольную цель, но представлять их при этом эстетически целесообразно» [1, с. 196]. Здесь опять

говорится об эстетической целесообразности, что подтверждает неотделимость красоты от цели, когда речь заходит об архитектуре.

Рис.5 «Возвращение блудного сына»
— картина Рембрандта на сюжет
новозаветной притчи о блудном сыне,
написанная в 1666—1669 гг.

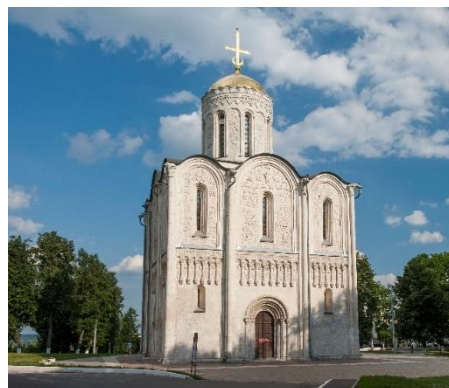

Рис.6 Дмитриевский собор —православный
храм во Владимире, возведённый Всеволодом
Большое Гнездо в 1194—1197 гг.,
канонический пример крестово-купольного
белокаменного храма владимиро-суздальской
архитектурной школы, знаменитый своей
белокаменной резьбой

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что мысль Канта об архитектуре в его работе «Критика эстетической способности суждения» развивается и дополняется. Изначально архитектура выступает как нечто утилитарное, исключительно служащее функции, обладающее лишь сопутствующей красотой. Озвучивается мысль о том, что цель только мешает оценке красоты архитектуры, делает эту оценку несвободной и необъективной. Однако позже Кант приходит к мысли, что цель и идея наоборот порождают форму, которая выражает красоту объекта архитектуры. Кроме того, в архитектуре природа находит своё проявление через гения, который её творит (Рис.6). Природа же обладает свободной красотой по определению, так как человек её не создаёт и не заинтересован в условном цветке. Следовательно, архитектура приобретает свободную красоту природы через гения.

Список использованной литературы:

1. Кант И. Критика эстетической способности суждения. М., 1994, 367 с.
2. Решикова С.П. Образ и место архитектуры в немецкой классической и постклассической философии // Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, 2015, С. 234-242.
3. P. Guyer. Kant and the Philosophy of Architecture // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 2011, P. 7-19.

КРИВОВ В.О.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Научный руководитель: Гордин А.А.,

*доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории, философии, педагогики и психологии, ННГАСУ*

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ЭВАКУАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)

В современной исторической науке широко признано, что эвакуация в СССР в период Великой Отечественной войны считается существенным фактором, способствовавшим победе в войне. Анализ этого исторического опыта приобретает особую важность для постижения исторических и экономических тенденций современного общества. Актуальность темы подтверждается большим количеством публикаций исследователей из разных регионов России и ближнего зарубежья. Кроме того, можно выделить обобщающие работы по роли деятельности такие как: роль НКВД в эвакуации, роль железной дороги в эвакуации и другие. Особое значение данная тематика приобретает в период празднования 80-й годовщины снятия блокады Ленинграда, которая тесно связана с эвакуацией промышленности и населения на Восток.

Большой вклад в изучение и анализ проблематики эвакуации провела Серебрянская Г.В. В 2020-м году появилась статья, позволяющая глубже понять процесс эвакуации населения и промышленности из западных регионов СССР в более безопасные восточные территории в начальный период Великой Отечественной войны. Автор исследует ход эвакуации в Волго-Вятский регион. Особое внимание уделяется наиболее масштабному этапу лета-осени 1941 года ^[10].

В статье Серебрянской Г.В., опубликованной в 2021 году, приводится статистика размещения эвакуированного населения на территории Горьковской области по годам войны, почерпнутая преимущественно из архивов. В Горьковской области увеличилось число заводов, выпускавших военную продукцию. По данным автора было эвакуировано более 100 заводов и фабрик с территории Советского Союза, в том числе 13 промышленных предприятий союзного значения. В начальный период войны, когда врагом были захвачены индустриальные районы, а эвакуированные в другие центры Поволжья, на Урал, Сибирь, Среднюю Азию предприятия были еще в пути или только разворачивали свои производства, промышленность Горьковской области с первых военных месяцев уже снабжала фронт всем необходимым ^[11].

В работе Тимофеевой И.О. и Вагаповой Ф.Г. рассмотрены процессы эвакуации предприятий оборонной промышленности в Казань в годы

Великой Отечественной войны. Масштабная эвакуация привела к возникновению новых крупных промышленных центров, а воспоминания работников этих предприятий позволили оценить изменения в общественном сознании. В исследовании затронуты проблемы сверхцентрализованной системы управления промышленностью в годы войны и изменений, произошедших в условиях жизни и трудовой деятельности работников предприятий в результате эвакуации ^[12].

Участие пензенцев в битве за Ленинград и эвакуации в своей статье рассматривает Тишкина А.В. Автор проводит анализ по историографии пензенских краеведов (как советского, так и современного периода) по вопросам эвакуации. Выделяются конкретные предприятия, которые были эвакуированы из Ленинграда [13].

В статье Кошкиной О.А. и Сергеевой А.Н. рассматривается роль Государственного оптического института (ГОИ) Наркомата вооружения СССР во время его эвакуации в г. Йошкар-Ола в период Великой Отечественной войны. Авторы обращают особое внимание на анализ материалов, связанных с хозяйственным устройством эвакуированного населения. Также подчеркивается роль партийных и государственных органов в организации поддержки ученых и рабочих института в процессе производства новых образцов вооружения для Красной армии в период военных действий ^[5].

Большой интерес представляет статья, опубликованная Топчиенко М.В., Русановым А.Ю. и Кураевым А.М. в 2023 году, в которой приводится анализ эвакуации предприятий танковой индустрии в самом начале войны, расцениваются понесенные потери, их воздействие на дальнейшую организацию производства. За счет масштабной эвакуации танковой индустрии удалось не только сохранить, но и значительно увеличить производственные мощности, что было важным фактором в победе СССР во Второй мировой войне ^[14].

Исследование проблемы становления промышленности Мордовии в период Великой Отечественной войны анализировали Кошина О.В. и Скворцова Л.Г. Вопрос эвакуации стал актуальным в свете необходимости реализации ускоренной индустриализации республики. Исследование опирается на сборник документов, опубликованный к 50-летию Победы в 1995 году, и на периодические публикации 1940-х годов. В работе также используются обобщающие работы по истории РСФСР и МАССР в период войны, а также монографии, посвященные развитию промышленности региона в это время. Особое внимание уделяется влиянию экстремальных условий военного времени, которые способствовали активизации процессов индустриализации Мордовии, развитию новых отраслей промышленности, формированию кадров и изменению структуры промышленного комплекса республики ^[4].

Статья Елохова В.В. и Корнаковского И.Л. посвящена исследованию массовой эвакуации населения, промышленных предприятий, колхозов,

культурных и научных учреждений во время Великой Отечественной войны в 1941-1942 годах. Авторы рассматривают этот героический период в переоснащении производственных ресурсов СССР в годы войны и подчеркивают важность проведения фундаментальных исследований на эту тему. Они также обращают внимание на тот факт, что реальное количество людей и предприятий, перебазированных на восток, было намного больше, чем изначально оценивалось. Также отмечается, что эвакуация в годы войны была связана с потерями, но несмотря на это, промышленность Советского Союза смогла сохраниться и достичь поставленных правительством целей. Авторы заключают, что эвакуация в СССР в годы Великой Отечественной войны была уникальной и не имела аналогов в мировой истории, а также выразили мнение, что перевод экономики на военные рельсы и эффективное использование рабочей силы в тылу были одной из ключевых причин победы СССР в этой войне. Приводятся статистические данные, сколько предприятий и заводов было эвакуировано ^[2].

Публикация Емельянова А.М. посвящена теме эвакуации и деятельности ленинградского авиаприборного завода № 470 в годы Великой Отечественной войны. Завод производил важные авиаприборы – высотомеры, указатели скорости, вариометры и др. Обеспечивал приборами самолетостроительные заводы. Автор делает следующие выводы: эвакуация завода позволила сохранить производственные мощности Ленинграда и внести вклад в обеспечение фронта необходимыми приборами. Таким образом, исследование дает представление о работе эвакуированного предприятия в тылу в сложных условиях военного времени ^[3].

В статье Попова А.Н. и Маткина А.А. проводится исторический анализ процесса эвакуации Наркомата Вооружения СССР и Ленинградского военно-механического института в г. Молотов (современная Пермь) в годы Великой Отечественной войны. Авторы подчеркивают важные аспекты этого периода, фокусируются на систематизации и обобщении информации о выборе данного места для эвакуации как ключевого фактора для работы артиллерийской отрасли Советского Союза. Исследуются причины выбора места для эвакуации, процесс самой эвакуации и последующей реэвакуации, а также результаты деятельности. Проведенный анализ позволяет выработать уникальную историческую точку зрения на период Великой Отечественной войны и подчеркивает важность совместных усилий в обеспечении бесперебойной работы ключевых учреждений ^[8].

В публикации совместного труда исследователей из Иваново (Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Гаврилов А.Ю., Околотин В.С.) анализируется эвакуация предприятий текстильной промышленности из прифронтовых областей в начальный период Великой Отечественной войны. Приводятся данные: в какие области проходила эвакуация текстильной промышленности помимо Иваново, с какими трудностями столкнулись эвакуированные жители, какие проблемы были с точки зрения бюрократии (не правильно оформленные или не согласованные между наркоматом и

советом по эвакуации документы). Статья подготовлена на материалах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Ивановской области, имевших ранее гриф «совершенно секретно»^[15].

В статье Акрамова А.А. отмечается, что с началом Великой Отечественной войны в Таджикистан стали прибывать станки и техническое оборудование предприятий пищевой и легкой промышленности из разных городов России. В Таджикистан прибыли оборудование консервного завода из Симферополя, ткацкие и швейные станки из предприятий Ленинграда, Москвы, поступил большой объем медицинского оборудования из различных городов, оказавшихся на пути захвата войсками гитлеровской Германии. В целом в Таджикистан было эвакуировано 20 заводов и фабрик из 27 запланированных в 1942 г.^[1]

В статье Павленко Д.А., Соловьева А.С., Максимовой Л.В. представлены результаты анализа эвакуационных железнодорожных перевозок важнейших объектов народного хозяйства СССР в начальный период Великой Отечественной войны 1941-1942 гг. Приведены объемы эвакуируемых предприятий, а также направления их перевозок. Подробно разобраны основные проблемные вопросы и недостатки, возникавшие при погрузке, движении и выгрузке эшелонов с оборудованием и материальными средствами. Таким образом, умелое руководство в целом и в частности организацией эвакуационных железнодорожных перевозок, самоотверженность и героизм граждан Советского Союза, а также достаточно хорошо развитая сеть железных дорог были решающими факторами успешной эвакуации (перебазирования) предприятий промышленности, в первую очередь оборонного значения в восточные регионы страны^[7].

В статье Лагвилава У.Г. рассматривается роль НКВД под руководством Л.П. Берии в организации перемещения советских предприятий из западных районов внутрь СССР в начале Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется не только масштабам этого процесса, но и высокой организованности перевозки персонала и оборудования в новые регионы на Урале, в Поволжье, в Сибири и в Средней Азии. Автор приходит к выводу о выдающихся организационных способностях Л.П. Берии и других руководителей НКВД^[6].

В 2021 году Солнышкин А. А. опубликовал статью на английском языке ввиду того, что мало кто из иностранных историков раскрывал вопрос эвакуации во время войны. В основу публикации легли монографии, посвященные Великой отечественной войне. Статья посвящена анализу действий ГКО по эвакуации ленинградской промышленности^[16].

Обобщающей статьей по историографии темы эвакуации является публикация Потемкиной М.Н. и Климанова А. Ю., вышедшая в 2020-м году. Авторы анализируют особенности изучения различных аспектов эвакуации в

годы Великой Отечественной войны современными российскими учеными [15].

Таким образом исследования, проведенные в этот период, указывают на актуальность темы эвакуации в историографии. Эвакуация населения и промышленности во время Великой Отечественной войны оказала огромное влияние на течение событий и принятие стратегических решений. Поэтому продолжение изучения этой темы перемещает акценты с макроуровня на микроуровень, фокусируясь на отдельных предприятиях или конкретных областях, чтобы лучше понять детали и особенности этого процесса. Однако, в ходе исследования возникают некоторые проблемы. В настоящее время не все материалы, связанные с эвакуацией, были открыты и доступны для историков. Репрезентативность источников и данных также становится важным вопросом. Отсутствие полной количественной информации о числе эвакуированных предприятий и людей ограничивает нашу возможность получить полную картину и оценить истинные масштабы этого феномена.

Список использованной литературы:

1. Акрамов, А. З. Эвакуация промышленных предприятий в Таджикистан в годы Великой Отечественной войны как фактор дальнейшего развития индустрии и изменение состава населения / А. З. Акрамов // Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве 2021 : сборник материалов. – Пермь, 2022. – С. 414-424.
2. Елохов, В. В. Массовая эвакуация 1941 года как феномен Великой Отечественной войны / В. В. Елохов, И. Л. Корнаковский // Прикоснись сердцем к подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. : сборник научных трудов. – Москва, 2022. – С. 45-64.
3. Емельянов, А. М. Ленинградский авиаприборный завод в эвакуации (по документам Молотовского горкома ВКП(б)) / А. М. Емельянов // Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны : сборник научных статей. – Челябинск, 2021. – С. 95-103.
4. Кошина, О. В. Промышленность Мордовии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: условия становления и пути развития / О. В. Кошина, Л. Г. Скворцова // Экономическая история. – 2020. – Т. 16, № 1(48). – С. 64-76.
5. Кошкина, О. А. Государственный оптический институт в эвакуации 1941-1945 гг. По документам Государственного архива Республики Марий Эл / О. А. Кошкина, А. Н. Сергеева // Вестник архивиста. – 2022. – № 2. – С. 396-407.

6. Лагвилава, У. Г. Эвакуация военной промышленности в начале Второй мировой войны и НКВД / У. Г. Лагвилава // Клио. – 2019. – № 7(151). – С. 172-174.
7. Павленко, Д. А. Оценка организации эвакуационных железнодорожных перевозок важнейших объектов народного хозяйства СССР в начальный период Великой Отечественной войны 1941-1942 гг / Д. А. Павленко, А. С. Соловьев, Л. В. Максимова // Специальная техника и технологии транспорта : сборник научных статей. – Санкт-Петербург, 2021. – № 12. – С. 96-105.
8. Попов, А. Н. Эвакуация наркомата Вооружения СССР и Ленинградского военно-механического института в Г. Молотов в годы Великой Отечественной войны: причины, обстоятельства, результаты / А. Н. Попов, А. А. Маткин // ВОЕНМЕХ. Вестник Балтийского государственного технического университета. – 2023. – № 1(12). – С. 61-70.
9. Потемкина, М. Н. Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны / М. Н. Потемкина, А. Ю. Климанов. – URL: http://modernhistory.ru/f/potemkina_klimanov.pdf (дата обращения: 12.03.2024). – Текст : электронный.
10. Серебрянская, Г. В. Во имя Победы! Республики Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны / Г. В. Серебрянская // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: историческая память народа : материалы Всероссийской научно-практической конференции / Чувацкий государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева. – Чебоксары, 2020. – С. 205-220.
11. Серебрянская, Г. В. Горьковская область в годы Великой Отечественной войны - ближайшая база фронта / Г. В. Серебрянская // Народ и война. Исторические уроки для современности : материалы Второй Всероссийской научно-практической и образовательной онлайн-конференции. – Нижний Новгород, 2021. – С. 190-197.
12. Тимофеева, Л. С. Эвакуация предприятий оборонной промышленности в Казань в годы Великой Отечественной войны / Л. С. Тимофеева, Ф. Г. Вагапова // Великая Отечественная война 1941-1945 гг. : подвиг народа и уроки истории : сборник статей. – Казань, 2020. – С. 350-359.
13. Тишкина, А. В. Пензенцы и блокадный Ленинград в краеведческой литературе / А. В. Тишкина // Теория и практика изучения истории городских и сельских населенных пунктов : сборник материалов Всероссийских краеведческих чтений. – Пенза, 2022. – С. 447-452.
14. Топчиенко, М. В. Анализ эвакуации танковой промышленности на Урал и в Сибирь в годы Великой Отечественной войны / М. В.

- Топчиенко, А. Ю. Русанов, А. М. Кураев // Архив в социуме - социум в архиве : материалы шестой Всероссийской научно-практической конференции. – Челябинск, 2023. – С. 121-123.
15. Эвакуация предприятий текстильной и легкой промышленности во втором полугодии 1941 года / В. С. Белгородский, С. Г. Дембицкий, А. Ю. Гаврилов, В. С. Околотин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2022. – № 3(53). – С. 26-39. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49345340_88200356.pdf (дата обращения: 12.03.2024).
16. Solnyshkin, A. A. Actions of the State Defense Committee to evacuate industry from Leningrad: September - December 1941 / A. A. Solnyshkin. – Текст : электронный // Science.Research.Practice : themed collection of papers from International scientific conference, April 2021. – SPb, 2021. – Р. 22-25. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46198062_82663247.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

КУЧЕРИН Р.В., СЕМЕНОВ И.А.

**ВЮИ ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация
ЛУДОМАНИЯ: АВТОНОМИЯ ЛИЧНОСТИ (ПО И. КАНТУ)
ИЛИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ЭСКАПИЗМ**

Для того чтобы дать онтологическую характеристику лудомании, необходимо раскрыть данное понятие. Наиболее широко, оно определяется как игровая зависимость, при этом чаще всего, от азартных игр. Данный фактор, при условии его доминирования в жизни человека и учитывая сущностные характеристики феномена, ведет к снижению или вовсе разрушению социальных, моральных, семейных и профессиональных ценностей индивида, вплоть до домашнего насилия [4, с. 129]. Кроме того, активная фаза развития азартных игр сказывается на внутриэкономическом состоянии страны, приводя ее к дисбалансу в экономике, так как деньги потребителей, проигранные лудоманами, часто переходят в теневой сектор и в офшорные счета компаний, выходясь за границы официальных экономических отношений.

Современная социально-философская характеристика феномена лудомании центрируется вокруг понятия, предложенного нидерландским философом Йоханом Хейзинга (1872 – 1945) – «*homo ludens*» (человек играющий) [5, с.28], то есть человек, для которого его личностный аспект бытия невозможен без внедрения в нее элементов азартных игр. Специфика подобного эскапизма заключается в том, что только в человеческом обществе при формировании определенных социальных условий это на первый взгляд безобидное занятие может превратиться в серьезную зависимость наряду с

алкоголизмом и наркоманией она влияет не только на формирование и развитие отдельного индивида, но и на целостность общества в целом. С другой стороны, теория автономии личности И. Канта, наделяет человека способностью самому устанавливать себе законы, аналогичные законы природы. В сущности, метасубъективность, которая проявляется в азартных играх, не противоречит этому постулату. И. Кант расширил понятие «автономии» до рационального и душевно-психического смысла, отнес его к пространству личности, к сфере личностных качеств [2, с. 118].

Эскапизм здесь неразрывно связан с технологиями и рассматривается как механизм психологической защиты и способ аутомифологизации личности индивида [1, с. 270]. Иными словами, через азартные игры человек пытается уйти от окружающей его социальной реальности, чужого мнения и установленных рамок. Внедряя азартные игры в свою жизнь, человек отгораживает себя от внешнего мира, замыкается на жажде выигрыша, а всеми его поступками руководит случайность или «спланированная» игровой стратегия.

Практическое воплощение симулякра эскапизма реализуется в виде аксиологического запроса на поиск способов легкого приобретения материального статуса и финансов, как альтернативы от реально существующего. Одним из таких способов является заработок легких денег с помощью ставок в букмекерских конторах. Данные конторы заполняют просторы интернета с помощью рекламы, буквально на каждом шагу появляется реклама с лозунгом о бесплатном получении денег при регистрации (так называемый бонус при первом пополнении) это привлекает пользователей. После того как пользователь регистрируется и пополняет виртуальный счет, начинается основная часть которая и вызывает зависимость и провоцирует эскапизм, то есть уход от реальности. Механизм последнего феномена достаточно прост, после нескольких ставок у человека складывается представление о том какие действия необходимо делать для того чтобы поставить и появляется приоритет определенных ставок. При первых ставках букмекер специально повышает депозит игрока для того чтобы создать у субъекта мнимое представление о том что он якобы везунчик и у него все хорошо получается и если он продолжит то сможет заработать миллионы. Данные мысли ошибочны, потому что по статистике казино всегда остается в выигрыше, а рискуя чем то при этом сидя на диване и тыкая по кнопкам человек, редко становится миллионером, чаще всего он проигрывает то, что у него осталось. После того как человек подумал, что ему крупно везет, он повышает ставки, входя в эйфорию и так называемый игровой азарт. Сперва, первые проигрыши не несут для субъекта серьезных утрат, он снова пополняет депозит и продолжает играть, повышая и проигрывая свой депозитный счет в игре, полностью, с точки зрения психологии погружается в игру и уже не может остановиться, отгораживаясь от реального социального мира и принятых в нем законов и правил.

Далее, человек полностью вовлекается в игру и уже становится зависимым от нее, при этом важно понимать, что здесь уже речь идет не только о психологическом, но и физическом проявлении, например бессоннице, ухудшении здоровья, постоянным перевозбуждением или наоборот сильным пассивным настроением, его мысли только об игре и желании выиграть большое количество денег, мечты в буквальном смысле перевешивают здравый смысл, что приводит в итоге к еще большему вовлечению в игру. Последней стадией психологического и физического вовлечения в игру со стороны моральной и социальной точки зрения является полное вкладывания всех материальных средств в азартные игры, что проявляется в виде вкладывания на виртуальный депозит не только заработанных, но и заемных средств. Данные действия полностью отрицают здравый смысл.

Но также в многообразии действительности нередки случаи влечения людей к игре из-за психологических нарушений. Яркими примерами негативного влияния эскапизма, на социальную действительность человека, являются такие психосоциальные нарушения как: эмоциональное выгорание, чувство ненужности в этом мире, чувства неопределенности в мире и неспособность найти свое призвание все это подкрепляется депрессией и по итогу человек начинает поиски такого занятия, которое поможет ему выйти из этого состояния ну или хотя бы в краткосрочной перспективе поможет ему отвлечься от ужасных нагнетающих мыслей, которые имеют такую силу воздействия на индивида что в последствии если он не обратится к психологу и не станет бороться с этими проблемами то это может привести к отстранению от общества, постоянному обвинению себя во всех внешних проблемах которые встречаются ему на пути к достижению своих целей и все это в конечном итоге способно привести даже к летальному исходу посредством суицида. Радикальная игровая зависимость может сопровождаться навязчивыми мыслями, которые могут спровоцировать скулуштинг [3, с. 91].

По итогу человек так устроен, что он не привык признавать проблем со своим здоровьем в частности с психологическим и поэтому он решает, что это просто временные трудности, от которых нужно избавиться и, по мнению таких людей, забыться с помощью ставок на тотализаторы становится идеальным решением. Проводя время в игре, человек забывает обо всех своих проблемах, получая удовольствие при выигрыше (всплеска в кровь дофамина - гормона счастья) и испытывая чувства тревожности, расстройства в смеси с азартом получить отыгрыш, сделав другую ставку. Все это, так или иначе, отстраняет человека от внешнего мира, где куча проблем и сложностей.

В конечном счете, после таких долгосрочных сессий индивид перестает видеть свой мир без игры, так как она становится единственным счастьем в его жизни и все его мысли уже направлены не на решение своих проблем, а на то, как он вскоре зайдет в игру и снова окунется в мир азарта и

беззаботной жизни. Все это в совокупности приводит к уничтожению в личности его индивидуальных качеств и разрушение его материального и духовного мира, для такого человека теперь единственным выходом из такого состояния является обращение к качественному специалисту который поможет заполнить его пустоту важными задачами которые помогут ему с его проблемами и вернут его в нормальное русло и если этого не сделать то все может закончиться очень плохо как для него, так и для окружающих его людей.

К большому сожалению, в нашем быстро меняющемся мире не все люди способны уловить темп развития технологий и резких перемен во всех сферах жизни и нередко такие люди в виду своего темперамента личности не способны найти «свое дело» (так называемое призвание - ту профессию или навык к которым у них наибольшее предрасположение и в котором они становятся профессионалами намного быстрее, чем другой среднестатистический индивид) вследствие чего из-за навязанных шаблонов общества таких как «без своего дела ты никогда никем не станешь и ничего не добьешься» люди начинают испытывать больший стресс, что в свою очередь отрицательно влияет на ментальное здоровье человека и в конечном итоге приводит к такому состоянию как депрессия. В таких случаях индивиды опускают руки и начинают тратить свое свободное время на всяческие бессмысленные развлечения по типу просмотра сериалов, фильмов, коротких видео. В общем и целом такие развлечения направлены на трату времени в сети интернет но основная проблема заключается в том что сеть интернет наполнена массой рекламы различных букмекерских контор и люди, которые на протяжении большого количества времени ее наблюдают в конечном итоге переходят по ссылкам, ведущим на сайт букмекерской конторы где в свою очередь из-за заинтересованности делают свои первые ставки и выиграв пару, раз их затягивает данная игра до такого состояния, что у обычного человека который не был предрасположен к азартным играм вырабатывается игромания, которая как мы выяснили ранее, приводит к разрушению или обесцениванию моральных и социальных ценностей, что бесспорно негативно влияет на жизнь индивида и окружающее его общество в целом.

Наиболее часто зависимость к азартным играм развивается у подростков в возрасте 11-14 лет. Лудомания как проблемное заболевание наиболее часто встречается у мужчин, но протекает намного сложнее у женщин. Хотелось бы отметить, что лудомания связана с психическими проблемами (расстройствами), депрессией, злоупотребление алкоголем и другими психотропными веществами.

Все это, в конечном счете, приводит к разрушению основных моральных и социальных норм сложившихся в историческом социальном и правовом поле нашей страны. Человек буквально становится отреченным от общества, его семья и близкие друзья отворачиваются от него, а он в свою очередь уже не может самостоятельно справиться с патологической

зависимостью. Если вовремя не прибегнуть к помощи специалистов то человек оказывается на низшей ступени социальной лестнице, что влияет не только на общество, но и на состояние государства в целом. Страдает материальная составляющая страны, что приводит к ухудшению жизни других жителей государства.

Список использованной литературы:

1. Белов В.И. Эскапизм: причины, функции и границы // Инновационная наука. 2017. №3-1. С. 270
2. Майкова Э.Ю. Автономия личности и социальные практики адаптации // Власть, 2012. №5. С. 118-120
3. Секретова Е. М. Скулшутинг как самостоятельный социально-криминологический феномен / Е. М. Секретова, И. А. Семенов // Российское общество и государство на современном этапе: Сборник научных трудов комплекса научных мероприятий, Владимир, 24–28 апреля 2023 года / Редколлегия: В.Н. Бодяков (пред.), Р.Р. Зарипов, Р.М. Карабанов [и др.]. Том Выпуск 3. Владимир: Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 91-93.
4. Семенов И. А. Домашнее насилие над женщинами. Некоторые особенности абьюза / И. А. Семенов, П. А. Савельева // Женская активность: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 21–22 января 2021 года. Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2021. С. 129-132.
5. Хейзинга Й. Человек играющий: Ст. по истории культуры / Й. Хейзинга; Йохан Хейзинга; Сост. и пер. [с нидерл.] Д. В. Сильвестров. [2. изд., испр.]. Москва: Айрис пресс, 2003. С. 28.

ЛОМАНОВА Т.Д.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Научный руководитель: Фатенков А.Н.,

доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

ПОНЯТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО В АНТИУТОПИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Человек живет в обществе себе подобных уже много тысяч лет, и степень организации этого общества была разной, от племен и общин до монархических и даже тоталитарных государств. Чтобы группа людей, вне зависимости от ее размера и функции, могла существовать в относительном порядке, ей необходимы правила, регламентирующие дозволенное поведение и санкции в случае нарушения установленных принципов. В разных типах обществ соотношение разрешенного и запрещенного отличается, что зависит

от положения коллективного и индивидуального в данной общественной системе. Индивидуальное начало в процессе осуществления социальных практик обычно находится в угнетенном состоянии, так как структурам, обладающим властью, значительно проще управлять населением с гомогенным типом мышления и его содержанием.

Совершим краткий экскурс в историю философии, чтобы проследить изменение в восприятии понятия «индивидуальность». В своей монографии «Индивидуальность в современном обществе» Н.С. Серова указывает, что термин «индивидуальность» и однокоренные с ним слова были образованы от латинского слова “*individuum*”, что означает «неделимая часть» или «отдельная особь» [7]. Одними из первых к теме индивидуальности обратились древнегреческие мыслители, они осмыслили человека как часть Космоса – некий микрокосмос, сочетающий в себе свойства всей Вселенной. В средневековой философии идеи, связанные с человеком, подвергались влиянию религиозной сферы и рассматривались сквозь призму религиозных догматов о спасении души.

В эпоху Возрождения в науке, искусстве и философии развивался принцип антропоцентризма, когда человек приобретал силу и власть над миром и самим собой, чего он не имел никогда ранее. Человек воспринимался как Творец, хотя и не равный Богу, но имеющий возможность влиять на окружающие его обстоятельства, на других, на себя. Через осознание возможности определять свой жизненный путь и самостоятельно формировать себя как индивидуальность мыслители Нового времени (Р. Декарт, Дж. Локк) обосновывали идею свободной, гармонически развитой личности. Немецкий философ Г. Гегель понимал индивидуализацию как обретение индивидом «самости», но обязательно в единстве с общим – Абсолютной Идеей, что избавляет такую сущность от случайности существования. Согласно И. Канту, все учение о человеке предстает в виде двух подходов в познании (человек как результат эволюции природы и как свободно действующее существо), которые реализуют заложенную природой целесообразность [7].

Итак, опираясь на происхождение термина, можно сказать, что «индивидуальность» означает «быть самим собой» [2, с. 17], когда дальше разделить невозможно, и человек является целостной единицей бытия. Формирование и развитие индивидуальности означает продолжение поиска человеком если не смысла жизни, то тех способов, с помощью которых он может реализовать себя, обеспечить свое социальное, но в то же время самодостаточное бытие.

В контексте этих воззрений рассмотрим идею индивидуального на примере такого типа общества, где свобода и индивидуальная инициатива не являются личным выбором гражданина, например, в рамках антиутопического социума. Выбор данного материала обусловлен свойственными антиутопическим произведениям характеристиками, с помощью которых создается своеобразный мир взаимодействия государства

и его граждан. Основой жанра антиутопии послужил его предок – утопия, название которой происходит от древнегреческих слов *οὐ* «не» + *τόπος* «место», что означает «место, которого нет». Суть жанра утопии сводится к описанию идеального общественного строя, однако, в несуществующем месте, в несуществующей государственной системе. Это и было изображено в книге Томаса Мора «Утопия» (1516), после публикации которой слово «утопия» стало употребляться как нарицательное существительное. В противоположность ей на границе XIX+XX веков начал развиваться жанр антиутопии, своим названием отрицающий идеальное утопическое государство. Другое его название «дистопия» происходит от греческих слов *δυσ* «отрицание» + *τόπος* «место». Антиутопии тоже описывают воображаемые системы, но фокусируются на негативных последствиях их влияния на человека и природу вокруг него, становясь до определенной степени предупреждением читателю о возможном будущем современной ему действительности.

Рассмотрим интересующий нас жанр более детально. Актуальность рассмотрения вызвана не в последнюю очередь тем, что в современном цифровом обществе обнаруживаются следы воплощенной антиутопии [8]. Исходя из происхождения от утопии, антиутопия в некотором смысле спорит с утопическим замыслом [4], так как утверждает, что заранее спроектированное мироустройство обязательно приведет к насилию над социумом и личностью, а впоследствии и к тоталитаризму [1]. Важным элементом дистопии является псевдокарнавал: классический карнавал подразумевает амбивалентный смех, а псевдокарнавал – абсолютный, перманентный страх, проявляющийся в постоянном ожидании ареста, наказания за инакомыслие. В силу природы карнавала страх в антиутопии также приобретает свою бинарную оппозицию – благоговение перед государством, и крайности эти работают попеременно, персонажи находятся во власти то одного чувства, то другого [4].

Жизнь людей в антиутопических государствах также имеет свою специфику, заключающуюся в ее ритуализации, что отсылает нас к утопии, где существует «принудительное счастье геометрических идиллий, регламентированных экстазов» [9, с. 1], а хаотичное движение человека невозможно. Люди должны делать одно и то же изо дня в день, что упрощает контроль над ними. Даже чувственная сфера жизни регламентирована: человеку разрешено вступать в сексуальную связь в соответствии с определенным алгоритмом, и государство должно знать об этом [4].

Сюжетный конфликт происходит тогда, когда человек отказывается выполнять свою роль в ритуале и изъявляет желание пойти по своему собственному пути, на что система отвечает отрицательно и стремится вернуть взбунтовавшуюся ячейку на положенное ей место. Ввиду такого полярного взаимодействия герой антиутопии всегда эксцентричен, он живет по законам аттракциона. Причиной этому является экстремальность условий, в которых живут люди в антиутопическом мире, и персонажи ищут любой

способ нарушить существующий алгоритм поведения, живя между страхом, благоговением и желанием свободы. Чтобы реализовать остатки своих человеческих, искренних желаний, герой находит успокоение в творческом порыве, которое обычно проявляется в сочинении записок, что можно трактовать не только как стремление через творчество выйти из-под тотального контроля, но и как возможность саморефлексии [4].

Разобравшись в сущности необходимых нам понятий, перейдем к материалу исследования – роману Е.И. Замятина «Мы» (1920) как одной из первых отечественных антиутопий, где ярко проявились основные черты этого жанра. Сюжет достаточно прост: главный герой, называемый «номером» Д-503, математик, строитель «Интеграла», живет привычной ему жизнью по заложенным Единым Государством принципам, чем вполне удовлетворен. Однако, в его жизни внезапно появляется женщина, пронумерованная как I-330, которая связана с подпольной организацией, члены которой собираются устроить революцию и изменить существующий строй. I-330 привлекает главного героя тем, что ее образу жизни свойственны запрещенные в их мире вещи: пьет алкоголь, курит, часто бывает в Древнем доме (место, оставленное как образец жилища древних народов), говорит загадками. Находясь под влиянием I-330, главный герой предпринимает попытку помочь революционерам совершить их планы, но это не вполне удается: в результате получается лишь некоторый хаос, который Единое Государство спешно ликвидирует, совершая Великую Операцию по удалению «центра фантазии» у «номеров» и пытая революционеров, раскрытых благодаря показаниям Д-503.

Название романа «Мы» отсылает читателя к одному из важнейших элементов произведения – такой унификации общества, где есть только «мы» и нет никакого «я», есть только коллектив, общество, а проявление индивидуальности наказуемо. Текст романа оформлен в виде «конспектов», которые ежедневно записывает главный герой, т.е. повествование ведется от лица Д-503. В первом конспекте герой пишет об этом коллективном мышлении, не лишенном идеологичности: «Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю – точнее, что мы думаем (именно так: мы, и пусть это «МЫ» будет заглавием моих записей)» [3, с. 4]. Он сразу приравнивает свою мысль к точке зрения всех граждан государства, так как в его сознании существует онтологически объективный, нерушимый мир [5], что не позволяет ему помыслить о возможности существования иных точек зрения. Как пишет Э.М. Чоран в одной из глав книги «История и утопия», «враждебная всякому отклонению, всему бесформенному, всему выбивающемуся из ряда, утопия укрепляет однородное, типичное, повторяющееся, правильное» [9, с. 3]. Д-503 говорит об идее «права» через призму силы: «Не ясно ли: допускать, что у “я” могут быть какие-то “права” по отношению к Государству, и допускать, что грамм может уравновесить тонну, – это совершенно одно и то же. Отсюда – распределение: тонне – права, грамму – обязанности...» [3, с. 111]. Главный герой показывает, что в

антиутопическом мире индивид не может иметь прав, так как он маленький, он один и не может оказывать давление на большинство, а общество как совокупность мнений в едином порыве может претендовать на что-то. Впрочем, речь здесь идет не о демократии и решении проблем большинством голосов – чтобы людям было дозволено жить по универсальной формуле «математически безошибочного счастья», Единое Государство требует абсолютного большинства голосов, чтобы ни один винтик не сбивал стройную работу механизма, например, во время голосования за Благодетеля в День Единогласия: «Я вижу, как голосуют за Благодетеля все; все видят, как голосую за Благодетеля я – и может ли быть иначе, раз «все» и «я» – это единое «Мы» [3, с. 132].

В Едином Государстве жизнь людей – это набор ритуалов, которые главный герой периодически повторяет, чтобы не сбиться с «нравственного» ориентира: «...Часовая Скрижаль, Личные Часы, Материнская Норма, Зеленая Стена, Благодетель» [3, с. 11]. Сутки в этом мире расписаны по часам: когда «нумерам» должно вставать, завтракать, идти на работу, слушать лекции в аудиториях, ложиться спать – и ни в коем случае нельзя находиться на улице после 22:30. Имеется лишь два личных часа, которые люди могут проводить на свое усмотрение – можно прогуляться по прямым улицам со стеклянными домами, сидеть в своей квартире и что-нибудь записывать, как это делает Д-503, или воспользоваться «удостоверением на право штор», которое существует «только для сексуальных дней» [3, с. 20]. В остальное время за поведением людей наблюдают Хранители. Кроме Материнской Нормы, существует и Отцовская Норма – это показатели физических стандартов номеров, при обладании которыми они имеют право заводить детей; не подходящие под эти критерии номера в случае нарушения правила будут подвергнуты пытке в «Машине Благодетеля». Государством также определено, что нормальной считается любовь при каких-то условиях, а не ввиду живых и искренних чувств: «Ясно, что должна быть не “просто-так-любовь”, а “потому-что-любовь”» [3, с. 26]. Утопическая система не позволяет индивидуальности проявляться ни на физическом, ни на психологическом уровнях; она задает жесткие критерии социального бытия.

Контроль государства над его населением в этом мире проявляется и через называние граждан: каждый из них имеет свой «государственный номер», состоящий из одной буквы и нескольких цифр. Казалось бы, человеку выдается уникальный, индивидуальный номер, но без привычного нам названия человека нельзя определить его семью и культуру, его внутренний мир, который отчасти может раскрываться через имя. В Едином Государстве «номером» должен обладать каждый, в противном случае он будет подвергнут наказанию: «... выпускающий изловил нумерованного человека» [3, с. 76].

Кроме того, в Государстве разработали «уличные мембраны нового типа», которые «записывают для Бюро Хранителей уличные разговоры» [3, с. 52] и лишают человека возможности на свое мнение, и главный герой верит,

что «единственное средство избавить человека от преступлений – это избавить его от свободы» [3, с. 35-36]. Намерение снизить преступность и, таким образом, обезопасить граждан от самих себя – это благое намерение, но здесь оно осуществляется ценой свободного выбора человека, проявления его индивидуальности: нельзя свободно выражать свои мысли, нельзя свободно передвигаться в удобное человеку время.

Ритуалом становятся и простые ежедневные действия: «Каждое утро, с шестиколесной точностью, в один и тот же час и в одну и ту же минуту мы, миллионы, встаем как один» [3, с. 13], «...пятьдесят узаконенных жевательных движений на каждый кусок» [3, с. 98]. Нумерам вменяется в обязанность быть здоровыми, чтобы сохранять свою стопроцентную дееспособность.

Ритуализация жизни настолько привычна жителям этой страны, что, как только Д-503 ощущает в себе иррациональные – т.е. не регламентированные законом – изменения, он думает, что «сны – это серьезная психическая болезнь», а его мозг ранее «был хронометрически выверенным, сверкающим, без единой соринки механизмом» [3, с. 32]. Позже Д-503 обращается к врачам, так как его нестабильное в эмоциональном плане состояние стало ему непривычно, и они ставят ему необычный диагноз: «Плохо ваше дело! По-видимому, у вас образовалась душа» [3, с. 85]. Завершает образ полного стирания индивидуальности намерение Государства подвергнуть всех жителей страны Великой Операции – медицинской процедуре по удалению «центра фантазии» в мозге, что напоминает лоботомию, которая была открыта значительно позже времени написания романа Замятиным. В этом усматривается намерение властей ликвидировать индивидуальность на физиологическом уровне, подменив ее «ложным сознанием» с его этическими нормами, не соответствующими действительности и мешающими социальному прогрессу [5].

Таким образом, проанализировав текст антиутопического романа Е.И. Замятина «Мы», можно прийти к выводу о том, что возможность индивидуального бытия человека ограничивается, когда человек живет в системе с тотальным контролем, репрезентация которой представлена в книгах жанра антиутопии. Тоталитарная система создает людей с идеологичным сознанием, которые не способны к критике и развитию. Хотя большинство таких прогнозов делается в художественной литературе и считается неосуществимым в действительности, Г. Маркузе считает, что социальные проекты, которым препятствуют некоторые факторы данной общественной обстановки, являются только временно неосуществимыми [6].

Список использованной литературы:

1. Араб-Оглы Э.А. Утопия и антиутопия // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. – Т. IV. – С. 152–154.
2. Васильева Т.С. Проблема индивидуальности и философская антропология // Новые идеи в философии. – 1997. – № 6. – С. 17–25.

3. Замятин Е.И. Мы: [роман]. – Москва: АСТ, 2022. – 224 с.
4. Ланин Б.А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 154–163.
5. Манхейм К. Идеология и утопия / пер. М. И. Левиной. – Москва: [б. и.], 1992.
6. Маркузе Г. Конец утопии // Логос. – 2004. – № 6. – С. 18–23.
7. Серова Н.С. Индивидуальность в современном обществе: монография. – Барнаул: ООО «ГРАФИКС», 2019. – 190 с.
8. Фатенков А.Н. Цифровое общество: цивилизация на стадии «комфортной» тоталитарности // Век глобализации. – 2022. – № 1 (41). – С. 72–85.
9. Чоран Э.М. Механика утопии: эссе / пер. с франц. и предисл. Б. Дубина // Иностранная литература. – 1996. – № 4. – С. 226–231.

ПАВЛОВ А.Н.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
*Научный руководитель: Гордин А.А.,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории, философии, педагогики и психологии, ННГАСУ*

**СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РАЗВИТИЯ
СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)**

Проблема строительства является неотъемлемой частью истории Великой Отечественной войны. Промышленное и военное строительство наряду с подвигом тружеников тыла, обеспечили материально-техническую базу фронта и тыла и сыграли важную роль в достижении экономической победы нашей страны над врагом. Тяжкий труд и самоотверженность работников строительной отрасли позволил сохранить и преумножить производственные мощности, необходимые для ведения тяжелейшей войны.

В условиях ведения войны с врагом, объединявшим экономический потенциал практически всей Европы, возникла острая необходимость перевода экономики на военные «рельсы». Эта перестройка заключалась не только в переводе гражданских предприятий на производство военной продукции, но и в строительстве большого количества новых заводов оборонно-промышленного комплекса, а также коммуникаций для их материально-технического обеспечения. Огромные усилия были приложены при строительстве оборонительных линий, укрепрайонов, мостов, переправ, полевых аэродромов и т.д. Одновременно осуществлялся особый вид строительных работ – восстановление эвакуированных заводов и фабрик. Промышленное и гражданское строительство, развернувшееся в восточных районах СССР в военные годы, стало мощным фундаментом военно-

технического обеспечения обороны страны. Таким образом, развитие всех направлений строительной отрасли в военные годы стало одним из определяющих факторов, позволивших одержать победу не только в военном, но и в экономическом плане.

В отечественной историографии проблемы развития строительной отрасли в годы Великой Отечественной войны были освещены достаточно объемно. Можно выделить три основных этапа: 1941 – конец 50-х годов; начало 60-х – конец 80-х годов и новейшая историография – начало 90-х годов по настоящее время. Историографические источники в начальный период изучения не велись и состоят в основном лишь из работ экономистов: И.А. Лерского [19], А. Коробова [14], Б. Сухаревского [30], Л.М. Кантора [11].

В этих работах авторы освещали вопросы размещения промышленности в восточных районах СССР.

Важно отметить, что литература, изучающая вопросы развития строительства, появившаяся в годы войны и первое послевоенное десятилетие, имела в основном публицистический характер в связи со строгой секретностью.

В 1948 г. вышла книга Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [4]. В ней впервые были определены роль и место строительства в программе перестройки народного хозяйства на военный лад. Будучи руководителем Госплана, Вознесенский имел возможность оперировать статистическими данными, касающимися строительства в годы войны.

Обширный материал по проблеме строительства в годы Великой Отечественной войны содержит документальный сборник трудов третьей сессии Академии строительства и архитектуры СССР.

В 1955 г. появляется одно из первых обобщающих исследований по истории Великой Отечественной войны – «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» авторов Б.С. Тельпуховского, И.С. Короткова, А. В. Митрофановой и А.М. Самсонова [24].

Так же интерес представляют работы П.И. Лященко [20] и Ф.А. Ратобыльского [25], освещающие эвакуацию предприятий в тыловые районы страны.

Институт истории АН СССР выпустил три сборника статей и воспоминаний тружеников тыла: рабочих, строителей, инженеров. Воспоминания строителей стали ценным источником информации и взгляда «изнутри». Примером таких источников служат публикации наркома по строительству военных лет С.З. Гинзбурга «О прошлом для будущего» 1986 г. [6].

Общие проблемы строительства в годы Великой Отечественной войны отражены в работах А.А. Корниенко [13], Г.С. Кравченко [15], А.В. Митрофановой [22], в статьях А.Ф. Вырыпаева [5]; диссертациях Л.А. Будкова [2] и С.С. Стецурина [29].

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС разработал шеститомник «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945» (М., 1960-1965), с использованием новых архивных документов, важнейших постановлений ГКО и СНК СССР. [8]

Немало интересных фактических сведений привели авторы и таких обобщающих трудов, как «Советский тыл в Великой Отечественной войне» (М., 1974) [28]; «История второй мировой войны 1939-1945» Т.4-9 (М., 1975-1976) [9]; «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945» (М., 1976) [27]; «Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны, 1938-1945 гг.» (М., 1978) [26]; кандидатская диссертация А.И. Кротова «Организаторская и идеологическая деятельность Коммунистической партии в частях и управлениях оборонительного строительства Красной Армии в годы Великой Отечественной войны» 1973 г. [16].

Перебазированию производительных сил и военно-промышленному строительству в годы Великой Отечественной войны посвящены две главы монографии Я.Е. Чадаева «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны» (первое издание вышло в 1965 году) [32].

Первой работой, посвященной непосредственно промышленному строительству в нашей стране в годы войны, стала докторская диссертация Ю.Л. Дьякова «Капитальное строительство в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945)» 1986 г., на основе которой была издана монография «Капитальное строительство в СССР. 1941-1945 гг.» [7]. В этих работах проведен глубокий анализ титанической работы строителей в военные годы.

Так же в 1988 г. И.А. Калашниковым была проведена еще одна попытка исследования в области военного строительства в кандидатской диссертации «Деятельность командиров, политорганов и партийных организаций частей и управлений Главвоенстроя при СНК по решению задач строительства в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)» [10].

В зарубежной историографии экономики СССР периода Второй мировой войны заслуживают внимания работы М. Харрисона [34], Д. Хоскинга [31], Н. Верта [3] и Д. Боффа [1]. Но внести какие-либо новые моменты в изучение данной темы у них не получилось, так как они обладали ограниченными источниками информации.

Таким образом, первые этапы исследования проблемы позволили значительно продвинуться в этом вопросе.

На современном этапе историографии изучаемая проблема получила свое дальнейшее развитие. Источниковая база для исследований была значительно расширена за счет рассекречивания архивных фондов.

Рассматривается проблема оборонного строительства в диссертациях «Оборонительное строительство в СССР (30-е гг. - 1941 г.) В.А. Чмыревым [33] в 1997 г. и «Мобилизация трудовых и материальных ресурсов СССР на строительство оборонительных рубежей в годы Великой Отечественной

войны, 1941 - 1945 гг.» В.Н. Маляровым в 2000 г. [21]. Исследование промышленного строительства выполнено в диссертации Е.Ф. Кондратенко «Промышленное строительство в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» в 2002 г. [12].

В недалеком прошлом выходит целый ряд научных трудов, в которых затрагивается проблематика строительной отрасли в годы Великой Отечественной Войны (1941-1945 гг.). Это такие работы как «Военная экономика СССР – важнейший фактор великой победы (1941-1945 гг.)» Г.А. Куманев, Б.У. Серазетдинов 2015 г. [17]; Планирование и экономика военного времени в СССР (1941-1945 гг.) Н.А. Невская 2015 г. [23]; «Достоинство историка: военная экономика СССР на службе фронта в 1941 - 1945 гг.» Г.А. Куманев, 2011 г. [18]

Таким образом, анализ вышедшей литературы позволяет прийти к выводу, что если вопрос промышленного и гражданского строительства военного времени изучен достаточно широко, то вопрос военного строительства интересен и актуален. Актуальность темы и недостаточная степень её изученности в исторической литературе могли бы стать решающим доводом для дальнейшего исследования.

Список использованной литературы:

1. Боффа, Д. История Советского Союза : перевод с итальянского / Джузеппе Боффа. – Москва : Международные отношения, 1990. – 630 с.
2. Будков, Л. А. Борьба Коммунистической партии за развитие нефтяной промышленности Урало-Поволжья в годы Великой Отечественной войны : специальность 07.00.01 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Будков Леонид Анатольевич. – Москва, 1974. – 230 с.
3. Верт, Н. История Советского государства, 1900-1991. / Н. Верт. – 2-е изд., испр. – Москва : ИНФРА-М : Весь мир, 1998. – 542 с. – ISBN 586225-789-6.
4. Вознесенский, Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н. Вознесенский. – Москва : Госполитиздат, 1948. – 192 с.
5. Вырыпаев, А. Ф. Промышленность Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / А. Ф. Вырыпаев. – Куйбышев : [б. и.], 1978. – 24 с.
6. Гинзбург, С. З. О прошлом для будущего / С. З. Гинзбург. – 2-е изд., доп. – Москва : Политиздат, 1986. – 364 с.
7. Дьяков, Ю. Л. Капитальное строительство в СССР, 1941-1945 / Ю. Л. Дьяков ; ответственный редактор Г. А. Куманев ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва : Наука, 1988. – 254,[2] с. – ISBN 5-02-008490-5.

8. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941- 1945. В 6 томах. – Москва : Воениздат, 1960-1965.
9. История второй мировой войны. 1939-1945. В 12 томах. – Москва : Воениздат, 1973-1982.
10. Калашников, И. А. Деятельность командиров, политорганов и партийных организаций частей и управлений Главвоенстроя при СНК по решению задач строительства в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Калашников И. А. – Москва, 1988.
11. Кантор, Л. М. Перебазирование промышленности СССР / Л. М. Кантор // Записки планового института. – 1947. – Выпуск 6. – С. 57-132.
12. Кондратенко, Е. Ф. Промышленное строительство в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. : специальность 07.00.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кондратенко Евгений Федорович. – Пенза, 2002. – 257 с. : ил.
13. Корниенко, А. А. Краткий очерк советской военно-экономической мысли. (1917-1945 гг.) : учебное пособие / А. А. Корниенко ; Воен.-полит. Крансознам. акад. им. В. И. Ленина. – Москва : [б. и.], 1974. – 171 с.
14. Коробов, А. Капитальное строительство в промышленности СССР : Стенограммы лекций, прочит. в Высш. парт. школе при ЦК ВКП(б) / А. Коробов. - Москва : тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1947. - 48 с.
15. Кравченко, Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. (1941-1945 гг.) / Г. С. Кравченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Экономика, 1970. – 389 с.
16. Кротов, А. И. Организаторская и идеологическая деятельность Коммунистической партии в частях и управлениях оборонительного строительства Красной Армии в годы Великой Отечественной войны : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кротов А. И. – Москва, 1973.
17. Куманев, Г. А. Военная экономика СССР 1941-1945 гг. / Г. А. Куманев, Б. У. Серазетдинов ; Институт российской истории Российской академии наук. – Москва : Вече, 2015. – 509, [1] с. : ил. – ISBN 978-5-4444-4705-5.
18. Куманев, Г. А. Военная экономика СССР на службе фронта в 1941-1945 гг. / Г. А. Куманев // Достоинство историка : к 90-летию со дня рождения академика РАН Ю. А. Полякова / Российская академия наук, Отделение историко-филологических наук ; составитель В. Б. Жиромская. – Москва, 2011. – С. 246-276.

- 19.Лерский, И. А. Воспроизводство основных фондов промышленности СССР в условиях войны / И. Лерский. – Москва : Госпланиздат, 1945. – 49 с.
- 20.Лященко, П. И. История народного хозяйства СССР / П. И. Лященко. – Москва : Госполитиздат, 1956. – Том 3. – 643 с.
- 21.Маляров, В. Н. Мобилизация трудовых и материальных ресурсов СССР на строительство оборонительных рубежей в годы Великой Отечественной войны, 1941 - 1945 гг. : специальность 07.00.02 : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Маляров Валерий Николаевич. – Санкт-Петербург, 2000. – 537 с.
- 22.Митрофанова, А. В. Рабочий класс в годы Великой Отечественной войны. – Москва : Наука, 1971. – 575 с.
- 23.Невская, Н. А. Планирование и экономика военного времени в СССР (1941-1945 гг.) / Н. А. Невская // ЦИТИСЭ. – 2015. – № 4 (4). – С. 6.
- 24.Очерки истории Великой Отечественной войны, 1941-1945 / Академия наук СССР, Институт истории. – Москва : Изд-во АН СССР, 1955. – 534 с.
- 25.Ратобылский, Ф. А. Создание и развитие военного хозяйства СССР в период Великой Отечественной войны / Ф. А. Ратобылский // Труды военно-политической академии В. И. Ленина. – Москва, 1959. – Том 26.
- 26.Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны, 1938-1945 гг. – Москва : Наука, 1970. – 502 с.
- 27.Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. – Москва : Наука, 1976. – 711 с.
- 28.Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне. 1942-1943 гг. / ответственный редактор А. В. Митрофанова. – Москва : Наука, 1989. – 392 с. – ISBN 5-02-008470-0.
- 29.Стецурин, С. С. Коммунистическая партия - организатор работы советского тыла в первые годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1943 гг.) : специальность 07.00.00 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Стецурин Сергей Семенович. – Минск, 1963. – 274 с.
- 30.Сухаревский, Б. Военное хозяйство СССР на третьем году войны / Б. Сухаревский. – [Б. м.] : [б. и.], 1944. – 15 с.
- 31.Хоскинг, Д. История Советского Союза, 1917-1991 : перевод с английского / Джеффри Хоскинг. – Москва : Вагриус, 1994. – 510 с. : ил. – ISBN 5-7027-0034-1.
- 32.Чадаев, Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / Я. Е. Чадаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Мысль, 1985. – 494 с.

33. Чмырев, В. А. Оборонительное строительство в СССР (30-е гг. - 1941 г.) : специальность 07.00.02 : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Чмырев Владимир Анатольевич. – Санкт-Петербург, 1997. – 252 с.
34. Harrison, M. The Soviet home front, 1941-1945 : A social a. econ. history of the USSR in World war II / Mark Harrison, John Barber. – London ; New York : Longman, 1991. – XIII, 252 с. – ISBN 0-582-00965-0 (pbk.).

РЭДМЭЙН С.Н.

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Научный руководитель: Мамедов Низами Мустафаевич.

доктор философских наук, профессор кафедры управления информационными процессами, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО МЕТОДА И. КАНТА

Трансцендентальный метод Иммануила Канта является ключевым компонентом философской системы, которая в свою очередь демонстрирует несколько особенностей, отличающих его от других традиционных философских подходов. Говоря о принципах трансцендентального метода, стоит отметить основные, которые конструируют предмет познания (опыт) и такие принципы как: репрезентативности, функционализма, конструирования и телеологизма и лежат в его основе.

Во-первых, трансцендентальный метод Канта подчеркивает важность априорного знания, то есть знания, которое не зависит от чувственного опыта. Кант считал, что некоторые фундаментальные понятия, такие как пространство, время и причинность (причинно-следственная связь, казуальная связь), существуют врожденно в человеческом разуме и формирует понимание его внешнего мира. Сосредоточившись на этих априорных понятиях, Кант стремился раскрыть необходимые условия для возможности человеческого познания и исследовать границы человеческого понимания, тем самым делая попытки его расширить и выйти за его пределы.

Во-вторых, трансцендентальный метод Канта предлагает строгое исследование самой природы и структуры человеческого познания. Он утверждал, что наше знание о мире не является простым пассивным отражением реальности, а активно конструируется в результате взаимодействия наших органов чувств (благодаря врожденным познавательным и перцептивным способностям в том числе). Кант определил эти способности как понимание, которое организует сенсорные данные в связанные концепции и воображение, которое помогает в синтезе в качестве

представления и визуализации этих концепций. Согласно Канту, все наше познание состоит из весьма разнородных элементов, таких как материи для познания из чувства и определенного способа его упорядочения.

Также, трансцендентный метод Канта включает в себя концепцию синтетических априорных суждений, другими словами, суждения, несущие новое знание, отсутствующее в понятии, которое в свою очередь является их субъектом и выходящие за рамки нашего непосредственного чувственного опыта и одновременно не вытекающие исключительно из логических рассуждений. Такие, как математические и моральные истины, возможны и необходимы для понимания мира, которые предполагают синтез понятий и способствуют нашему пониманию реальности, тем самым выходя за рамки того, что может дать только (исключительно) эмпирическое наблюдение.

Однако, когда мы говорим о трансцендентальной философии, которая в свою очередь направлена на прояснение границ познания и условий не только объективности, но и интересубъективности знания так такового, так и познания, имеющего тесную связь с метафизикой и онтологией. С другой стороны, философия в раскрытии философско-религиозных смыслов трансцендентного исходит из антропологической проблематики. При глубинном анализе философских смыслов трансцендентного и трансцендентального и его изучения, изыскатель сталкивается с его различными интерпретациями и нередко они находятся в зависимости от светской или религиозной позиции философа. В философско-религиозном смысле трансцендентного позволяет найти ответы на экзистенциальные и духовные вопросы, бытия.

Трансцендентное представляет в качестве имманентной характеристики как бытия в целом, так и личностном, позволяющее направиться за рамки (пределы) своего существования, в котором происходит глубинное осознание своих границ, своего бытия и возникшее из потребности в нахождении высших его смыслов в целом и, преодолевая их, выходит за их пределы, тем самым обретая смысл своего существования, делая его холистическим (целостным), осмысленным и осознанным.

Трансцендентальным считается такое познание, занимающееся не сколько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori* - это такое доопытное *a priori*, которое применяется к чувственным данным, делая тем самым возможным и опыт, и всякое познание и воление вообще. Тем самым Кант утверждает, что априорное познание, конституирующее предметное восприятие мира, что в свою очередь делает научное познание систематическим. В свою очередь, трансцендентное, ему противопоставляется и И. Кант называет такие понятия разума, познания, которое невозможно даже до опыта, иными словами, применение которого всегда выходит за рамки опыта, которое в противоположность имманентному и придает ему гносеологическое значение, что в свою очередь определяет его как то, что находится за пределами (границами) возможного опыта. Однако, ни для кого не секрет,

что еще с древних времен и до сих пор, человек использует, в том числе формы иррационального, внерационального познания мира, проявляющееся в таких формах, как интуиция в разных ее вариантах, таких как: инсайт, яснознание, ясновидение, ясночувствование, откровение, созерцание. В науке к большинству этих форм сложилось скептическое отношение, а порой даже негативно-обесценивающее, потому что на данный момент механизмы их осуществления нераскрыты, в то же самое время сегодня все более на них обращают внимание и деятели науки, поэтому резкое отношение и категоричная критика в философии не слишком этому благоволит, потому как, вероятнее всего в них скрыты древние и когда-то утерянное (латентное) знание, но которое явно имеющее практический опыт в том числе. При этом, так или иначе каждый человек, хотя бы раз в жизни это ощущал и проживал.

«Чувства не ошибаются, однако не потому, что они всегда правильно судят, а потому что они вообще не судят» [1, с. 69]

Интуиция и логичность понятия - это два различных и одновременно необходимых элементов нашего познания. Во всем многообразии различных форм человеческого знания ученые, философы и мыслители стремились этимологизировать и классифицировать, выделяя знания на фундаментальные, рациональные, эмпирические, теоретические, прикладные. Однако два концепта интуиции и понятия, рационального и иррационального, это всегда дискурсивное представление, которое с одной стороны является чем-то общим и тем, что служит правилом для объединения, через образные представления, которые обеспечивают конкретное содержание нашего познания. В этом смысле, вероятнее всего встает вопрос соотношения рационального и иррационального знания и их согласованность и, доказуемость. Впрочем, как и в контексте трансцендентального подхода который предполагает “переключение” философского исследования с предметов на человеческий способ познания, или исследование “человеческой способности познания” (субъективная дедукция), подразумевая, что в человеческом знании содержатся априорные компоненты. А что если не “переключение” с одного на другое, а выйдя за пределы, мы можем обнаружить, что это всего лишь компоненты целостного объекта, которые могут быть в синхронности и единстве. Когда в сфере сознания применяется и используется, как имманентность (в пределах возможного опыта) и то, что выходит за эти пределы, иными словами трансцендентность, тем самым устраняющие эти границы “переключения”?

«Чрезвычайно важно обособлять друг от друга знания, различающиеся между собой по роду и происхождению, и тщательно следить за тем, чтобы они не смешивались со знаниями, которые обычно связаны с ними в применении. То, что делает химик, разлагая вещества:, то, что делает математик в своем чистом учении о величинах, в еще большей мере должен делать философ, чтобы иметь возможность точно определить долю, ценность и влияние особых видов знания в разнообразном применении рассудка» [4, с.686, 842, 879].

Однако, в работе «Критика чистого разума» словно внутренний конфликт в котором прослеживается категоричность, резкость в суждениях, например:

«Чистый разум есть такая обособленная и внутри себя самой столько связанная сфера, что нельзя тронуть ни одной ее части, не коснувшись всех прочих, и нельзя ничего достигнуть, не определивши сначала для каждой части ее места и ее влияния на другие; действительно, так как нет ничего вне чистого разума, что бы могло руководить нашим суждением, то значимость применения каждой его части зависит от того отношения, в котором она находится к прочим частям в самом разуме; и как в строении органического тела, так и тут назначение каждого отдельного члена может быть выведено только из полного понятия целого. Поэтому о такой критике можно сказать, что она никогда не достоверна, если не завершена полностью и до малейших элементов чистого разума, и что относительно сферы этой способности нужно определять и решать все или ничего» [5, с. 77-78].

Также трансцендентальный метод Канта занимает критическую (важную) роль по отношению к метафизике, особенно к спекулятивной (от лат. *speculatio* - наблюдаю, созерцаю). В основании метафизики лежит *meta physic naturalis*, которое предвосхищает опыт уже в проявленной материи, иными словами, тип знаний направленный на осмысление предельных оснований духовно-практического освоения мира, в том числе и связана со спекулятивной возможностью человеческого разума которая, в свою очередь способна менять свою конфигурацию при решении разных умственных задач и это знание тем самым возвышается не только над эмпирическим опытом, но и над теоретическим знанием. Кант считал метафизику, которая стремится дать окончательное объяснение реальности, выходящее за рамки эмпирического наблюдения, склонной к спекулятивным рассуждениям и необоснованным предположениям. Вместо этого он предложил критический подход к метафизике, стремясь определить пределы человеческого знания и установить границы того, что может быть познано с помощью разума. Через трансцендентальную философию становится возможным прогресс метафизики от естественного отчуждения разума, вероятно иллюзорно предполагающего наличие второго мира субстанций за только видимыми его проявлениями, к метафизике как науке. И вопрос сам словно напрашивается - как возможны априорные суждения синтеза? Почему одно всегда должно исключать другое?

Метафизика, которая имеет место в человеческой жизни, развивается, в том числе в связи с вопросом о взаимоотношениях между философией религии и теологией и, таким образом, анализируется для философии религии и фундаментальной теологии. А реторсивное обоснование служит для того, чтобы отличить необходимое содержание понимания бытия от конкретной концепции реальности, которую сформулировал человек. Это инициирует критическую экспликацию понимания бытия, через дифференцированный взгляд на реальность. Однако ответ исследователя на

вопрос о бытии включает и его понимание себя как познающего и действующего лица, а это возвращает его к антропологии и смежных видов наук. По сути, вопрос о соотношении между теологией и философией религии - это метафизический вопрос о том основании, на котором впервые возникают обе науки, и, следовательно, это также вопрос о природе существа, которое неизбежно движет этими науками. Таким образом, вопрос о соотношении способов познания становится метафизическим вопросом, а именно о соотношении областей, на которые направлены способы познания, в совокупности познания бытия, что приводит в том числе к философско-антропологическому вопросу о природе человека и нашей ориентации на жизнь.

Мы руководствуемся этим ответом, когда занимаем ту или иную позицию в отношении различных наук или общих сфер жизни, используем их для формирования наших мнений и оцениваем их с точки зрения организации нашей жизни. В этом проявляется дуальность категорического и утвердительного синтеза. Наши взгляды (ментальные конструкции, убеждения, а priori), которые мы берем за основу при формировании своей жизни и при принятии решений и, в этом смысле считаем “истинным”, которые зависят как от конкретных способов формирования мнений, так и от оценки их значимости для наших суждений, иными словами, эмпирического опыта (с лат. а posteriori - “апостериорным”, согласно Канту), которое противопоставляется априорному, доопытному знанию, достигнутому через умозрительное мышление. Таким образом, философская деятельность в ее экзистенциальном значении может быть понята как дальнейшее развитие соответствующего жизненного мировоззрения и личностного ответа на вопрос о бытии.

В целом, трансцендентный метод Канта характеризуется акцентом на априорном знании, рассмотрением человеческого познания, критическим подходом к метафизике и признанием синтетических априорных суждений. Эти особенности формируют уникальный взгляд Канта на природу и границы человеческого познания и оказали значительное влияние на последующую философскую и научную мысль по настоящее время.

Список использованной литературы:

1. Критика чистого разума/ Иммануил Кант. - Москва: Эскимо, 2023. ISBN 978-5-699-81797-9, 160 с.- (Великие личности), с.69.
2. Витгенштейн 1994б — Витгенштейн Л. Философские исследования //Его же. Философские работы. Ч.1. М.: Гнозис, 1994.
3. Тетюев, Л.И. Трансцендентальная философия: современный проект/ Л.И. Тетюев. - Саратов, 2001
4. И. Кант Критика чистого разума // Кант, 1964, с. 686; А 842; В 879.
5. Кант И. Критика практического разума // Соч. В 6 т. М. 1965 в, (с. 77-78).

6. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983. A PRIORI.
7. Moore, The Transcendental Doctrine of Method, in P. Guyer (ed. The Cambridge Companion to Kant's "Critique of Pure Reason" (Cambridge: Cambridge University Press, 2010), pp 310-326.
8. Schulting, "Kant's Copernican analogy: beyond the non-specific reading", *Studi Kantiani* xxii (2009): 39-65.
9. S. Wolff- Metternich, Die überwindung der mathematischen Erkenntnisideals. Kants grenzbestimmung von Mathematik und Philosophie (Bern/New York: de Gruyter, 1995).

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Азарян Самир Генрихович, доктор философских наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар, Российская Федерация, E-mail: piluncas@mail.ru

Арутюнян Каринэ Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и права, Рязанский государственный радиотехнический университет им В.Ф. Уткина, г. Рязань, Российская Федерация, E-mail: carin-dor@yandex.ru

Астапкович Александра Эдуардовна, курсант, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань, Российская Федерация, E-mail: astapsasha0@mail.ru

Балаклеец Наталья Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет, Российская Федерация, г. Самара, E-mail: bnatalja@mail.ru

Берендеев Вадим Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических коммуникаций Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: weiss-tiger@yandex.ru

Бугаевская Наталья Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности, Калужский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Калуга, Российская Федерация, E-mail: bugaevskaja.natalia@yandex.ru

Гордин Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: alexei.gordin@yandex.ru

Гребенюк Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: grebenyuk.7aleksey@gmail.com

Дуплинская Юлия Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии, культурологии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация, E-mail: duplinskaya@mail.ru

Егорова Татьяна Игоревна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань, Российская Федерация, E-mail: madamti62@yandex.ru

Елхова Оксана Игоревна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, Российская Федерация, E-mail: oхana-elkhova@yandex.ru

Ефимова Светлана Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: Bolinova@list.ru

Жихарева Анастасия Андреевна, студентка факультета архитектуры и дизайна, гр.062, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: nastya01072004@mail.ru

Зубкевич Лада Альбертовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: lada-zubk@rambler.ru

Киселев Владимир Владиславович, преподаватель кафедры КиМП, Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: vladimir_vek@mail.ru

Кривов Виктор Олегович, аспирант кафедры истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: vkrivov65@gmail.com

Кудряшев Александр Федорович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, Российская Федерация, E-mail: philozof@mail.ru

Кучерин Роман Владимирович, курсант, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России» г. Владимир, Российская Федерация, E-mail: iasemenov@list.ru

Лапина Валентина Семёновна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: paradigm2021@mail.ru

Лойко Александр Иванович, профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой «Философские учения», Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь, E-mail: alexander.loiko@tut.by

Лойко Лариса Егоровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и идеологической работы, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, E-mail: larisa.loiko@tut.by

Ломанова Татьяна Дмитриевна, аспирант кафедры истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: frankie98.himmel@yandex.ru

Лямина Татьяна Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук, ФГБОУ ВО Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Российская Федерация, E-mail: t-lyamina@mail.ru

Мелих Юлия Биляловна, доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ), г. Москва, Российская Федерация, E-mail: yuliamelikh@yahoo.com

Нагорнов Евгений Александрович, кандидат культурологии, доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин, филиал ФГБОУ ВО Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, Российская Федерация, E-mail: evnagor@yandex.ru

Назарова Марина Григорьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России», г. Владимир, Российская Федерация, E-mail: nmg1972@mail.ru

Павлов Антон Николаевич, аспирант кафедры истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: anpavlov1984@yandex.ru

Петев Николай Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет «имени А.Г. и Н.Г. Столетовых», г. Владимир, Российская Федерация, E-mail: cyanideemo@mail.ru

Прохоров Михаил Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: mmpro@mail.ru

Рознова Мария Александровна, заведующий сектором организационно-методического отдела, Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Межпоселенческая централизованная библиотечная система» городского округа город Арзамас Нижегородской области, Арзамасская центральная районная библиотека им. И.Н. Сахарова, Нижегородская область, г.о.г. Арзамас, E-mail: samochernova_m@mail.ru, libsa@bk.ru

Рэдмэйн Светлана Николаевна, аспирантка кафедры философской антропологии, философии культуры, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация, E-mail: morgandynamic@gmail.com

Савинов Александр Борисович, кандидат биологических наук, доцент кафедры экологии, Институт биологии и биомедицины, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: sabcor@mail.ru

Сарасов Евгений Александрович, кандидат политических наук, ведущий специалист службы коммуникаций, ООО «ЧТЗ-УРАЛТРАК», Россия, г. Челябинск, Российская Федерация, E-mail: esarassov@yandex.ru

Семенов Иван Александрович, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, Российская Федерация, E-mail: iasemenov@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России» г. Владимир, Российская Федерация, E-mail: timos@33.fsin.gov.ru

Тимошук Елена Андреевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, E-mail: e@timos.elcom.ru

Фатенков Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

Хозерова Татьяна Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: hozerova@bk.ru

Шамин Игорь Валерьевич, доктор политических наук, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права, Институт международных отношений и мировой истории, ФГАОУ ВО Национальный Исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород Российская Федерация, E-mail: shamin_64@mail.ru

Шутова Екатерина Александровна, кандидат философских наук, преподаватель, Санкт-Петербургское государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Колледж «Звёздный», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, E-mail: shu-ti@mail.ru

Яксяргин Леонид Михайлович, кандидат философских наук, заведующий организационно-методическим отделом, Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Межпоселенческая централизованная библиотечная система» городского округа город Арзамас Нижегородской области, Арзамасская центральная районная библиотека им. И.Н. Сахарова, Нижегородская область, г.о.г. Арзамас, E-mail: samochernova_m@mail.ru, libsa@bk.ru

Научное издание

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
В ФИЛОСОФИИ:
ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ОНТОЛОГИИ И ГНОСЕОЛОГИИ
КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА
(К 300-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ И. КАНТА)

Сборник статей
по материалам XIX Международной научной конференции
20 января 2024 г.

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65
<http://www.nngasu.ru>, srec@nngasu.ru